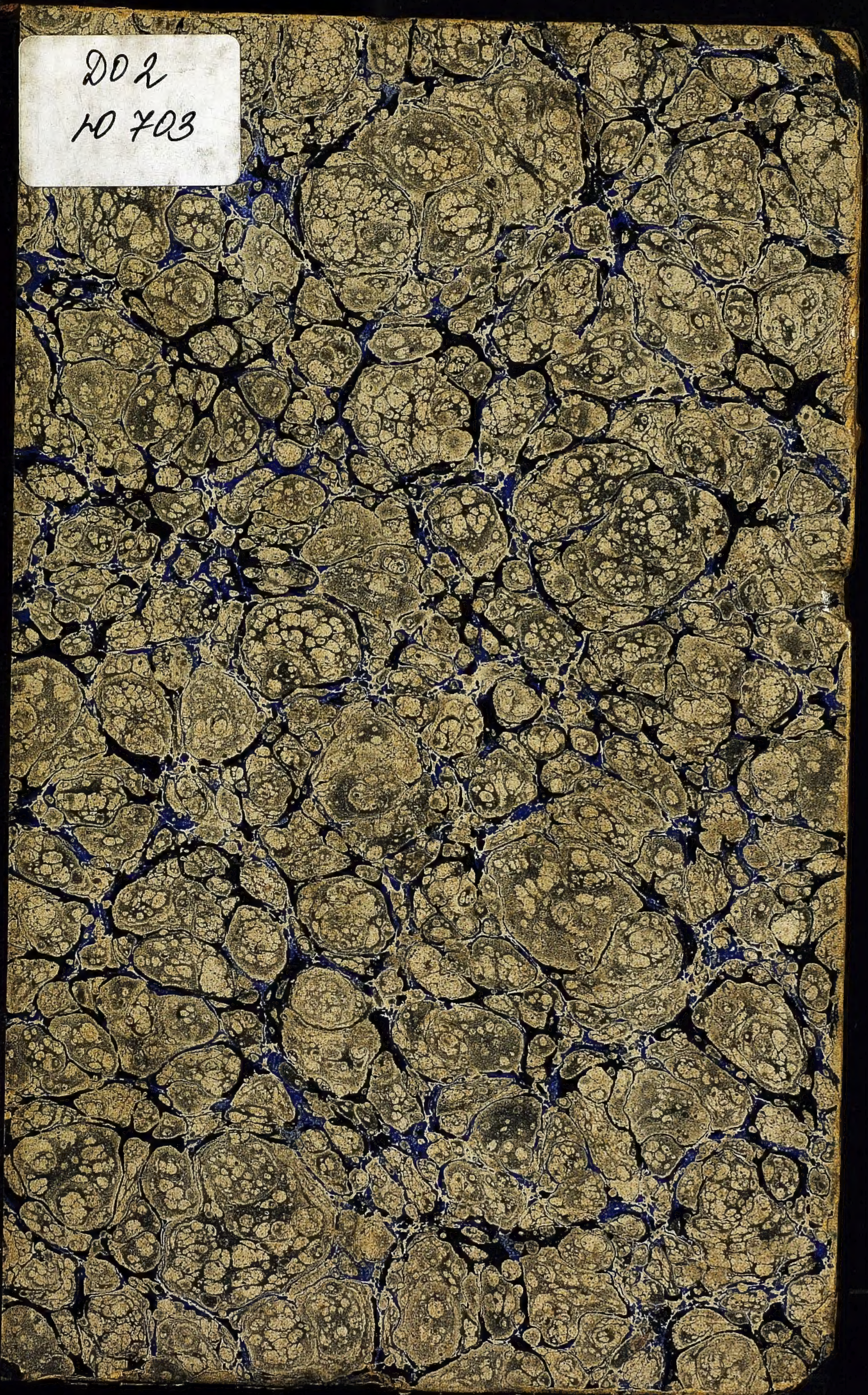


ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1889

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

ТОМЪ II

КНИГА ПЕРВАЯ

(Май)



МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1889

ПСИХОФИЗИЧЕСКІЕ ТИПЫ ВЪ ИХЪ СООТНОШЕНІИ СЪ ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ЕЯ РАЗНОВИДНОСТЯМИ.

(Частная психологія преступности).

Этюдъ первый.

Нервные, истерики, эпилептики и оскудѣлые разныхъ степеней.

(*Продолженіе* *).

Не меньшій интересъ, сравнительно съ истериками, представляютъ для криминалиста по своей связи съ сферою самыхъ ужасныхъ и жестокихъ преступленій представители другаго тяжелаго невроза—эпилепсіи. Послѣдняя представляетъ особый интересъ и значеніе еще и по своей слишкомъ ясно выраженной связи съ постоянно и неудержимо развивающейся и не щадящей даже дѣтей [121]) наклонностью къ алкоголизму общественныхъ массъ, которая, по справедливому замѣчанію д-ра Grenier, «болѣе, нежели когда нибудь сдѣлалась общественнымъ вопросомъ» [122]) и вызываетъ мысль о дѣйствительной общественной опасности «и о настоятельной необходимости мужественнаго крестоваго похода» для прекращенія ея дальнѣйшаго развитія [123]).

---

*) См. «Юридич. Вѣстн.» 1889 г., №№ 1 и 3.

121) Kerr: „Пьянство", 100 и сл ; Archiv. di psichiatr. VI vol., 205.

122) Contribut. a l'étude de la descend. des alcool., 5.

123) См. Claude: „Rapport sur la consommat. de l'alcool, 3 и 5. Этотъ докладъ сдѣланъ отъ имени сенатской коммиссіи, которой было поручено изслѣдовать злоупотребленіе алкоголемъ во Франціи. Въ моей повседневной дѣятельности мнѣ приходится сталкиваться и наблюдать явленія ужаснаго пьянства въ средѣ московскихъ ремесленныхъ рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приходится

Начнемъ съ алкоголизма, какъ одного изъ могущественныхъ факторовъ, порождающихъ и распространяющихъ эпилепсію [124]) и вырожденіе породы вообще. Предрасположеніе и влеченіе къ алкоголизму, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, развивается,—по меньшей мѣрѣ въ очень значительномъ числѣ случаевъ—на почвѣ предшествующаго органическаго ослабленія и оскудѣнія и проистекающаго отъ того

присматриваться и къ непривлекательнымъ типамъ, вырабатывающимся подъ его вліяніемъ. Часть пьютъ до полнаго озвѣренія и при томъ пьютъ и загуливаютъ не только отдѣльныя лица, а и цѣлыя мастерскія и иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Жалобы на это ужасное пьянство слышатся почти отъ всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ «народомъ». Значительное огрубѣніе, отупѣніе, упадокъ работоспособности, лѣность, замираніе нравственнаго чувства и раздоры и развращеніе въ семьяхъ — вотъ что получается въ результатѣ этого пьянства. Цѣлесообразныя, разумныя мѣры противъ развивающагося зла являются, поистинѣ, настоятельной общественной нуждой. Пьянство есть болѣзнь, говоритъ наука. Но эта болѣзнь, во первыхъ, имѣетъ свои производящія причины, а, во вторыхъ, она предшествуется и здоровымъ состояніемъ, затѣмъ наклонностью къ заболѣванію, потомъ его легкими степенями и, наконецъ, полнымъ развитіемъ болѣзни. Вслѣдствіе этого и мѣры противъ пьянства должны быть различны. На первомъ планѣ должны стоять мѣры широкаго предупрежденія, затѣмъ, мѣры леченія, а также и исправительно-карательныя мѣры для тѣхъ случаевъ, когда послѣдніе могутъ быть полезны. Сверхъ того государство должно отказаться отъ взгляда на акцизъ съ спиртныхъ напитковъ, какъ на выгодную и безвредную статью дохода, и должно возможно болѣе стѣснять торговлю ими.

[124]) Алкогольныя злоупотребленія могутъ порождать эпилептическіе припадки у самихъ злоупотребляющихъ. Кегг разсказываетъ, напримѣръ, что сынъ одного богатаго землевладѣльца, не имѣвшій отягощенной наслѣдственности и никогда не страдавшій эпилепсіей, попалъ въ дурное общество, научился пить и сталъ пьяницей. Вскорѣ у него появились эпилептическіе припадки, за которыми каждый разъ слѣдовала эпилептическая манія. См. цитир. соч., 21; см. также ст. 57 и 67. Проф. Lasègue: «Etudes médicales», II, 111. Нѣкто Jous... происходилъ отъ отца, страдавшаго туберкулезомъ, и очень нервной матери. Самъ онъ не страдалъ конвульсіями въ дѣтствѣ, но съ ранней молодости началъ предаваться злоупотребленіямъ горячительными напитками. Когда ему было 48 лѣтъ, то онъ, по случаю потери денегъ, еще болѣе усилилъ свои злоупотребленія и къ 56 годамъ представлялъ уже всѣ признаки хроническаго алкоголизма, за которымъ послѣдовала и эпилепсія алкогольнаго происхожденія. Изъ 10 чел. его дѣтей 4 умерли, а изъ шести оставшихся въ живыхъ двое находятся въ Бисетрѣ. Одинъ изъ нихъ эпилептикъ, а другой идіотъ. Третій сынъ душевно-больной, четвертый совсѣмъ безмолвный и страдаетъ кошмарами и невольнымъ испусканіемъ урины. Изъ двухъ остальныхъ одинъ рахитикъ, а другой страдаетъ хронической болѣзнію сердца. Въ этомъ случаѣ наслѣдственно переданное органическое истощеніе породило, повидимому, влеченіе къ алкоголизму, а этотъ послѣдній породилъ эпилепсію. См. Desforges: „De l'alcool. aigu et chron. dans ses rapports avec l'épilepsie", 36 ч.

стремленія къ искусственному возбужденію недостаточныхъ жизненныхъ силъ [125]).

Этой своей стороной широко развивающійся алкоголизмъ стоитъ въ самой тѣсной связи со множествомъ наиболѣе темныхъ сторонъ общественныхъ отношеній, приводящихъ къ физіологической бѣдности

См. также другія наблюденія. Drouet наблюдалъ пріобрѣтенную эпилепсію у 45 мужчинъ и 9 женщинъ на 529 алкогол. Тамъ же, 25, 27, 31 и сл. Въ другихъ же случаяхъ, какъ мы это увидимъ ниже, алкогольныя злоупотребленія порождаютъ эпилепсію и другія разстройства въ потомствѣ. Въ свою очередь, повидимому, и значительное число эпилептиковъ проявляетъ усиленное влеченіе къ алкоголю. См. Pichon: «Les malad. de l'esprit», 104 и сл.

[125]) „Я всегда находилъ", замѣчаетъ Kerr, „что длительное и истощающее воздѣйствіе всякаго рода болѣзней на столько обезсиливаетъ организмъ, на столько разстраиваетъ и подрываетъ нервную систему, что легко предрасполагаетъ организмъ къ постоянному или періодическому злоупотребленію алкоголемъ. Очень и очень часто мнѣ приходилось видѣть это въ чахоткѣ и другихъ истощающихъ болѣзняхъ". „У купцовъ и прикащиковъ", замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „я наблюдалъ приступы пьянства послѣ каждой трудной еженедѣльной или двухнедѣльной иностранной почты. Въ другихъ занятіяхъ я также замѣтилъ связь этихъ приступовъ съ тѣми днями, когда особенно много приходится работать". Слѣдомъ за этимъ приводится, между прочимъ, примѣръ одного клерка, не имѣвшаго отягощенной наслѣдственности, который запивалъ только 2 раза въ году, когда совершалась очень трудная операція сведенія счетовъ, производившая утомленіе и истощеніе. Въ эти періоды, несмотря на всѣ его усилія побороть свое влеченіе, онъ неудержимо увлекался къ алкоголю. См. цитир. соч. 137 и сл., 147 и сл., 35, 41, 47, 129, 142, 144, 158. Рѣзко выраженный примѣръ приводитъ и Esquirol. Одна дама вела постоянно трезвую и регулярную жизнь. 42 лѣтъ у нея произошли первыя разстройства въ менструаціяхъ. Она стала испытывать боли въ желудкѣ и безпричинное (по отсутствію утомляющихъ упражненій) *утомленіе*. *Въ надеждѣ подкрѣпиться*, она начала прибѣгать къ вину и чувствовала облегченіе. Мало по малу она увеличивала дозу, а потомъ стала пить водку и напивалась до того, что большую часть дня вынуждена была проводить въ постели. Въ это время она бросила свои обычныя занятія, *не чувствовала болѣе привязанности къ своей семьѣ* и раздражалась и сердилась, когда ей противорѣчили. Такое извращеніе продолжалось 6 лѣтъ. Но вотъ менструаціи прекратились совсѣмъ, а затѣмъ вернулось и здоровье и,—что весьма интересно—вмѣстѣ съ нимъ *явилось сильнѣйшее отвращеніе даже къ вину*. См. цитир. соч. I, 367. Kerr также приводитъ случай, въ которомъ образованная и семейная женщина предавалась неудержимому пьянству въ теченіе 2 дней въ каждый менструальный періодъ. Цит. соч. 32. „Иногда съ началомъ душевнаго разстройства", говоритъ Esquirol, „нравственная сторона ослабляется: больной лишенъ энергіи, онъ не способенъ думать и дѣйствовать, онъ подавленъ тоской и угрюмостью и онъ сначала пьетъ для возбужденія и развлеченія, а потомъ онъ напивается", I, 370. „Дать рабочему достаточный заработокъ и хорошее вос-

и пауперизму. «Извѣстно, что отсутствіе или недостаточность умственной культуры, недостаточное питаніе, плохо вознаграждаемый трудъ, сильное утомленіе при зависимомъ и необезпеченномъ положеніи, требующемъ постояннаго напряженія физическихъ или умственныхъ силъ, должны быть причислены къ вліяніямъ, располагающимъ къ алко-

---

питаніе", говоритъ въ своемъ отчетѣ главный врачъ госпиталя въ Шалонъ на Марнѣ,—„это значитъ оградить его отъ алкоголизма. Для насъ представляется доказаннымъ", замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „что бѣдность и праздность, часто тѣсно связанныя, суть очень могущественныя причины алкоголизма". См. акты сенатской коммиссіи по изслѣдованію алкоголизма сенатора Claud'a, ч. II, 220 Вообще можно сказать, что недостаточность питанія объективная (отъ недостаточности или дурнаго качества поступающихъ въ организмъ пищевыхъ веществъ) или субъективная (отъ уклоненій и разстройствъ въ органической пищеварительной системѣ) играетъ, повидимому, самую рѣшительную роль въ произведеніи болѣе или менѣе неудержимыхъ влеченій къ возбудителямъ. То же нужно сказать и объ уклоненіяхъ и разстройствахъ въ кровеносной системѣ, питающей мозгъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, можетъ ли быть признано употребленіе такихъ возбудителей, какъ алкоголь, *всегда безусловно вреднымъ*, мы во всякомъ случаѣ можемъ признать несомнѣннымъ, что, при существующихъ фактическихъ условіяхъ современной лихорадочной общественной жизни съ ея неправильными и неблагопріятными взаимными общественными отношеніями, эти искусственные возбудители, въ такомъ обиліи находящіеся въ распоряженіи человѣка, оказываютъ ему самую пагубную услугу. Не переходящее границы нервное возбужденіе пріятно и необходимо для успѣшной жизненной дѣятельности. И современный нервный человѣкъ жадно ищетъ его. Временно истощившись отъ предшествовавшихъ наслажденій или отъ чрезмѣрной дѣятельности въ погонѣ за избыткомъ жизненныхъ благъ, а чаще и за трудно дающимся кускомъ хлѣба, онъ часто не отдается необходимому для него отдыху (впрочемъ, иногда при существующихъ условіяхъ и не можетъ отдаться) и не поджидаетъ новаго естественнаго накопленія силъ для новой дѣятельности, для которой въ данное время у него уже не хватаетъ естественныхъ подвижныхъ запасовъ. Нервно-нетерпѣливой въ своей вѣчной погонѣ за успѣхами и удовольствіями или—что бываетъ неизмѣримо чаще—вынужденный къ чрезмѣрной работѣ несоразмѣрно низкой оцѣнкой его тяжелаго труда, онъ вмѣсто того прибѣгаетъ къ различнымъ искусственнымъ возбудителямъ и въ нихъ ищетъ источникъ восполненія недостающей энергіи для продолженія наслажденій или труда. Но искусственные возбудители не создаютъ силы и не представляютъ собою возстановляющаго матеріала. Они лишь освобождаютъ силы изъ органическихъ запасовъ, играющихъ роль основнаго капитала и, понятно, освобождаютъ ихъ за счетъ будущаго обѣдненія и уменьшенія органическихъ богатствъ индивида. Куда можетъ повести общество, такое нарощающееся истощеніе, являющееся слѣдствіемъ нераціональности отношеній — трудно сказать. См. Baer: «Der Alcoholismus», 5 — 10; 318 и сл. Bouchardat: «Traité d'hygiène», 347—359; 361—376, 619. Bouchut: «Du nervosisme» 33 и сл.

голизму». [126]). Распространяющійся алкоголизмъ въ свою очередь могущественно усиливаетъ вырожденіе и деградацію породы, поражая двигательную, умственную и чувствительныя сферы человѣка. Чувствительность повышается, уменьшается или извращается и это одинаково наблюдается какъ по отношенію къ чувствительности физической, такъ и нравственной. Нравственная энергія ослабляется до крайности, появляется неувѣренность и постоянныя сомнѣнія въ себѣ, своихъ силахъ и способностяхъ и развивается значительная слабость характера. Подъ длящимся вліяніемъ алкоголя человѣкъ становится «другимъ человѣкомъ», по выраженію д-ра Magnan. Онъ преждевременно старѣется. «Вообще алкоголизмъ», по выраженію Lancereaux, «есть не болѣе, какъ преждевременная старость». «Алкоголь», говоритъ Kerr, «разстраиваетъ перцепцію, разстраиваетъ разсудокъ, парализуетъ волю и убиваетъ совѣсть. Исходной точкой всей этой серіи болѣзненныхъ явленій служитъ извращеніе или недостаточность питанія». Развивается недовольство, мрачное настроеніе и подозрительность, а иногда зарождаются и идеи преслѣдованія. «Кромѣ разражительности, грусти, недовѣрчивости и подозрительности, плохое питаніе мозга, совмѣстно съ дегенеративными измѣненіями его ткани, вызываетъ развитіе еще худшихъ качествъ: крайняго эгоизма и безсердечія». Гибельна также

---

126) См. пр. Мержеевскій: «Къ вопросу объ алкоголизмѣ». «Вѣст. клинич. и судебн. психіатр.», ч. I, в. II, ст. 18. «Почему же они падаютъ?» спрашиваетъ Kerr о предрасположенныхъ. «Не потому, что они бо̀льшіе грѣшники, нежели ихъ товарищи, — не потому, что они нравственно ниже стоятъ, а потому, что они физически слабѣе». Цит. соч. 15; см. также 128 и 135. Говоря объ испытывающихъ влеченіе къ алкоголю, проф. Lasègue замѣчаетъ: «и если онъ дозволяетъ себѣ увлекаться, то это потому, что онъ представляетъ собою существо, дурно уравновѣшенный мозгъ котораго не представляетъ достаточнаго сопротивленія». Цит. соч., I, 425 и сл. Алкоголизмъ нисходящихъ насчитываетъ въ своей этіологіи, повидимому, не мало случаевъ туберкулеза восходящихъ, этого яркаго признака органическаго обѣднѣнія. Въ 188 наблюденіяхъ семей алкоголиковъ, приведенныхъ въ сочиненіи д-ра Grenier, я отмѣтилъ 31 случай туберкулеза у одного или нѣсколькихъ восходящихъ алкоголиковъ, что составляетъ $16,_{5}\%$, и 9 случаевъ туберкулеза у братьевъ или сестеръ ихъ, т. е. всего 40 случ. или $21,_{3}\%$. Но этимъ, конечно, не исчерпываются проявленія органическаго оскудѣнія, и въ 188 наблюд. Grenier, какъ и во всѣхъ прочихъ, на пути къ точному опредѣленію стоитъ недостатокъ получаемыхъ свѣдѣній. Приведенныя цифры указываютъ лишь вѣрный minimum. Д-ръ Kerr говоритъ, что онъ наблюдалъ случаи пьянства, развившагося изъ острыхъ и хроническихъ заболѣваній. Большею частью это наблюдалось при чахоткѣ и другихъ легочныхъ страданіяхъ и при анеміи, вызванной изнурительными болѣзнями. Цит. соч. 47.

и «утрата задерживательной способности. Сюда должно отнести постепенное парализованіе воли» и «упадокъ самообладанія» [127]).

Но самое, быть можетъ, важное въ алкоголизмѣ — это его наслѣдственное вліяніе. «Наиболѣе печальнымъ и, можетъ быть, наиболѣе серьезнымъ изъ безчисленныхъ золъ, производимыхъ алкоголемъ въ человѣческомъ родѣ», замѣчаетъ Kerr, «является наслѣдственная передача, какъ въ видѣ страсти къ пьянству, такъ и въ видѣ патологическихъ измѣненій, вызываемыхъ алкогольнымъ излишествомъ». «Кровь родителей пьяницъ и мощь ихъ такъ истощены, что даже при трезвой матери несчастный ребенокъ часто является на свѣтъ хилымъ, истощеннымъ и тупымъ» [128]).

---

127) Voisin: «Leçons clin. sur les maladies ment.» 231, 244, 250 и 255. Magnan: «De l'alcoolisme», 167; докладъ сенатора Claud, I, 67 и сл.; Kerr, цит. сочин. 173—176. «Если прирожденное слабоуміе и идіотизмъ представляютъ собою крайнія степени вырожденія и деградаціи нисходящихъ алкоголиковъ», замѣчаетъ Morel, «то значительное число посредствующихъ состояній проявляется наблюдателю умственными уклоненіями и *столь необычайными извращеніями чувствъ*, что напрасно было бы искать выясненіе этихъ анормальныхъ явленій исключительно въ изученіи природы человѣка, уклонившагося отъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ цѣлей. Намъ было бы невозможно составить себѣ вѣрное понятіе внѣ положительныхъ данныхъ, которыя намъ доставляетъ наблюденіе наслѣдственныхъ вліяній, о нѣкоторыхъ физическихъ и нравственныхъ уродствахъ». Traité des dégén., 80. Объ органическихъ измѣненіяхъ, производимыхъ алкоголемъ, см., между прочимъ, у Combemale: «La descendan. des alcool.» 55—67; Kerr, 172—179; Bouchardat, цит. соч. 299 и сл.; Baer: «Der Alcoholismus», 52 и сл. 66—70. «Питаніе разстроено во всѣхъ органахъ, во всѣхъ системахъ, во всѣхъ тканяхъ», говоритъ Magnan о хроническихъ алкоголикахъ; «самая клѣтка живетъ другою жизнію», 167. Нервныя клѣтки уменьшаются въ числѣ и подвергаются жировому перерожденію. Luys: «Des malad. ment.» 256. На кровообращеніе вообще и мозговое въ частности пьянство оказываетъ самое пагубное вліяніе. Сосуды, даже мельчайшіе, вслѣдствіе приливовъ крови къ мозгу, ея застоевъ и увеличеннаго давленія во время опьянѣлыхъ состояній, значительно расширяются; ихъ стѣнки подвергаются порчи. Кровь измѣняется въ своемъ составѣ и, повидимому, становится неспособна поглощать кислородъ въ прежней мѣрѣ.

128) См. цитир. сочин. 113 и сл. Въ сочиненіи д-ра Combemale, сверхъ описанія того, что независимо отъ наблюдателя представляетъ сама дѣйствительность, мы находимъ еще и описаніе прямыхъ и разсчитанныхъ опытовъ для выясненія вліянія злоупотребленій алкоголемъ на судьбы потомства. Опыты производились авторомъ и проф. Mairet надъ собаками. Спаивались до зачатія или во время беременности то самецъ, то самка. Въ результатѣ въ потомствѣ получалась мертворожденность, недостаточная жизнеспособность, слабость, хилость и худоба родившихся живыми, различныя весьма важныя аномаліи въ органическомъ развитіи, утрата нѣкоторыхъ чувствъ, лѣность, слабость умственныхъ способностей и проч. Интересно, что самка втораго поколѣнія, уже

Въ своемъ наслѣдственно наращающемся вліяніи алкоголизмъ производитъ уменьшеніе физическихъ силъ и органической устойчивости, уменьшеніе роста и размѣра органовъ вообще, увеличеніе смертности, извращеніе инстинктовъ и чувствъ и ослабленіе умственныхъ способностей и силы самообладанія [129]). Онъ порождаетъ въ потомствѣ своихъ жертвъ слабоумныхъ, идіотовъ, наслѣдственно предрасположенныхъ пьяницъ, обыкновенныхъ и запойныхъ, людей, по всѣмъ своимъ физическимъ и психическимъ особенностямъ часто предрасположенныхъ къ преступленію и всевозможнымъ порокамъ [130]), невро-

---

не отравлявшаяся алкоголемъ и слученная съ сильнымъ и здоровымъ самцомъ, дала частью нежизнеспособное, и частью хилое и анормально развитое потомство. См. цит. соч. 43 и сл. А какое число людей нарождается теперь при подобныхъ же условіяхъ наслѣдственной передачи?! Удивительно-ли послѣ этого, что мы встрѣчаемъ такъ много лицъ, *нежизнеспособныхъ въ общественномъ отношеніи?!*

[129]) См. Claude, цитир. сенатскій докладъ, 68—77; Kerr, цитир. соч. 113, 114 и 115; Combemale, цит. соч. 91. Говоря о вліяніи злоупотребленій алкоголемъ восходящихъ на потомство, Morel замѣчаетъ: «Захирѣніе расы, развитіе паралитическихъ и конвульсивныхъ явленій, дурное образованіе черепа, общее пониженіе интеллектуальныхъ способностей, безнравственность, увеличеніе населенія въ азиляхъ и тюрьмахъ—таковы печальные факты, которые я наблюдалъ всегда и вездѣ съ постояннымъ однообразіемъ». См. цитир. сочин. 352. Въ первомъ поколѣніи, говоритъ Cruveilhier о потомствѣ алкоголиковъ, «появляются безнравственность, развращеніе, злоупотребленія алкоголемъ и нравственное озвѣреніе (abrutissement); во второмъ—наслѣдственное влеченіе къ пьянству, маніакальные приступы и прогрессивный параличъ; въ третьемъ—склонность къ гипохондріи, липеманія и влеченіе къ убійству; наконецъ, въ четвертомъ—умственныя способности представляются мало развитыми и тупой или идіотичный и деградированный ребенокъ не достигаетъ зрѣлости и раса угасаетъ». См. Vetault: «Des condit. de la responsabil. au point de vue pénal chez les alcool.» 18. Едва-ли нужно говорить, что приведенная схема представляетъ собою наиболѣе типичную формулу и что въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствительности степень тяжести разстройствъ и глубины уклоненій какъ у самого злоупотребляющаго алкоголемъ, такъ и у его нисходящихъ въ значительной мѣрѣ будетъ зависѣть, съ одной стороны, отъ начальной силы, крѣпости и особенностей организаціи злоупотреблявшаго, иначе говоря, отъ его родословной исторіи и прошедшей личной жизни, предшествовавшей злоупотребленіямъ, а съ другой—отъ продолжительности и степени самыхъ злоупотребленій и сопутствовавшихъ имъ обстоятельствъ повседневной жизни.

[130]) «Въ Америкѣ нашли», говоритъ Dumesnil, «что дѣти, происшедшія отъ родителей пьянецъ, въ десять разъ болѣе, нежели другія дѣти, предрасположены къ преступленію, тюрьмѣ и эшафоту». См. Vétault, цит. соч., 19 и 20. Нѣкто С., 19 лѣтъ, типографъ. Его отецъ былъ пьяница; онъ умеръ отъ туберкулеза. С. помнитъ тѣ ужасныя сцены, которыя онъ дѣлалъ въ семьѣ, когда возвращался домой пьянымъ. Одинъ братъ С. уже подвергся тремъ осужденіямъ за

патовъ, сумасшедшихъ, конвульсіонеровъ, истериковъ и эпилептиковъ. «Алкоголизмъ и преступленіе, это—два явленія общественной жизни, находящіяся въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Опытъ большинства странъ показываетъ, что отъ 50 до 60% преступленій совершается подъ вліяніемъ спиртнаго отравленія, и спиртъ, быть можетъ, больше способствуетъ развитію преступныхъ дѣяній человѣка, нежели невѣжество и нищета, обычные спутники правонарушеній». Мало того, что непосредственными послѣдствіями алкоголизма являются бѣдность, нищета, извращеніе нравственнаго чувства, распущенность нравовъ, помѣшательство кратковременное или продолжительное, но всѣ эти болѣе или менѣе прямые исходы служатъ удобной почвой, на которой зарождаются и зрѣютъ моменты, побуждающіе и наталкивающіе на преступленіе». [131]). «Эпилепсія», замѣча-

---

кражи; одна его сестра занимается проституціею. Самъ С. малограмотенъ. Еще маленькимъ онъ сталъ злоупотреблять алкоголемъ и напивался виномъ, ромомъ и абсентомъ. Хотя онъ не испытывалъ нужды и имѣлъ хорошій заработокъ, тѣмъ не менѣе съ 16 лѣтъ онъ началъ заниматься кражами съ магазинныхъ выставокъ. За такія кражи онъ уже подвергся 5 осужденіямъ. Когда онъ проходитъ мимо такихъ выставокъ, онъ чувствуетъ себя притягиваемымъ противъ воли и воруетъ, что ни попадется, часто вещи, не имѣющія цѣны, съ которыми онъ не знаетъ, что дѣлать. По его словамъ, онъ имѣлъ только одно сношеніе съ женщиной и это ему опротивѣло. Онъ регулярно онанируетъ два раза въ недѣлю и за стаканъ вина охотно предоставляетъ себя своимъ товарищамъ по заключенію для пассивной педерастіи. Ходить онъ началъ только 18 мѣс., а говорить лишь въ 2 года. У него еще сохраняются молочные зубы. Отъ своего отца онъ унаслѣдовалъ чахотку. «Arch. d'anthropol. crim.»: «Les dégénérés dans les pris.» 569. См. другіе сходные случаи, приведенные въ этой работѣ и въ работѣ д-ра Grenier. О связи алкоголизма съ преступностью см., между прочимъ, докладъ сенатора Claud'a, I, 224 и сл. Luys, цитир. соч. 253.

131) См. цитир. стат. проф. Мержеевскаго 14 и 16. «Множество сумасшедшихъ, эпилептиковъ, идіотовъ, слабоумныхъ, истериковъ и всевозможныхъ невропатовъ вообще», говоритъ въ своемъ отчетѣ главный врачъ одного азиля для душевно больныхъ, «суть дѣти алкоголиковъ». «Въ извѣстныхъ дозахъ алкоголь ужасный ядъ», замѣчаетъ главный врачъ другаго азиля. Его разрушительное вліяніе обнаруживается не только на индивидуумѣ, который имъ злоупотребляетъ, но также и на его потомствѣ и, такимъ образомъ, алкоголь становится причиною вырожденія породы. Въ настоящее время его необходимо разсматривать, какъ дѣйствительное бѣдствіе, которое влечетъ за собою болѣзнь, вырожденіе, обезлюживаніе (dépopulation), самоубійства и сумасшествія». См. докладъ сенат. Claud'a II, 265 и 196». Вообще въ немъ крайне интересны выдержки изъ отчетовъ директоровъ заведеній для душевно-больныхъ. II, 154—293. «Не доказано ли въ настоящее время», замѣчаетъ Legrand du Saulle, «что дѣти, зачатыя во время опьянѣнія, при отсутствіи, конечно, постоянныхъ разстройствъ, порождаемыхъ хроническимъ алкоголизмомъ, часто бываютъ эпилептиками или идіотами? Эти

етъ д-ръ Grenier, «представляетъ собою неврозъ, который можно разсматривать, почти какъ характеристичный для потомства алкоголиковъ» [132]). Въ 188 наблюденіяхъ семей пьяницъ этого автора насчитывается 142 конвульсіонера. Изъ нихъ 46 эпилептиковъ, 17 истериковъ и 79 страдавшихъ конвульсіями въ раннемъ дѣтствѣ [133]).

Приведу здѣсь одно изъ многочисленныхъ наблюденій. Нѣкто К., слабоумный мальчикъ, 12 лѣтъ; онъ не могъ научиться ни читать, ни писать. Онъ представляетъ извращеніе инстинктовъ и грозитъ отцу и матери убійствомъ. Въ трехлѣтнемъ возрастѣ К. страдалъ судорогами и его говорящая за себя родословная представляется въ слѣдующемъ видѣ.

явленія были предчувствуемы издавна. Одинъ карфагенскій законъ запрещалъ употребленіе всѣхъ другихъ напитковъ, исключая воды, въ дни супружескаго сожитія, и Amyot говоритъ своимъ картиннымъ языкомъ, что «пьяница не производитъ ничего годнаго», Les épilept., 142. «Пьянство и сумасшествіе», замѣчаетъ Kerr, «имѣютъ общее въ наслѣдственности. Пьяницы родители могутъ произвести на свѣтъ сумасшедшаго и сумасшедшій — пьяницъ дѣтей. Далѣе, потомство душевно-больнаго родителя поражается очень разнообразными неврозами: одинъ идіотъ, другой эпилептикъ, третій сходитъ съ ума въ періодъ отрочества, четвертый пьяница, пятый нейрастеникъ. То же самое мы видимъ въ потомствѣ многихъ пьяницъ: одинъ душевно больной, другой истеричный, третій меланхоликъ, четвертый астматикъ, пятый пьяница». Д-ръ Howe въ своемъ извѣстномъ отчетѣ объ идіотизмѣ въ Массачузетѣ сообщаетъ, что изъ 300 идіотовъ почти половина имѣла родителей запойныхъ пьяницъ; тотъ же авторъ приводилъ случай, гдѣ пьяница былъ отцомъ семьи идіотовъ». «На митингѣ британскаго медицинскаго общества въ Кембриджѣ д-ръ Fletcher Beach заявилъ, что на 430 случаевъ, бывшихъ подъ его наблюденіемъ, 31,6% дѣтей-идіотовъ были потомками дѣтей пьяницъ. Въ частной практикѣ я постоянно сталкиваюсь съ доказательствами вліянія алкогольныхъ излишествъ родителей на возникновеніе тупоумія въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Всѣ мои сотоварищи по спеціальности раздѣляютъ то же мнѣніе». См. цитир. сочиненіе 25 и 115.

132) См. цитир. сочиненіе, 95; см. также, стр. 45 и сл., 54 и сл., 62 и сл.

133) Всѣхъ наблюдавшихся имъ больныхъ эпилептиковъ, родословныя которыхъ извѣстны (ихъ 83 чел.), д-ръ Martin дѣлитъ на 2 группы. Къ первой (включающей 60 чел.) онъ относитъ тѣхъ изъ нихъ, злоупотребленія алкоголемъ со стороны родителей которыхъ достовѣрны, а ко 2-й (включающей 23 чел.) тѣхъ, у родителей которыхъ такія злоупотребленія сомнительны или вовсе не имѣли мѣста. Первые имѣли 244 брата и сестры. Изъ нихъ 48 страдали конвульсіями въ раннемъ дѣтствѣ; 132 чел. уже умерло и только 112 выжили. Это были еще молодые люди, при чемъ нѣкоторые уже страдали болѣе или менѣе серьезными нервными разстройствами. Вторые имѣли 83 брата и сестры. Изъ нихъ только 10 страдали конвульсіями; 37 чел. уже умерло, а 46 оставались въ живыхъ. См. Ann. méd.-psych. 1879 г. «De l'alcoolisme des parents consid. comme cause d'épilepsie chez leurs desc.». По Lavareau, наблю-

Отцовская линія.			Материнская линія.
Два двоюродныхъ дѣда пьяницы и развратники.	Дѣдъ первично слабоумный.	Бабка, нервная женщина, страдавшая нервными припадками.	?
Отецъ застарѣлый пьяница; онъ умеръ истощенный отъ пьянства.			Мать 57 лѣтъ, пьяница и страдаетъ истеричными припадками.

I.	II.	III.	IV.	V.	VI.
Дочь 36 лѣтъ; истерична; имѣла 9 чел. дѣтей, многія изъ которыхъ умерли отъ конвульсій.	Дочь 36 лѣтъ; слабая, шепелявитъ.	Дочь 29 лѣтъ; очень нервная.	Сынъ 24 лѣтъ; эпилептикъ.	Дочь 17 лѣтъ; очень нервная; блѣдность и начинаетъ дрожать при малѣйшемъ поводѣ.	Больной К., особенности котораго описаны выше [134]).

денія котораго охватываютъ 83 семьи, имѣвшихъ одного или нѣсколько членовъ, страдавшихъ болѣзнями алкогольнаго происхожденія, изъ 410 дѣтей 69 чел. умерло отъ болѣзней, не касавшихся нервной системы, 100 чел. умерло отъ конвульсій въ раннемъ возрастѣ, а изъ 241 оставшихся въ живыхъ 83 было эпилептика. По наблюденію Bourneville, изъ 350 эпилептиковъ 136 чел. имѣли восходящими алкоголиковъ. См. Desforges, цитир. сочин. 14 и сл. См. также на стр. 16 подробную таблицу родословной 350 эпилептиковъ Bourneville, въ которой, кромѣ алкоголизма, указаны и всѣ прочіе неблагопріятные прецеденты наслѣдственности.

[134]) Grenier, цитир. сочин. 21. На основаніи изученныхъ имъ особенностей 188 семей алкоголиковъ, этотъ авторъ приходитъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) Алкоголизмъ есть одна изъ причинъ вырожденія. 2) Нисходящіе алкоголиковъ часто представляютъ собою низшія существа. Они въ значительной пропорціи принадлежатъ къ категоріямъ идіотовъ, слабоумныхъ и тупоумныхъ. 3) Болѣзненное вліяніе родителей достигаетъ maximum'а, когда зачатіе имѣло мѣсто въ моментъ опьяненія одного или обоихъ супруговъ. 4) Наслѣдственники алкоголиковъ представляютъ ясно выраженную наклонность къ злоупотребленіямъ алкоголемъ. Они сами въ значительномъ числѣ—по нашимъ статистическимъ даннымъ около половины—становятся алкоголиками. 5) Большое число неврозовъ имѣетъ своей главной причиной алкоголизмъ восходящихъ поколѣній. 6) Большая часть дѣтей алкоголиковъ страдаетъ конвульсіями въ раннемъ дѣтствѣ. Эпилепсія потомства представляетъ собою неврозъ, который можно разсматривать почти какъ характеристическое слѣдствіе алкоголизма родителей. См. цитир. соч., 95. Одинъ прекрасный работникъ предался пьянству и умеръ отъ хроническаго алкоголизма, оставивъ 7 челов. дѣтей, рожденныхъ послѣ начала злоупотребленій. Два первыхъ умерли въ раннемъ дѣтствѣ въ конвульсіяхъ. Третій двадцати двухъ лѣтъ впалъ въ душевное разстройство и умеръ слабоумнымъ. Четвертый впалъ въ идіотизмъ послѣ попытки самоубійства. Пятый, мизантропъ и крайне раздражительный человѣкъ; онъ порвалъ всѣ отношенія со всѣми членами своей семьи. Его сестра страдаетъ истеріей и перемежающимся душевнымъ разстройствомъ. Седьмой, весьма развитой рабочій, отличается очень нервнымъ темпераментомъ

Таковъ одинъ изъ множества примѣровъ коротко пересказанныхъ семейныхъ исторій алкоголиковъ и таковы въ общихъ чертахъ физическія и психическія качества ихъ несчастнаго потомства, которымъ они награждаютъ общество и которое становится въ немъ его полноправными членами. Не трудно предвидѣть, какое вліяніе можетъ оказывать такое потомство на ходъ общественной жизни и во что оно часто можетъ обходиться обществу [135]).

и заставляетъ опасаться за его будущность. Заим. изъ сочин. Ribot: «L'hérédité» пер. изд. 123 и сл.

[135]) Относительно заключительныхъ поколѣній въ семьяхъ алкоголиковъ можно повторить лишь слова Morel'я. «Существуютъ индивидуумы», говоритъ онъ, «которые резюмируютъ въ своемъ лицѣ порочныя органическія наклонности нѣсколькихъ предшествующихъ генерацій». Вырождающіяся разновидности потомства алкоголиковъ Morel подраздѣляетъ на двѣ группы. «Первая разновидность», говоритъ онъ, «включаетъ въ себя тѣ натуры, которыя не поддались бы опредѣленію, если бы ихъ не пріурочить къ ихъ дѣйствительному источнику. Индивидуумы, рожденные въ такихъ фатальныхъ условіяхъ, съ раннихъ поръ отличаются извращеніемъ своихъ влеченій. Они странны, раздражительны, буйны, съ трудомъ сносятъ узду дисциплины и чаще всего не поддаются никакому воспитанію. *Они инстинктивно предаются злу, и ихъ вредныя и извращенныя дѣйствія часто неосновательно обозначаются именемъ мономаній.* Одна изъ существенныхъ интеллектуальныхъ особенностей, которая отмѣчаетъ эти вырождающіяся разновидности, состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя особенности, замѣчавшіяся въ молодые годы, исчезаютъ, такъ сказать, внезапно. Индивидуумы впадаютъ въ преждевременное слабоуміе и ихъ интеллектуальное существованіе ограничено». «Вторая категорія наслѣдственныхъ трансформацій въ расахъ включаетъ въ себѣ тѣ вырождающіяся существа, которыя вульгарно обозначаются именемъ слабоумныхъ и идіотовъ». «Я замѣтилъ», говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ, «раннее развитіе самыхъ жестокихъ инстинктовъ у многихъ дѣтей, рожденныхъ отъ алкоголиковъ». При этомъ онъ приводитъ исторію сына одного господина, занимавшаго видное положеніе въ обществѣ и втихомолку предававшагося чрезмѣрнымъ злоупотребленіямъ алкоголемъ. Изъ его 5 дѣтей выжилъ только одинъ сынъ. Несмотря на заботливое воспитаніе, этотъ послѣдній съ раннихъ поръ началъ проявлять самые жестокіе инстинкты и испытывалъ наслажденіе мучить животныхъ съ неслыханной и изысканной жестокостью. Будучи только 5 лѣтъ отъ роду, онъ уже отнималъ у животныхъ ихъ дѣтенышей, чинилъ надъ ними родъ суда и потомъ убивалъ ихъ на глазахъ ихъ матерей. И онъ продѣлывалъ все это, не смотря на самыя строгія наказанія. Закончилъ онъ свое грустное существованіе пьянствомъ и сумасшествіемъ. «Другой», прибавляетъ Morel, «будучи еще 3 лѣтъ, внушалъ уже ужасъ маленькимъ дѣтямъ своей округи, которыхъ онъ подвергалъ невѣроятнымъ мучительствамъ». «Traité des dégéner.» 62, 391 и сл., 116 и сл.

Помимо всего прочаго, въ явленіяхъ алкогольнаго отравленія значительный интересъ для криминалиста представляетъ развитіе явленій импульсивности, а часто и господства слѣпыхъ и неудержимыхъ влеченій, съ полнымъ и рельефнымъ проявленіемъ которыхъ мы встрѣтимся—на что я считаю нужнымъ обратить особое вниманіе читателя—и у близкихъ родственниковъ алкоголиковъ—эпилептиковъ [136]). «Часто мысль объ убійствѣ проявляется совмѣстно съ мономаніей самоубійства», говоритъ объ алкоголикахъ Brierre de Boismont. «Нѣтъ ничего болѣе обычнаго, какъ присутствовать при сценахъ ярости, во время которыхъ эти несчастные восклицаютъ: «Я хочу убить себя, но предварительно я убью мою жену, мою любовницу, моихъ дѣтей» [137]). Въ дѣлѣ Henry убійца, вооруженный ножемъ, который онъ предназначалъ для другаго употребленія, внезапно обратился къ женщинѣ, находившейся по близости, и сказалъ ей: «Эй ты, женщина, я хочу убить тебя, спасайся». Преслѣдуя ее, онъ встрѣтилъ троихъ и послѣдовательно нанесъ имъ удары. Послѣ этого Henry сталъ покоенъ; онъ обратился къ своему другу и сказалъ ему: «Прійдешь ли ты»? Но на крикъ: убійца, онъ бросилъ свой ножъ, кинулся бѣжать и, прибѣжавъ домой, легъ въ постель. На другой день онъ выражалъ крайнее удивленіе и ничего не помнилъ [138]).

«Прежде я имѣлъ въ своемъ отдѣленіи», разсказываетъ Max Simon, «нѣкоего S., издавна предававшагося злоупотребленіямъ алкоголемъ.

---

136) Vétault, цит. соч., 13, 37 и сл., 60.

137) Цитировано по соч. Vétault, 17. Gall разсказываетъ про нѣкую Марію Franck, которая была казнена въ 1802 г. за двѣнадцать совершенныхъ ею поджоговъ. Во время казни ей было 38 лѣтъ. Это была женщина почти безграмотная и обладавшая весьма ограниченными умственными способностями. Въ молодости она много разъ страдала болѣзнями, по поводу которыхъ обращалась не къ врачу, а къ заклинателю изъ монастыря францисканцевъ. Своего мужа, который обращался съ нею весьма дурно, Марія не любила и не была съ нимъ счастлива. Впослѣдствіи она предалась пьянству и для добыванія средствъ на водку стала обкрадывать мужа. Однажды въ обитаемой ею мѣстности случился пожаръ, на которомъ она присутствовала. Съ этихъ поръ въ ней зародилось желаніе совершать поджоги. Послѣднее «вырождалось въ неудержимое влеченіе» каждый разъ, когда она выпивала водки. Не смотря на страхъ и раскаяніе, испытываемые ею всякій разъ послѣ совершенія преступленій, она все снова и снова повторяла ихъ. Уличенная на тринадцатой попыткѣ, она многократно была подвергнута медицинскому осмотру, но врачи заявили, что въ ней не замѣчается никакихъ признаковъ сумасшествія. Она выслушала свой приговоръ съ христіанской покорностью и была обезглавлена, а тѣло ея было сожжено. «Sur les fonctions du cerveau», 4 т., 158 и сл.

138) Vétault, цитир. сочин. 59.

Подъ ихъ повторнымъ вліяніемъ онъ впалъ въ состояніе *ужаснаго ослабленія*, за которымъ слѣдовали бурные приступы маніакальнаго возбужденія. Во время послѣднихъ S. испытывалъ крайне опасныя импульсивныя влеченія и ощущалъ потребность убивать. Въ теченіе одного изъ такихъ приступовъ, подчиняясь импульсу, онъ схватилъ молотъ и имъ нанесъ страшный ударъ лошади. Послѣ этого онъ разбилъ выставочное окно у одной лавки и началъ выбрасывать на улицу все, что ему попадалось подъ руку» [138*]).

Д-ръ Motet передаетъ слѣдующій случай. Нѣкто А., мясникъ по профессіи и привычный пьяница, пилъ ежедневно и постоянно находился подъ дѣйствіемъ алкоголя, хотя и могъ исполнять всѣ свои обязанности, не обращая на себя вниманія. Однажды хозяинъ поручилъ ему съ другимъ его товарищемъ разлить въ погребѣ вино по бутылкамъ. Разливатели, конечно, не вытерпѣли и сами хорошо выпили. Когда А. вышелъ потомъ изъ погреба, то онъ почти немедля былъ охваченъ приступомъ какого-то бѣшенства. Онъ схватилъ ножъ и безъ всякой ссоры, безъ всякаго повода, очевидно, руководимый только слѣпымъ безотчетнымъ импульсомъ, ударилъ имъ своего товарища, а потомъ себя. Приведенный въ полицейскій постъ, онъ находился часть ночи въ бреду, а потомъ впалъ въ тяжелый сонъ. На утро онъ рѣшительно ничего не помнилъ и сначала не вѣрилъ тому, что ему разсказывали. Даже собственная рана ничего не могла пробудить въ его памяти.

Тотъ же д-ръ Motet разсказываетъ и другой сходный случай, съ тою лишь разницею, что герой послѣдней драмы не былъ привычнымъ пьяницей. Онъ обычно работалъ въ сгущенномъ воздухѣ и однажды, завлеченный товарищами въ кабакъ, выпилъ черезъ мѣру. Выйдя изъ кабака въ состояніи полнаго опьяненія, онъ безъ всякаго повода и не говоря ни слова яростно напалъ съ ножемъ въ рукахъ на стоявшую на улицѣ кучку незнакомыхъ людей и тяжело ранилъ четырехъ лицъ. Приведенный въ полицейскій постъ, онъ тяжело заснулъ и на другой день также ничего не помнилъ. Онъ не говорилъ, что приписываемое ему невозможно, но утверждалъ лишь, что не знаетъ, какъ все это могло случиться. Его воспоминанія обрывались на томъ моментѣ, когда его покинулъ провожавшій его кабатчикъ при началѣ бульвара Diderot. Все случившееся потомъ задернула темная ночь [139]).

138*) «Crimes et delits dans la folie», 59.

139) Vétault, цит. сочин. 69 и сл., 72 и сл. См. также и многія другія наблюденія, собранныя въ этой работѣ.

Despine обратилъ, между прочимъ, особое вниманіе на особую форму вліянія алкоголя. По его словамъ, эта форма алкогольнаго отравленія неизвѣстна публикѣ и недостаточно оцѣнивается большинствомъ юристовъ, судей и даже медиковъ. При этой формѣ отравленія, зависящей конечно отъ особенностей натуры отравляющагося, инстинктивная сторона подвергается особенно сильному вліянію. Ея разстройства характеризуются извращеніемъ и возбужденіемъ. Нравственныя чувства подавляются и на время какъ бы исчезаютъ совершенно, замѣняясь самыми дурными страстями, которыя властно господствуютъ тогда надъ психикою и увлекаютъ человѣка къ страннымъ, вреднымъ и преступнымъ поступкамъ. «Хорошіе инстинкты исчезаютъ и замѣняются самыми причудливыми, дурными и разрушительными». Напротивъ, умственныя способности по внѣшности сохраняются почти нетронутыми и двигательная сфера не только не подавляется и не разслабляется, а часто пріобрѣтаетъ еще особую силу. При этой-то формѣ отравленія часто и развиваются характеризующіе и импульсивное сумасшествіе слѣпые, безсмысленные и неудержимые импульсы къ самоубійству, убійству и другимъ разрушительнымъ дѣйствіямъ [140]). Въ сочиненіяхъ Despine приведено множество подобныхъ примѣровъ. Въ одномъ изъ нихъ трое рабочихъ, обычно предававшихся злоупотребленіямъ алкоголемъ, подъ вліяніемъ этого послѣдняго и не будучи на видъ пьяными совершили ужасное избіеніе, подчиняясь исключительно слѣпому влеченію драться и убивать. Въ другомъ случаѣ нѣкто D., подъ вліяніемъ того же фактора, заявилъ своему товарищу, что онъ хочетъ купить ножъ и вечеромъ убить нѣкоего Tronche, а потомъ онъ сказалъ и самому Tronch'у,

---

140) „Psychologie natur.", II, 475 и сл.; „De la folie", 443 и сл. Здѣсь весьма интересно отмѣтить разительное сходство этихъ временныхъ состояній, вызываемыхъ раздраженіями различныхъ отдѣловъ нервной системы, порождаемыхъ алкогольнымъ отравленіемъ, съ тѣми постоянными состояніями дурнаго самочувствія, которыя иногда наблюдаются, какъ мы уже видѣли, у нисходящихъ алкоголиковъ и у наслѣдственниковъ вообще и характеризуются названіемъ нравственнаго извращенія и помѣшательства. Лица, отличающіяся такими особенностями опьяненія представляютъ значительныя черты сходства съ тѣми, которыхъ Legrand du Saulle описалъ подъ именемъ épileptiques diffus и которыя также весьма склонны къ злоупотребленіямъ алкоголемъ. Они не теряютъ сознанія во время опьяненія, въ которомъ находятся почти непрерывно. Legrand du Saulle описываетъ ихъ, какъ людей раздражительныхъ, пристрастныхъ, злыхъ и лишенныхъ нравственнаго чувства. Ихъ дурные и порочные поступки внезапны и непредвидѣнны. Они заставляютъ ненавидѣть себя повсюду, гдѣ только появляются. Les épilept., 136 и сл.

что ему очень хочется взять ножикъ и всадить ему его въ животъ, что онъ потомъ и исполнилъ изъ засады. Въ третьемъ случаѣ нѣкто Gautier, лѣнтяй и привычный пьяница, подъ вліяніемъ постоянныхъ злоупотребленій алкоголемъ, билъ свою жену, самъ «не зная почему», и, наконецъ, также «не зная почему» убилъ ее, а потомъ двѣ ночи приходилъ спать на ту самую постель, на которой лежалъ трупъ убитой. Наконецъ, въ четвертомъ случаѣ одинъ механикъ Herman, лишь только выпивалъ, то *начиналъ видѣть исключительно дурныя стороны всего и питать отвращеніе ко всему человѣческому роду*. Въ такіе моменты собственное существованіе становилось ему въ тягость и онъ не замедлилъ покончить съ нимъ въ одинъ изъ подобныхъ періодовъ опьянѣнія [141]. Esquirol также приводитъ случаи одной публичной женщины и одного сапожника, которые неизмѣнно испытывали всегда неодолимое влеченіе къ самоубійству, лишь только приходили въ опьянѣлое состояніе [142].

---

[141]) «Psychologie natur.», II, 478—591; «De la folie», 445—459. Тотъ же авторъ приводитъ случай одной женщины, которая явилась въ состояніи опьянѣнія въ одинъ изъ лондонскихъ госпиталей съ отрѣзанною кистью руки. Она заявила при входѣ, что забыла руку дома и пришла узнать, нельзя ли ее снова приставить. «Это была, увѣряю васъ, прелестная рука» говорила она. Оказалось, что она намѣренно сама себѣ отрѣзала руку въ состояніи опьянѣнія. «De la fol.», 448. Приведя одинъ изъ случаевъ извращенія нравственной стороны подъ вліяніемъ алкоголя, Despine замѣчаетъ: «Происходитъ полное измѣненіе въ обычныхъ чувствахъ этого индивидуума; мрачныя и бурныя страсти охватываютъ его душу, заглушаютъ въ немъ всѣ добрыя чувства и направляютъ его мысль безъ того, чтобы какое либо нравственное чувство, какой либо элементъ разума явился противодѣйствовать пагубному желанію, возникшему подъ вліяніемъ горячительнаго напитка». Тамъ же, 446.

[142]) «Des malad. mental.», 291. «Ты увидишь, что я сейчасъ сдѣлаю», внезапно заявилъ послѣ долгой попойки одинъ изъ кутившихъ другому. И съ этими словами онъ ни съ того, ни съ сего перерѣзалъ себѣ горло. Тамъ же, 449. И подобныя, а также и еще болѣе ужасныя движенія души порождаются раздраженіями, вызываемыми алкоголемъ, который государства столь легкомысленно дѣлаютъ одной изъ наиболѣе важныхъ статей своего дохода, вовсе почти не заботясь объ ужасныхъ слѣдствіяхъ злоупотребленія имъ—нравственномъ извращеніи породы. «Наше общество и нашъ законъ», справедливо замѣчаетъ проф. Ковалевскій, «считаютъ пьянство порокомъ. Общество порицаетъ пьянство. Законъ запрещаетъ пьянство «всѣмъ и каждому». Но это не препятствуетъ обществу спиваться, а высшей администраціи способствовать добыванію и распространенію алкоголя въ обществѣ. Странный дуализмъ». «Пьянство», 3 и сл. Но такое небреженіе не проходитъ даромъ и влечетъ за собою дорогую расплату. Широко распространяющійся алкоголизмъ играетъ важную

Многія сходныя явленія, особенно въ отношеніяхъ, занимающихъ криминалиста, наблюдаются и въ случаяхъ близкой родственницы алкоголизма—эпилепсіи, которая, по выраженію д-ра Magnan, является

роль въ печальныхъ народныхъ движеніяхъ. Такую роль онъ игралъ непосредственно и посредственно, напр., въ несчастномъ парижскомъ междоусобіи, послѣдовавшемъ за несчастной войной, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многіе изслѣдователи и приводимые ими факты. Rossel заявилъ, напр., при допросѣ, что войска Коммуны были крайне недисциплинированы и что главной причиной дезорганизаціи этихъ войскъ было пьянство. «Во время недавняго посѣщенія руанской тюрьмы», писалъ въ 1871 г. Д-ръ Morel въ Nouvelliste de Rouen, «мы съ докторомъ Vingtrinier произвели медицинское изслѣдованіе 150 дѣтей отъ 10 до 17 лѣтъ, большинство изъ которыхъ было захвачено съ оружіемъ въ рукахъ на баррикадахъ. Это изслѣдованіе подтвердило мои предшествующія убѣжденія о пагубномъ вліяніи алкоголя не только на индивидуумовъ, злоупотреблявшихъ имъ, но также и на нисходящихъ тѣхъ, которые предавались употребленію этого отвратительнаго напитка. Они поистинѣ достойныя дѣти ихъ отцевъ, эти скороспѣлые убійцы и поджигатели, физіономіи которыхъ носятъ тройственный отпечатокъ вырожденія умственнаго, физическаго и нравственнаго. Они намъ представили раздирающую душу картину, которая способна заставить задуматься моралистовъ. Дурныя и иногда отталкивающія физіономіи, несиметричныя головы съ отсутствіемъ гармоніи, ростъ ниже средней — вотъ физическіе признаки этихъ несчастныхъ дѣтей. На 150 чел. мы съ трудомъ нашли 10 симпатичныхъ лицъ. Юноша 17 лѣтъ казался имѣющимъ не болѣе 14, а четырнадцатилѣтняго едва можно было признать за десятилѣтняго. Отсутствіе нравственнаго чувства проявлялось съ очевидностью у большинства. Между тѣмъ они почти всѣ умѣли читать и писать; только 15 чел. были безграмотны. См. Laborde «Les hommes et les actes de l'insurrect. de Paris, 92—125; Despine: «De la fol»., 459, 460 и 461, а также главу «Epidemie morale qui a présidé aux désastres de Paris sous la Commune», 771—805. При этомъ необходимо замѣтить, что никакъ нельзя согласиться съ замѣчаніями послѣдняго автора о достоинствахъ самыхъ воззрѣній и идей, которыя высказывались и во имя которыхъ совершались многія народныя движенія. Нераціональный строй отношеній, осуждаемый съ точки зрѣнія этихъ идей, несомнѣнно вырабатываетъ выраждающіяся разновидности, которыя обыкновенно принимаютъ значительную долю участія въ подготовляющихся недостатками этого строя движеніяхъ и которыя слишкомъ часто придаютъ послѣднимъ ихъ дурныя, часто ужасныя и отталкивающія формы. Но вина въ томъ не новыхъ идей, а строя отношеній, обусловливающаго вырожденія и печальныя народныя движенія со всѣми ихъ ужасами. Каковы бы ни были нравственныя аномаліи, развращеніе и деградація даже громаднаго большинства дѣятелей тѣхъ или другихъ движеній, они не должны заслонять отъ насъ содержанія самыхъ воззрѣній, защиту и проведеніе которыхъ они на себя принимаютъ. Мы должны умѣть строго различать то и другое. Способны ли были данные дѣятели осуществить и правильно провести въ жизнь защищаемыя ими идеи—вопросъ иной, рѣшеніе котораго не можетъ и не должно вліять на нашу оцѣнку достоинства послѣднихъ.

«болѣзнью существенно наслѣдственной» [143]) и которая представляетъ для насъ большой интересъ также и по особенностямъ характера большинства страдающихъ ею въ промежутки между приступами явными или замаскированными, т. е. такими, при которыхъ не наблюдается обычныхъ физическихъ проявленій эпилепсіи. Послѣднія замѣщаются одними психическими извращеніями, отмѣченными механически принудительнымъ характеромъ [144]).

«Характеръ, свойственный каждому индивидууму», говоритъ Legrand du Saulle, «есть нравственная результирующая особенностей его организаціи». Такую нравственную результирующую представляетъ собою и развивающійся на почвѣ органическаго вырожденія обычный характеръ эпилептиковъ, напоминающій нѣкоторыми своими чертами характеръ ихъ близкихъ родственниковъ—алкоголиковъ, вырабатывающійся у послѣднихъ въ результатѣ совершаемыхъ ими злоупотребленій. «Раздражительность и гнѣвъ суть выдающіяся особенности темперамента этихъ больныхъ», говоритъ Morel [145]), а Falret прибавляетъ: «Перемежаемость ихъ чувствъ, такъ же, какъ и ихъ умственныхъ способностей есть выдающаяся черта ихъ характера» [146]). Раздражительность, о которой упоминаетъ Morel, обща эпилептикамъ съ нервными людьми вообще, но у нихъ она, какъ и импульсивность, достигаетъ крайней степени и можетъ равняться лишь съ ихъ чрезмѣрною впечатлительностью къ вліяніямъ изъ окружающей среды [147]), которыя необычайно легко вызываютъ у нихъ нарушеніе въ мозговомъ кровообращеніи и безпорядочныя распредѣленіи крови, въ свою очередь являющіяся, повидимому, исходными моментами самыхъ бурныхъ проявленій. «Одного слова, однаго жеста достаточно, чтобы ихъ раздражить», замѣчаетъ Morel. «Нѣкоторые не могутъ выносить вашего

---

[143]) „Leçon cliniq. sur l'épilep.", 4; см. также Dejerine: L'hérédité dans lés malad. du système nerveux", 114 и 116. „Болѣзни нервной системы", говоритъ Féré, проявляются ли онѣ психическими, сензоріальными или двигательными разстройствами, представляютъ между собою большое сходство и многочисленныя точки соприкосновенія"; „можно сказать, что онѣ образуютъ одну семью неразрывно объединенную *законами наслѣдственности.* Эта громадная болѣзненная семья не изолирована вполнѣ отъ другихъ патологическихъ группъ; но ея связи съ вырожденіями и съ болѣзнями питанія только увеличиваютъ неумолимую фатальность ея эволюціи". „La famille nevropatique". Archiv. de neurol., январь 1884 г.

[144]) Legr. du Saulle „Les épilept." 84.

[145]) «Traité des malad. ment.», 699.

[146]) Цитир. по «Actes du Congr. intern. d'anthrop. crim.», 211.

[147]) Morel, цит. соч., 199.

взгляда; если ихъ фиксируютъ—они омрачаются, ихъ венозная система переполняется, кровь приливаетъ къ головѣ, глаза дѣлаются блестящими и гнѣвъ разражается» [148]). Эта доведенная до крайности впечатлительность и раздражительность всей нервной системы, не выключая и нервной системы растительной жизни, порождающая подъ вліяніемъ постоянно дѣйствующихъ стимуловъ массу чрезвычайно непріятныхъ и болѣзненныхъ ощущеній, изъ которыхъ и слагается самочувствіе эпилептиковъ часто съ злобнымъ оттѣнкомъ, чувство недостаточности силы и запасовъ ея, большая склонность нервно-кровеносной системы къ безпорядочнымъ распредѣленіямъ крови по органамъ и ихъ нервнымъ центрамъ и къ чрезмѣрнымъ скопленіямъ и приливамъ крови, часто влекущимъ за собой большую или меньшую степень потемнѣнія и утраты сознанія, слѣпыя и неудержимыя разряженія скопившагося раздраженія [149]) и, наконецъ, вытекающія изъ всего этого измѣнчивость, неустойчивость и бѣглость настроеній, повышенность самочувствія и почти постоянныя эгоистическія сосредоточиванія на себѣ—представляютъ собою, повидимому, наиболѣе основныя и выдающіяся черты характера большинства эпилептиковъ, какъ таковыхъ [150]), изъ которыхъ въ свою очередь развиваются и къ ко-

148) Тамъ же. Эпилептическіе приступы весьма нерѣдко предшествуются ощущеніемъ восхожденія крови отъ сердца къ головѣ, распространенія жара въ направленіи къ послѣдней, жара въ лицѣ, ушахъ и пр., при чемъ лицо и голова дѣйствительно дѣлаются красными и переполняются кровью. Въ другихъ случаяхъ эти приступы, напротивъ, предшествуются ощущеніемъ пустоты въ головѣ и страшнымъ поблѣднѣніемъ лица: Le Bel: «Des épilepsies», 26, 27, 28, 35, 36, 40, 48, 51. Krafft-Ebing: «Lehrb. der Psychiatr.» 2 изд., II т., 182. Esquirol, I, 199. Весьма большой интересъ представляютъ опыты лѣченія нѣкоторыхъ случаевъ эпилепсіи посредствомъ перевязки приносящихъ кровь къ мозгу вертебральныхъ артерій или постояннаго нажатія особымъ аппаратомъ каротидъ. Такъ, напр., 7-лѣтній ребенокъ, идіотъ, происходившій отъ родителей алкоголиковъ, страдалъ эпилепсіей съ 22 мѣсячнаго возраста. Перевязка у него лѣвой вертебральной артеріи уменьшила эпилептическіе приступы, а послѣдующая перевязка и правой такой же артеріи устранила ихъ вполнѣ и значительно прояснила умственныя способности. Сходныя явленія наблюдались и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ перевязки и нажатія. Le Bel, цит. соч., 12 и 13; см. также 16, 17, 18 и 24. См. Magnan: «Leçons cliniq. sur l'épilep.», 6.

149) «Одинъ заключенный эпилептикъ, которому я пускалъ токъ», разсказываетъ Lombroso, «говорилъ, что онъ ощущаетъ пробуждающимся въ немъ то раздраженіе, которое было причиной его злодѣянія: «Я бы съѣлъ самого себя, если бы мнѣ не мѣшали», говорилъ онъ. Misdea испытывалъ тѣ же чувствованія». «Акты антроп. конгр.», 245

150) См., напр., цитир. сочин. Krafft-Ebing'a, II, 182 и сл.

торымъ присоединяются и другія [151]). «Большинство эпилептиковъ», говоритъ Шюле, отличается особеннымъ складомъ ума и настроенія». Это такъ называемый *эпилептическій характеръ*». Онъ «заключается въ чрезвычайной раздражительности, въ болѣзненной вспыльчивости, которая, подобно конвульсивной судорогѣ, неудержимо влечетъ къ двигательному разряженію, по большей части въ формѣ насилія. Это угрюмые, подозрительные, нравные люди, живущіе въ разладѣ сами съ собою и съ другими». «Но, рядомъ съ этимъ мрачнымъ, отталкивающимъ обликомъ, эпилептическая конституція проявляетъ и черты болѣзненной веселости,—однакоже, опять-таки не вселяющія довѣрія, непонятныя, не мотивированныя, идущія не изъ сознающей свое благополучіе души». «Въ умственной области тѣ же шатанія, тѣ же безпричинные переходы изъ одной крайности въ другую: умственная вялость и неподвижность неожиданно смѣняется шумнымъ теченіемъ представленій, форсированнымъ вниманіемъ,—и все это безпорядочно, непредвидѣнно.—Та же исторія и въ поступкахъ». «Если съ антропологической стороны, основная черта эпилепсіи выступаетъ въ видѣ нравственнаго вырожденія, въ наклонности ко злу (часто мучительно сознаваемой самимъ больнымъ въ видѣ органическаго принужденія), то инстинктивность, неожиданность, непредвидимая смѣна настроенія и хода идей составляютъ характеристическую особенность постепенно возростающаго отупѣнія души» [152]). Эпилептики имѣютъ «черствое сердце» и въ ихъ характерѣ «все представляетъ противорѣчія», какъ выражается Legrand du Saulle [153]). Они испытываютъ разнообразныя и слишкомъ сильныя и непріятныя внутреннія ощущенія, иногда переходящія въ самыя дурныя влеченія и опасныя движенія души. Эти измѣнчивыя ощущенія вліяютъ на ихъ сужденія, а главное настроеніе, вслѣдствіе чего послѣднее представляетъ крайнія странности, измѣнчивость, неровности и рѣзкую противоположность переходовъ, не дающую возможности полагаться на нихъ. Таковъ былъ, напр., извѣстный отравитель своей жены, эпилептикъ, графъ Chorinski. Когда

---

151) Говоря о «характерѣ эпилептиковъ», понятно, можно говорить лишь объ общихъ его особенностяхъ, вытекающихъ изъ общихъ особенностей и условій функціонированія у нихъ нервно-кровеносной системы въ качествѣ нервныхъ вообще и эпилептиковъ въ частности. Другія же особенности организаціи, крайне разнообразныя по отдѣльнымъ индивидуумамъ, до безконечности варіируютъ своимъ присоединеніемъ эти болѣе общія черты.

152) «Душевныя болѣзни», 351 и сл.

153) «La folie dev. les tribun.», 366 и сл.; «Les épilept.», 45 и сл.; Voisin: «Leçon. clin. sur les mal. ment.», 579 и сл.

ему было 6 лѣтъ, то его врачъ Turckeim сказалъ про него: «Вотъ ребенокъ, котораго надо будетъ лѣчить всю жизнь, какъ сумасшедшаго». И дѣйствительно, еще въ раннемъ дѣтствѣ графъ Chorinski былъ непослушнымъ, неосновательнымъ, страннымъ, крайне впечатлительнымъ и вспыльчивымъ ребенкомъ. На пространствѣ нѣсколькихъ минутъ онъ переходилъ изъ одной крайности въ другую и былъ для своего воспитателя предметомъ постояннаго удивленія, огорченій и тревогъ. «Едва достигнувъ періода половой возмужалости, онъ пустился уже въ самыя романическія приключенія. Онъ плакалъ, раздражался и грозилъ самоубійствомъ, если встрѣчалъ сопротивленіе. Если же онъ успѣвалъ, то онъ воспламенялся и единовременно представлялся и ревнивымъ, и ребячливымъ, слабымъ и тираническимъ. Его требованія были безпорядочны. Отъ порывовъ сильнѣйшаго энтузіазма онъ рѣзко переходилъ къ индиферентности, отвращенію и ненависти. Всегда находясь на вершинѣ одного изъ двухъ противоположныхъ состояній, онъ перескакивалъ съ одного полюса на другой». Во время войны «его полковникъ видѣлъ, какъ онъ переходилъ отъ самаго неодолимаго возбужденія къ самой глубокой подавленности. Непостоянный, капризный, нетерпѣливый, лгунъ, расточительный, буйный и управляемый своей инстинктивной натурой, онъ не умѣлъ заслужить уваженія своихъ начальниковъ и продолжительной привязанности своихъ товарищей по оружію». Во время грозъ онъ испытывалъ невыразимый ужасъ, катался по полу и кричалъ, что огонь повсюду. Его эмотивность была необычайна и его приступы раздражительности и гнѣва проявлялись въ актахъ насилія противъ братьевъ и сестеръ [154]).

Дмитрій Дриль.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

154) Legrand du Saulle: «Les épilept.», 155 и сл.

ФИЗІОКРАТЫ И КЛАССИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

(Лекція, читанная въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ 23 февраля 1889 года).

Кому приходилось читать язвительныя насмѣшки Вольтера надъ человѣкомъ сорока экю, презрительные отзывы Юма о сектѣ физіократовъ, кто помнитъ, съ какимъ пренебряженіемъ относился къ новой школѣ близкій другъ Кене, Адамъ Смитъ, или встрѣчалъ у Жана Батиста Сэ анекдотическое изложеніе ученія физіократовъ, тотъ невольно будетъ пораженъ, почему эта школа до сихъ поръ интересуетъ ученый міръ; почему каждый разъ появляются новыя работы, посвященныя разбору сочиненій отдѣльныхъ ея представителей. Намъ стоитъ только упомянуть о новомъ изданіи сочиненій Кене, обработанномъ Онкеномъ, о работахъ Неймарка, Шеля и Сэ, чтобы убѣдиться, что физіократы снова привлекаютъ къ себѣ вниманіе ученыхъ. Такое пробужденіе интереса къ физіократамъ заставляетъ насъ обратиться къ ихъ произведеніямъ и разсмотрѣть, чѣмъ вызванъ этотъ интересъ, какое значеніе имѣютъ они для науки.

Всякая сколько нибудь выдающаяся экономическая школа опирается на какой нибудь философскій принципъ, тѣсную область своего непосредственнаго изслѣдованія она стремится связать съ болѣе широкими воззрѣніями на человѣческое общество, на міръ вообще. Такая философская подкладка имѣется у всѣхъ имѣвшихъ значеніе въ развитіи экономической науки школъ. Если въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ трудно уловить эту подкладку, если они сами не упоминаютъ о тѣхъ взглядахъ на человѣческое общество, отъ которыхъ исходили, и ограничиваются тѣсной сферой экономическаго изслѣдованія, то это не измѣняетъ факта, что въ основѣ ихъ работъ лежатъ тѣ или другія философскія посылки. Возьмемъ ли мы Смита или Рикардо, Мальтуса или Милля, Книса или Шмоллера, вездѣ намъ

не трудно будетъ прослѣдить цѣльное міросозерцаніе, на почвѣ котораго уже подвергнуты рязработкѣ экономическія проблемы. Не говоря уже о группахъ или школахъ, которыя выступаютъ въ жизни съ опредѣленными политическими программами и играютъ роль въ политической жизни, философская подкладка составляетъ неизбѣжную принадлежность и такъ называемыхъ чистыхъ ученыхъ: у всѣхъ ихъ имѣются опредѣленныя воззрѣнія на общество, на группировку интересовъ, на сословныя отношенія, на соціальную справедливость, словомъ, у всѣхъ ихъ, такъ или иначе, можно намѣтить общественное міросозерцаніе. Приступая къ характеристикѣ физіократовъ, мы прежде всего должны остановиться на ихъ философскихъ и общественныхъ воззрѣніяхъ, должны показать, какъ они смотрѣли на общество, среди котораго жили.

Физіократы не были экономистами въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы теперь понимаемъ это слово, это не были изслѣдователи отдѣльныхъ сторонъ экономической жизни или общихъ ея началъ, ученые, которые ограничивали бы свои работы разсмотрѣніемъ той или другой отрасли народнаго или государственнаго хозяйства Физіократы выступаютъ прежде всего *съ общими философскими взглядами на право и справедливость, съ требованіемъ естественнаго порядка, основаннаго на естественномъ правѣ.*

Въ виду того огромнаго значенія, какое въ ихъ системѣ имѣетъ естественное право, мы прежде всего обратимся къ ихъ воззрѣніямъ на право и справедливость.

Естественное право, по ученію Кене, есть право человѣка на вещи, пригодныя для пользованія. Справедливость есть естественный и высшій законъ, признанный *разумомъ*, опредѣляющій то, что принадлежитъ индивиду или другимъ индивидамъ.

Но чтобы пользоваться естественнымъ правомъ, нужны условія: ребенокъ, оставленный родителями, не можетъ пользоваться своимъ естественнымъ правомъ, его право сводится къ нулю, какъ глаза не могутъ служить человѣку въ пространствѣ, куда не проникаетъ свѣтъ.

Естественное право отличается отъ писаннаго закона; оно обязательно безъ всякаго принужденія, въ силу требованія *разума.* Естественное право не ограничивается первобытнымъ состояніемъ, потому что право всѣхъ на все сводится въ дѣйствительности лишь къ праву человѣка на вещи, пользованіе которыми ему доступно; другими словами, естественное право человѣка сводится къ той части, которую онъ можетъ добыть своимъ трудомъ. Оно похоже на право каждой ласточки на всѣхъ насѣкомыхъ, право, которое сводится къ

тому количеству, какое каждая можетъ добыть своимъ трудомъ. Въ первобытномъ состояніи нѣтъ борьбы за существованіе, потому что люди не станутъ напрасно терять время на борьбу, которая будетъ только препятствовать занятіямъ, необходимымъ для прiисканія средствъ существованія.

Изолированный человѣкъ пользуется весьма ограниченнымъ естественнымъ правомъ, такъ какъ не знаетъ еще сотрудничества. Съ установленіемъ общественныхъ связей и взаимныхъ договоровъ, область этого права расширяется. Если бы законы были справедливы, естественное право было бы шире. Нарушеніе естественныхъ законовъ приводитъ къ бѣдствіямъ.

Но люди не равны по своимъ силамъ, способностямъ, по самой своей природѣ, — отсюда неодинаковый размѣръ пользованія естественныхъ правомъ. Какъ только возникаетъ общество, отдѣльные индивиды вступаютъ въ молчаливый договоръ, благодаря которому право ихъ пріобрѣтаетъ болѣе широкій просторъ, раздѣленіе труда облегчаетъ пользованіе силами природы, собственность дѣлается болѣе обезпеченной. Съ увеличеніемъ богатствъ молчаливыя соглашенія оказываются уже недостаточными для защиты собственности; нужны положительные законы и установленная власть. Но эта власть не только не сокращаетъ пользованія естественнымъ правомъ, а, укрѣпляя собственность, расширяетъ сферу его приложенія. *Государство должно гарантировать каждому индивиду безопасность, свободу и собственность.*

Такова вся философія общественной жизни, насколько она развита въ Droit naturel — Кене и разъяснена въ другихъ сочиненіяхъ физіократовъ.

Мы видимъ, что физіократы противопоставляютъ *естественный порядокъ дѣйствительному* и пользуются для борьбы съ послѣднимъ тѣмъ же орудіемъ, какимъ пользовались политическіе писатели, разрушая средневѣковыя государственныя учрежденія. Вмѣсто законовъ и учрежденій, сложившихся исторически, они, вмѣстѣ съ энциклопедистами, требуютъ *естественнаго порядка*, *естественнаго права*, не ограничивая его прошлымъ человѣчества, а распространяя его на будущее. У физіократовъ мы встрѣчаемъ тѣ же пріемы, тѣ же методы, тѣ же требованія въ примѣненіи къ экономической сферѣ, какія встрѣчаемъ у политическихъ и философскихъ писателей второй половины прошлаго вѣка, то же стремленіе измѣнить тогдашнее государство съ его безчисленными ограниченіями и стѣсненіями въ Gouvernement de la nature des choses, а для оправданія этого стремленія ссылки на основную

догму политическихъ идей того времени, на *требованіе разума*. Положительное законодательство должно, говоря словами физіократовъ, заключаться dans la declaration des lois naturelles constitutives de l'ordre évidemment le plus avantageux possible aux reunies en société.

Естественное право было въ ихъ глазахъ гармоничнымъ и благодѣтельнымъ для всего человѣчества кодексомъ, установленнымъ природою раньше какихъ либо человѣческихъ установленій.

Эта идея, какъ извѣстно, древняго происхожденія; она перешла къ намъ отъ Римлянъ, которые восприняли ее отъ греческихъ мыслителей. Она неоднократно появлялась у юристовъ и философовъ прошлаго, появляется у различныхъ писателей и въ наши дни, но особенною распространенностью пользовалась во Франціи во второй половинѣ прошлаго вѣка.

Общество, по ученію физіокротовъ, состоитъ изъ суммы индивидовъ, обладающихъ одинаковыми естественными правами, но такъ какъ не всѣ люди обладаютъ одинаковыми способностями, то каждому должно быть представлено право преслѣдовать свои интересы. Правительство, въ ихъ глазахъ, есть только необходимое зло. Поэтому совѣтъ Кене дофину сводится къ тому, чтобы онъ въ качествѣ монарха ничего не дѣлалъ, а давалъ возможность естественнымъ законамъ управлять обществомъ. Такимъ преобладающимъ значеніемъ естественнаго права въ системѣ физіократовъ объясняется отчасти изъ пристрастіе къ *земледѣлію:* они и въ этомъ случаѣ слѣдовали общему увлеченію, распространенному Руссо и энциклопедистами.

Если Тюрго прибѣгалъ къ абсолютизму, а Кене и Мерсье развивали идею легальнаго деспотизма, если физіократы вообще въ политикѣ были сторонниками единоличной власти, то это объясняется ихъ убѣжденіемъ, что при абсолютной формѣ правленія легче и скорѣе можетъ быть установленъ естественный порядокъ.

На почвѣ этихъ идей объ естественномъ правѣ построена экономическая система, къ которой мы и обратимся.

Сопоставляя отдѣльныя черты ученія физіократовъ, мы получаемъ приблизительно слѣдующую картину: вся страна должна быть разбита на крупныя фермы, обрабатываемыя посредствомъ машинъ, мелкія фермы вредны для населенія, такъ какъ у мелкихъ землевладѣльцевъ нѣтъ достаточно скота, нѣтъ орудій; при существованіи класса бѣдныхъ землевладѣльцевъ не можетъ развиться раздѣленіе занятій. Землевладѣльцы должны прежде всего заботиться о томъ, чтобы цѣны стояли на высокомъ уровнѣ. *Какова продажная цѣна, таковъ и доходъ*; *изобиліе и низкія цѣны не создаютъ богатства*;

послѣднее создается при изобиліи, сопутствуемомъ высокими цѣнами. Низкая цѣна продуктовъ, думаетъ Кене, вредна для недостаточныхъ классовъ; она понижаетъ плату рабочихъ, уменьшаетъ ихъ довольство, лишаетъ ихъ заработка и сокращаетъ доходъ націи. Правда, Кене очень высоко ставилъ благосостояніе крестьянъ и считалъ бѣдное крестьянство большимъ бѣдствіемъ, но на ряду съ этимъ выдвигалъ крупное землевладѣніе и фермерное хозяйство, за что подвергался осужденію со стороны защитниковъ мелкой собственности. Нельзя упускать изъ виду, что благосостояніе низшихъ классовъ само по себѣ особеннаго значенія для физіократовъ не имѣло; они требовали его преимущественно въ видахъ созданія потребителей для товаровъ, которые не могутъ быть вывезены, въ видахъ увеличенія производства страны и дохода собственниковъ. Землѣ нужны не люди, а богатство, потому забота должна быть направлена *не къ тому, чтобы привлекать къ земледѣлію большее число рабочихъ, а къ тому, чтобы дѣлать больше затратъ на землю.* Чѣмъ больше затратъ дѣлаетъ собственникъ, тѣмъ меньшему числу рабочихъ онъ даетъ занятіе, тѣмъ больше процвѣтаетъ культура, тѣмъ больше дохода приноситъ земля.

«Отдавайте свою землю, восклицаетъ основатель школы, *не бѣднымъ крестьянамъ, а богатымъ людямъ,* способнымъ хорошо обрабатывать ее и обогащать васъ и государство, давать вамъ возможность пользоваться продуктами земли и произведеніями искусства. Ваши поля должны быть воздѣланы животными, ваши доходы создаются потребленіемъ, сбытомъ, удобствами и свободой внѣшней и внутренней торговли, обезпечивающими мѣновую стоимость. Нѣкоторые поверхностные умы думаютъ, что большія богатства создаются избыточнымъ населеніемъ, они забываютъ, что люди могутъ получать и увеличивать богатства только посредствомъ богатства и лишь до тѣхъ *поръ, пока сохранена пропорція между людьми и богатствами.* Нація думаетъ, что у нея недостатокъ въ населеніи, не замѣчая, что часто нѣтъ достаточныхъ средствъ для поддержанія большаго населенія и что люди безъ собственныхъ средствъ полезны для страны лишь тогда, когда у нихъ есть обезпеченный заработокъ. За отсутствіемъ платы или заработка часть сельскаго населенія воздѣлываетъ дешевые продукты, не требующіе большихъ затратъ, *но ни люди эти, ни продукты, ни земля, которую они воздѣлываютъ, не имѣютъ никакого значенія для государства».* Цѣлью производства ставится полученіе *чистаго дохода,* поступающаго въ пользу класса собственниковъ и государства, средствомъ—*увеличеніе размѣровъ производ-*

ства, увеличеніе затратъ на землю, замѣна людей машинами, воздѣлываніе дорого стоящихъ продуктовъ, *хотя бы это привело къ вытѣсненію бѣдныхъ крестьянъ и замѣнѣ ихъ наемными рабочими.*

Эти идеи удивительно какъ совпадаютъ съ мыслями одного изъ предшественниковъ классической школы, Артура Юнга. «Какую пользу, спрашиваетъ онъ, можетъ извлечь новѣйшее государство изъ цѣлой провинціи, если почва этой провинціи воздѣлывается по древне-римскому способу мелкими независимыми землевладѣльцами, хотя бы эти землевладѣльцы и воздѣлывали ее наилучшимъ образомъ? Для какой цѣли можетъ служить такая провинція, *кромѣ разведенія людей? Но такая цѣль сама по себѣ представляетъ самую безплодную въ мірѣ* (Polit. arithmet. London. 1774, p. 47., цит. у Маркса, Капиталъ, томъ I, стр. 175).

Предвѣстники наступавшаго тогда строя говорили, очевидно, тѣмъ же языкомъ, ставили тѣ же требованія, имѣли совершенно сродныя представленія объ организаціи общественнаго производства и распредѣленія.

Прошло полвѣка, и та же мысль получила у Рикардо дальнѣйшее развитіе. Для отдѣльнаго лица, говоритъ онъ, совершенно безразлично, даетъ ли его капиталъ занятіе 100 или 1,000 человѣкамъ, если только прибыль его не падаетъ. Не имѣетъ ли съ этимъ сходства интересъ націи? Если только чистый доходъ ея, рента и прибыль остаются однѣ и тѣ же, то нѣтъ ни малѣйшей важности въ томъ, состоитъ ли нація изъ 10 или изъ 12 милліоновъ жителей. Средства ея къ содержанію армій и флота и всякаго рода непроизводительнаго труда находятся въ соотвѣтствіи съ ея чистымъ, а не валовымъ доходомъ. Употребленіе большаго числа людей не дало бы намъ возможности ни увеличить числа людей въ нашей арміи и флотѣ, ни внести лишней гинеи въ видѣ налога (гл. XXVI о валов. и чист. доходѣ).

По поводу этого взгляда Рикардо Сисмонди восклицаетъ «какъ! богатство имѣетъ значеніе, а люди ровно ничего не стоятъ»? Съ одинаковымъ правомъ онъ могъ бы сказать это и о физіократахъ.

Если произведеніе прибавочной стоимости, какъ справедливо говоритъ Марксъ, составляетъ цѣль, управляющую капиталистическимъ производствомъ, и величина богатства измѣряется не абсолютною массою продукта, а только массою одного прибавочнаго продукта, то приведенныя только что воззрѣнія физіократовъ являются первымъ выраженіемъ порядка, которому принадлежало ближайшее будущее.

Но возвратимся къ ихъ ученію.

Прежде всего надо имѣть въ виду, что физіократамъ пришлось бороться съ меркантилистами. Поэтому мы обратимся къ вопросамъ, имѣющимъ первостепенное значеніе въ теоріи меркантилистовъ — *къ ученію о деньгахъ* и *обращеніи*, и *торговлѣ*.

«При свободной внѣшней торговлѣ, говоритъ Кене, обмѣниваются другъ на друга равныя цѣнности, безъ потери и безъ выгоды для страны».

«Каждая покупка есть продажа, каждая продажа есть покупка, Никто не покупаетъ больше, чѣмъ продаетъ, а такъ какъ покупать— значитъ платить, то никто не покупаетъ свыше того, что продаетъ. При помощи денегъ покупаются товары, при помощи товаровъ покупаются деньги, такимъ образомъ продавать или покупать значитъ обмѣнивать одну цѣнность на другую. Что одна изъ этихъ цѣнностей—деньги, это совершенно безразличная вещь. Торговлю создаютъ не купцы, а потребители» (Мерсье де-ла Ривьеръ, L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques, гл. X, 540—552).

Обмѣнъ, неоднократно повторяютъ физіократы, ничего не создаетъ; все движеніе, происходящее въ народномъ хозяйствѣ, направленіе и смыслъ экономическаго оборота опредѣляется производствомъ и распредѣленіемъ, а не обращеніемъ; послѣднее подчиняется первымъ двумъ факторамъ. Богатства создаются не торговлей, а производствомъ; въ торговлѣ обмѣниваются лишь товары, созданные раньше производствомъ страны. Отсюда движеніе и обращеніе денегъ перестаетъ носить характеръ самостоятельнаго движенія, какъ думали меркантилисты, а служитъ лишь выраженіемъ движенія, происходящаго въ товарномъ мірѣ.

«Каждый товаръ есть эквивалентъ извѣстнаго количества всякаго другаго товара и можетъ быть разсматриваемъ какъ залогъ, служащій его представителемъ. Товаръ въ рукахъ того, кто имъ обладаетъ, обращается въ средство добыть другіе товары, становится чѣмъ-то вродѣ всеобщаго залога. Каждый товаръ обладаетъ двумя существенными свойствами денегъ: онъ измѣряетъ и служитъ представителемъ всякой цѣнности. Въ этомъ смыслѣ всякій товаръ есть деньги. Общимъ мѣриломъ цѣнности можно взять лишь то, что обладаетъ цѣнностью, что получается въ торговлѣ въ обмѣнъ на другія цѣнности; залогомъ цѣнности можетъ быть только равноцѣнность. Поэтому совершенно условныя деньги невозможны. Золото и серебро безъ всякаго соглашенія и закона по самой природѣ вещей обратились во всеобщія деньги; это не знаки цѣнности, какъ многіе думаютъ, они

сами суть цѣнности» (Тюрго, Réfléxions sur la formation et la distrib. des richesses, §§ 36, 41—45).

Мысли эти развиты съ наибольшей ясностью у Летрона, одного изъ самыхъ сильныхъ теоретиковъ среди физіократовъ, мыслителя, въ общемъ не уступающаго по глубинѣ анализа ни Кене, ни Тюрго, въ нѣкоторыхъ же вопросахъ, какъ въ вопросѣ о деньгахъ, обращеніи и цѣнности, занимающаго положительно первое мѣсто.

Деньгамъ, говоритъ онъ, приписываютъ послѣдствія, которыхъ не можетъ имѣть обращеніе денегъ, ибо нѣтъ другаго движенія, какъ-то, которое исходитъ отъ производства. Цѣнность есть мѣновое отношеніе между одною вещью и другою, между опредѣленнымъ количествомъ одного товара и количествомъ другихъ товаровъ. Предметомъ обмѣна служатъ сами продукты; деньги не нарушаютъ этого принципа, ибо продукты оплачиваются только продуктами. По своей природѣ обмѣнъ есть договоръ равенства, отдача цѣнности за равную цѣнность. Онъ не служитъ средствомъ для обогащенія, потому что даютъ столько, сколько получаютъ; но обмѣнъ служитъ средствомъ для удовлетворенія и разнообразія потребностей и удовольствій. Онъ становится невыгоднымъ для одной изъ сторонъ, когда какая нибудь причина уменьшаетъ или возвышаетъ цѣну; тогда нарушено равенство; но нарушеніе происходитъ отъ этой причины, а не отъ обмѣна.

Быстрота обращенія замѣняетъ количество денегъ; деньги распредѣляется между націями сообразно потребностямъ; онѣ переходятъ изъ одной страны въ другую, привлекаемыя движеніемъ товаровъ. Такъ какъ деньги обмѣниваются на равноцѣнности, то пріобрѣтеніе ихъ не обогащаетъ, отдача ихъ не разоряетъ. Не деньги сообщаютъ товарамъ цѣнность; онѣ служатъ выраженіемъ цѣнности товаровъ, будучи сами предметомъ, обладающимъ цѣнностью» (Le Trosne, De l'intérét social 889, 903, 11, 15, 18).

Въ приведенныхъ отрывкахъ мы имѣли предъ собой цѣлый рядъ мыслей, въ которыхъ проведены наиболѣе характерныя черты правильнаго обращенія, черты, идущія въ разрѣзъ съ ученіемъ меркантилистовъ и имѣющія особенное значеніе для современнаго хозяйства. Источникъ прибыли должно искать *не въ сферѣ обмѣна и обращенія, а въ производствѣ; движеніе денегъ исходитъ отъ движенія товаровъ*,—эти выводы сами собою напрашиваются при чтеніи физіократовъ.

Перенести центръ тяжести отъ обращенія къ производству—значитъ перенести его отъ внѣшняго покрова народнаго хозяйства, который

былъ до того времени исключительнымъ предметомъ изслѣдованія, въ самое содержаніе, въ сущность народнаго хозяйства, значитъ установить на него правильный взглядъ. Если въ стремленіи показать преимущества крупнаго хозяйства въ земледѣліи и въ прославленіи чистаго дохода можно видѣть первые признаки новыхъ идей въ экономической сферѣ, сдѣлавшихся намъ извѣстными по другимъ позднѣйшимъ писателямъ, то развитые физiократами взгляды на обращеніе и деньги представляютъ собою заслугу, дающую право поставить ихъ въ научномъ отношеніи на одну ступень съ классиками.

Приведенныя выше воззрѣнія на деньги находятся въ связи съ *ученіемъ о цѣнности*. У Летрона мы встрѣчаемъ нѣсколько весьма важныхъ указаній на источникъ и причины возникновенія цѣнности, получившихъ большое значеніе вслѣдствіе связи съ другими основными положеніями современной политической экономіи.

Первая причина цѣнности—это *полезность*; но этого, по мнѣнію Летрона, еще недостаточно для цѣнности. «Хотя вода необходима, говоритъ онъ, но ея нельзя считать богатствомъ, потому что всѣ могутъ ее имѣть, не отдавая ничего въ обмѣнъ; но если кто либо не хочетъ тратить труда на то, чтобы принести себѣ воды, онъ долженъ уплатить тому, кто окажетъ ему эту услугу. Въ такомъ случаѣ платятъ уже не за воду, а за трудъ».

Вопросъ о цѣнности хорошо выясненъ въ спорѣ его съ аббатомъ Кондильякомъ, спорѣ, не потерявшемъ значенія до сихъ поръ. Летронъ объясняетъ Кондильяку, стороннику потребительной цѣнности, что слово цѣнность имѣетъ два значенія: пока рѣчь идетъ о полезности, вода безъ сомнѣнія много стоитъ, но политическая экономія имѣетъ дѣло съ продажною цѣнностью. Въ числѣ причинъ цѣнности онъ указываетъ на *рѣдкость* и *изобиліе*, на *конкурренцію*, но, замѣчаетъ онъ, существуетъ болѣе важная причина,—это *издержки производства*. Вино или конопля должны быть дороже хлѣба, потому что на нихъ тратится больше труда и издержекъ (Condillac, Le Commerce et le gouvernement, и Le Trosne, De l'int. soc.).

Не останавливаясь здѣсь на этомъ спорѣ, отмѣтимъ только одинъ выводъ, сдѣланный изъ цѣнности и ученія объ обращеніи. Это идея, что въ правильно организованномъ обществѣ, а подъ такимъ физiократы понимали общество, какъ оно формируется подъ вліяніемъ полной свободы, *не можетъ быть излишка*. Если продукты обмѣниваются на продукты, и деньги играютъ лишь роль посредника, то, вообще говоря, не можетъ быть всеобщаго излишка. Чѣмъ больше мы даемъ однихъ продуктовъ, тѣмъ больше получаемъ другихъ; отно-

шеніе равенства сохраняется. Продукты оплачиваются продуктами, а излишекъ становится средствомъ добыть то, что недостаетъ. Изъ этого вытекаетъ, что кризисы невозможны.

Всякому, знакомому съ исторіей политической экономіи, нетрудно будетъ видѣть, что идеи о правильномъ обращеніи, о деньгахъ, цѣнности и о кризисахъ представляютъ въ неразработанномъ видѣ то, что сдѣлалось намъ извѣстнымъ по сочиненіемъ Сэ и Бастіа, Рикардо и Милля.

Познакомившись съ отдѣльными частями системы физіократовъ, съ ихъ взглядами на крупное хозяйство, на деньги и обращеніе, мы можемъ перейти къ *воспроизведенію общественнаго богатства.*

Это первая попытка охватить въ немногихъ крупныхъ чертахъ весь экономическій оборотъ и показать, какимъ путемъ изъ года въ годъ возстановляется капиталъ и создаются условія безостановочнаго обращенія богатства, какимъ образомъ дѣлится весь получаемый въ народномъ хозяйствѣ доходъ между отдѣльными классами. Самая постановка такой грандіозной проблемы показываетъ, какъ высоко стояла разсматриваемая нами школа, какой высокій научный интересъ имѣютъ ея работы. Согласно ихъ ученію, общество дѣлится на три класса: *производительный классъ*, *классъ собственниковъ и безплодный классъ. Первый* обнимаетъ лицъ, производящихъ затраты на земледѣліе, создающихъ ежегодно земледѣльческіе продукты и несущихъ всѣ расходы до продажи ихъ въ первыя руки.

Ко *второму* классу принадлежатъ: суверенъ, землевладѣльцы и десятинники, живущіе чистымъ продуктомъ земледѣлія.

Наконецъ, *послѣдній* классъ составляютъ лица, выполняющія всѣ другія работы и услуги, кромѣ земледѣлія, и получающія свой доходъ отъ первыхъ двухъ классовъ. Исходнымъ моментомъ служитъ *жатва, земледѣльческій продуктъ.* Для полученія его необходимы предварительныя затраты, возвращающіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по частямъ, по мѣрѣ уничтоженія, и ежегодныя затраты, возвращающіяся изъ года въ годъ цѣликомъ, возобновляющіяся непрерывно.

Такъ какъ цѣлью производства ставится *возможно большее число продуктовъ высокой цѣнности*, то первою заботою, какъ это мы уже видѣли выше, должно быть снабженіе земледѣльцевъ достаточно большимъ первоначальнымъ капиталомъ на хорошее обзаведеніе и введеніе лучшихъ способовъ обработки. Чѣмъ больше эти затраты, тѣмъ меньше требуется ежегодныхъ затратъ; чѣмъ лучше обставлено хозяйство, тѣмъ меньше текущіе расходы, тѣмъ меньше тратится на рабочую плату. Кромѣ того, для самаго существованія поземельной

собственности неизбѣжны затраты со стороны первыхъ земледѣльцевъ, на обращеніе пустопорожнихъ земель въ культурныя. *Таковы условія производства.*

Распредѣленіе годичнаго продукта физіократы представляли себѣ въ слѣдующемъ видѣ: *прежде всего* дѣлается вычетъ производительнымъ классомъ на возстановленіе *годичныхъ* затратъ; *во вторыхъ*, дѣлается вычетъ на возобновленіе части *первоначальныхъ* затратъ. Безъ этого немыслимо сколько нибудь правильное воспроизводство; лишите фермера возможности получить обратно изъ продукта то, что онъ затратилъ въ прошломъ году, и земледѣліе неизбѣжно будетъ клониться къ упадку. Все то, что остается изъ продукта, за вычетомъ этой доли, составляетъ *чистый продуктъ или свободный доходъ, поступающій въ пользу класса собственниковъ.*

Но продукты земледѣлія потребляются не цѣликомъ; часть ихъ должна переработываться въ орудія, часть потребляется въ измѣненномъ видѣ. Если первые два класса получаютъ въ свое распоряженіе причитающіяся доли непосредственно изъ жатвы, то безплодный классъ получаетъ средства къ жизни отъ первыхъ двухъ классовъ, которымъ въ моментъ жатвы принадлежитъ весь продуктъ. Лица, принадлежащія къ этому классу, обрабатываютъ сырье, заняты торговлей, оказываютъ различныя услуги своими познаніями, талантами и трудомъ, но они *сами не создаютъ матеріи*, ихъ потребленіе зависитъ отъ прошлаго урожая,—они *своимъ трудомъ не прибавляютъ ни одного атома матеріи, а только измѣняютъ ея форму.* Такимъ производнымъ путемъ безплодный классъ получаетъ средство къ существованію и все общество, не увеличивая суммы первоначальныхъ матеріаловъ и сырыхъ продуктовъ, получаетъ возможность лучше удовлетворять своимъ матеріальнымъ и духовнымъ потребностямъ и въ то же время снабжать сельское хозяйство лучшими приспособленіями. *Таковы основныя черты распредѣленія.*

Задача правильнаго воспроизводства заключается въ томъ, чтобы къ концу года, когда приходится снова приступить къ производству, въ наличности имѣлись тѣ же условія, которыя существовали въ прошломъ году, т. е. чтобы каждый классъ былъ поставленъ въ то же положеніе, въ какомъ находился раньше и выполнялъ свою функцію въ народномъ хозяйствѣ, чтобы экономическая жизнь текла безостановочно и правильно. Экономическая таблица должна наглядно изображать всѣ мѣновые акты между отдѣльными классами, всѣ тѣ переходы, которые должны совершаться для безостановочнаго движенія. Сырье переходитъ отъ

производительнаго класса къ безплодному, а фабрикаты переходятъ обратно отъ послѣдняго къ первому; каждый изъ этихъ классовъ удовлетворяетъ своимъ потребностямъ и по окончаніи года у каждаго изъ нихъ остается то, что было въ прошломъ году. Всѣ эти процессы выяснены съ большой подробностью у основателя школы и у его учениковъ.

Не вдаваясь здѣсь въ дальнѣйшее разъясненіе экономической таблицы, иллюстрирующій распредѣленіе, отмѣтимъ только, что въ ней впервые идетъ рѣчь о капиталѣ, продуктѣ и доходѣ съ точки зрѣнія *народнаго хозяйства*, выяснено различіе между *народно-хозяйственнымъ основнымъ и оборотнымъ капиталомъ* и въ немногихъ крупныхъ штрихахъ намѣчены явленія, обнимающія все народное хозяйство.

Критики физіократовъ преимущественно обращаютъ вниманіе на ихъ ошибки; они отмѣчаютъ, что экономическій процессъ воспроизводства совпадаетъ у физіократовъ въ земледѣліи съ естественнымъ процессомъ, что исходнымъ моментомъ является не годичный продуктъ вообще, а жатва; что они смѣшивали матерію съ богатствомъ и недостаточно выяснили экономическое значеніе труда вообще въ дѣлѣ возникновенія цѣнности и богатства, что они имѣли самое неправильное представленіе о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, ограничивая первый земледѣльческимъ трудомъ и т. д. Однако, какъ ни велики ошибки и недостатки системы физіократовъ, мы все же должны въ вопросѣ о воспроизведеніи капитала, вмѣстѣ съ Марксомъ, отдать имъ предпочтеніе даже передъ Смитомъ и Рикардо.

Поставивши своею задачей изслѣдованіе воспроизводства и обращенія всего общественнаго капитала, Марксъ, разбирая взгляды прежнихъ экономистовъ, неоднократно выясняетъ преимущества анализа физіократовъ предъ анализомъ классиковъ; онъ думаетъ, что въ изложеніи процесса воспроизведенія, а слѣдовательно, и накопленія, Ад. Смитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не только не сдѣлалъ шага впередъ, но, напротивъ, положительно пошелъ назадъ по отношенію къ своимъ предшественникамъ, именно физіократамъ (Капиталъ, т. I, 509).

Я познакомилъ васъ, м. г., съ нѣкоторыми частями системы, построенной физіократами на почвѣ естественнаго права. Но спрашивается, какимъ путемъ можно достигнуть намѣченнаго идеала?

Мыслители прошлаго вѣка нисколько не затруднялись отвѣчать на этотъ вопросъ. Въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ они выдвигали

одну и ту же идею. Они требовали только свободы для индивида. Это требованіе свободы привело къ тому, что физіократовъ подчасъ отождествляли съ такими писателями, какъ Руссо, Мабли, Дидро и Гельвеціусъ, что ихъ ученіямъ приписывали соціалистическую или коммунистическую окраску. Нѣтъ ничего ошибочнѣе такого взгляда; по крайней мѣрѣ, ни въ философскихъ и политическихъ, а тѣмъ менѣе въ экономическихъ произведеніяхъ физіократовъ, не смотря на всю неопредѣленность ихъ языка, нѣтъ указаній, которыя оправдывали бы такой выводъ. Напротивъ того, они, какъ мы уже видѣли, выступили съ системой воззрѣній, въ которой впервые въ такой ясной и цѣльной формѣ сказались тенденціи и требованія нарождавшейся тогда *капиталистической эры*. Они возставали противъ порядковъ, господствовавшихъ во Франціи, *не во имя общей собственности*, а наоборотъ, хотѣли снести многочисленныя ограниченія, которыми была опутана средневѣковая жизнь и которыя препятствовали частной собственности проявиться въ полной силѣ, стѣсняли индивида въ его стремленіяхъ на экономическомъ поприщѣ. Они нападали на цехи, на средневѣковые аграрные порядки, на организацію торговли и промысловъ не во имя общественныхъ требованій, не во имя *распредѣлительной справедливости*, а во имя индивидуальной свободы. Форма, въ которой капитализмъ пробивалъ себѣ дорогу, была очень обманчива; въ ту эпоху новыя требованія въ экономической области имѣли такой же приличный, благообразный видъ, какой имѣли новыя требованія въ сферѣ политической и общественной жизни. Надо, однако, замѣтить, что нѣкоторые изъ современниковъ физіократовъ разгадали истинный характеръ ихъ системы. Противъ физіократовъ еще въ прошломъ вѣкѣ возставали Мабли, Лингэ, Морелле, Дидро, Гельвеціусъ, т. е. писатели, съ которыми ихъ впослѣдствіи отождествляли. Въ Doutes proposés aux philosophes économistes въ 1768 году Мабли противопоставляетъ идеалу физіократовъ *равенство и общность имуществъ*; онъ доказываетъ, что въ Спартѣ не было поземельной собственности, и видитъ въ этомъ идеалъ управленія. Въ Théorie des lois civiles Линге ставитъ наемный трудъ *ниже* рабства, осуждаетъ богатства и нападаетъ на ученіе физіократовъ.

Мы теперь знаемъ, что капитализмъ и свобода вовсе не связаны неразрывными цѣпями, что капиталъ отъ времени до времени требуетъ усиленной защиты, что накопленіе огромныхъ индивидуальныхъ богатствъ происходило при покровительствѣ государства, что и въ наше время выдвигаются требованія преимущественной защиты

3*

крупнаго капитала и крупнаго землевладѣнія, что тотъ же капиталъ, который когда-то требовалъ со стороны государства полнаго невмѣшательства, на нашихъ глазахъ не можетъ устоять безъ покровительственной политики Но то, что такъ ясно теперь, было неясно проводникамъ новыхъ идей въ прошломъ вѣкѣ. Дореволюціоннымъ мыслителямъ казалось, что они борятся за интересы человѣчества, въ то время какъ они были не больше, какъ представители нарождавшагося третьяго сословія. Въ дѣйствительности они проводили идеалы капитализма, вытѣснявшаго феодальные порядки.

Чтобы еще яснѣе представить себѣ истинный характеръ ученія физіократовъ, намъ стоитъ обратиться къ ихъ *воззрѣніямъ на собственность*. Мы тогда увидимъ, какимъ образомъ они обосновывали этотъ краеугольный камень, на которомъ покоится все общественное хозяйство, весь складъ и организація общества.

Собственность, *безопасность*, *свобода*—вотъ тѣ основныя требованія, которыя мы находимъ у всѣхъ физіократовъ. Въ 4-ой максимѣ Кене говоритъ, что «поземельная собственность и движимая собственность должны быть гарантированы ихъ законнымъ владѣльцамъ, ибо безопасность и собственность необходимыя основанія экономическаго порядка. Безъ спокойнаго пользованія собственностью земля оставалась бы невоздѣланной; не было бы ни собственниковъ, ни фермеровъ, которые согласились бы дѣлать затраты на землю, если бы обладаніе ею не была гарантировано и т. д

Такимъ же образомъ обосновываетъ собственность и Дюпонъ-де-Немуръ; онъ исходитъ отъ *свободы личности*, вытекающей изъ естественнаго права индивида пользоваться всѣми своими способностями. Изъ этого перваго требованія вытекаетъ *свобода труда, движимая собственность*, служащая лишь проявленіемъ свободы личности въ стремленіи владѣть результатами труда. Изъ свободы личности и движимой собственности вытекаетъ *поземельная собственность*. Лишить человѣка собственности на землю, которую онъ воздѣлываетъ, значитъ отнять у него трудъ и богатство, затраченныя на эксплуатацію земли, значитъ нарушить свободу его личности и движимую собственность.

Ту же идею проводитъ онъ въ Revue philosophique. «Каждый человѣкъ, говоритъ онъ, имѣетъ отъ провидѣнія способности, составляющія принадлежность его личности. Отсюда свободное употребленіе своихъ силъ, *свобода приложенія труда*. То, что пріобрѣтается трудомъ, составляетъ движимую собственность. Когда собственность личности и движимая собственность соединяются для воз-

дѣлыванія участка земли, не принадлежащаго другому человѣку, возникаетъ *право собственности на этотъ участокъ*».

«Человѣкъ, который вкладываетъ свои богатства въ землю, чтобы сдѣлать ее болѣе плодородной, поясняетъ аббатъ Бодо, связываетъ себя съ землею; онъ сростается съ государствомъ, его существованіе, его радости тѣсно связываются съ землею. Поэтому поземельные собственники въ силу своей собственности составляютъ непремѣнную принадлежность благоустроенныхъ государствъ» (Première introduction à la philasophie économique, стр. 690).

«Чтобы дойти до института собственности, утверждаетъ Мерсье-де-ла-Ривьеръ, намъ не нужно никакого другаго наставника, кромѣ природы. *Законъ собственности установленъ природою, познаніе его дано отъ природы всѣмъ людямъ;* въ немъ заключается весь строй общества; этотъ всеобщій и единственный законъ есть первоначальное и существенное основаніе всѣхъ другихъ законовъ. — *Нападать на собственность значитъ нападать на свободу; наносить ущербъ свободѣ значитъ наносить ущербъ собственности... Все, что отъ насъ требуется, это защита собственности, а слѣдовательно свободы, во всемъ ихъ первобытномъ и естественномъ объемѣ*».

«Меня спросятъ, пожалуй, нѣтъ ли другихъ институтовъ, составляющихъ необходимую принадлежность общества? Это вѣрно, но они имѣютъ значеніе послѣдствій, а не первоначальныхъ причинъ; чтобы найти причину этихъ учрежденій, нужно обратиться *къ праву собственности*».

Итакъ, культура земли невозможна безъ поземельной собственности; въ этомъ сходятся всѣ физіократы. Но, указывая на значеніе собственности въ міросозерцаніи физіократовъ, на мысли, такъ хорошо знакомыя по позднѣйшимъ писателямъ, я не хотѣлъ бы оставить въ неясности вопросъ *о характерѣ собственности*, отъ которой они исходили. Подъ поземельной собственностью они разумѣли индивидуальную, а не коллективную собственность. По ихъ мнѣнію, послѣдняя породила бы много неудобствъ. Летронъ открыто выступаетъ противъ коллективизма и проводитъ мысль, что только при существованіи индивидуальной собственности изъ земли можно извлечь все то, что она способна давать. Не смотря на горячую защиту свободы и постоянныя нападки фазіократовъ на существующій строй, они никогда не защищали идею равенства въ имущественномъ отношеніи.

Идея свободы связана у нихъ съ идеей собственности, а не съ идеей равенства. «Равенство, восклицаетъ Мерсье-де-ла-Ривьеръ,

было бы разрушеніемъ всякой собственности и всякаго общества... Законъ собственности одинаковъ для всѣхъ людей,—всѣ права одинаково справедливы, *но они не имѣютъ одинаковой цѣнности, потому что послѣдняя не зависитъ отъ закона. Каждый пріобрѣтаетъ соотвѣтственно своимъ способностямъ, дающимъ ему средства для пріобрѣтенія, а мѣрка этихъ способностей неодинакова у всѣхъ людей*».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что физіократы не только исходили отъ индивидуальной собственности, но совершенно сознательно защищали неравенство, считали его неизбѣжною принадлежностью всякаго строя, основанною не на общественной несправедливости, а на законахъ природы. Правда, они нападали на неравенство, вызванное государственнымъ вмѣшательствомъ, но дѣлали это не потому, что результатомъ вмѣшательства было неравенство, а потому, что вмѣшательство препятствовало естественному ходу событій, который одинъ только и могъ, по ихъ представленію, создать правильный строй отношеній.

Не могу не привести здѣсь еще одного весьма характернаго отрывка изъ Тюрго. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ мадамъ Граффини мы находимъ слѣдующее: Во что обратилось бы общество безъ этого неравенства условій? Каждый принужденъ былъ бы ограничиваться необходимымъ, или скорѣе было бы много людей, которые не были бы совсѣмъ обезпечены. Нельзя воздѣлывать землю безъ орудій и запасовъ, которые даютъ средства къ жизни до жатвы. Тѣ, у которыхъ не было способностей или случая пріобрѣсти ихъ, не имѣютъ права отнимать ихъ у тѣхъ, которые ихъ заслужили, добыли своимъ трудомъ. Если бы лѣнивые и невѣжественные отнимали у трудолюбивыхъ и способныхъ, всѣ работы прекратились бы, наступила бы общая нищета. Для тѣхъ, у кого недостаетъ или умѣнія, или счастья, полезнѣе и справедливѣе отдавать свои руки тѣмъ, которые умѣютъ дать имъ употребленіе, ссужаютъ ихъ платой и гарантируютъ имъ часть будущихъ плодовъ. Тогда ихъ существованіе обезпечено. Нѣтъ ничего несправедливаго въ томъ, что лица, изобрѣвшія производительный трудъ, доставившія другимъ орудія и пропитаніе и заключившія съ ними свободные договоры, сохраняютъ для себя лучшую часть и за свои затраты пользуются большимъ досугомъ и несутъ меньшія тягости... Такимъ образомъ, неравенство можетъ возникнуть и увеличиваться даже у самыхъ добродѣтельныхъ и нравственныхъ народовъ. Часто оно имѣетъ совсѣмъ другія причины, но оно всегда появлялось бы, какія бы средства ни употреблялись для того, чтобы

отъ него избавиться. Но неравенство совсѣмъ не зло; напротивъ, это счастье для всѣхъ людей, благодѣяніе со стороны того, кто взвѣсилъ съ замѣчательной добротой и умомъ всѣ элементы, составляющіе человѣческую душу. Во что обратилось бы общество, еслибы это было иначе и если бы каждый воздѣлывалъ свой участокъ земли? Тогда нужно было бы, чтобы онъ самъ строилъ себѣ домъ, шилъ себѣ платье. Каждый былъ бы предоставленъ самому себѣ и ограничивался бы продуктами своего участка. Чѣмъ жило бы тогда населеніе, земля котораго не родитъ хлѣба? Кто перевозилъ бы тогда продукты изъ страны въ страну? Самый бѣдный крестьянинъ пользуется теперь продуктами отдаленныхъ странъ; на каждаго работаетъ тысяча, можетъ быть сотня тысячъ рукъ.

Раздѣленіе занятій неминуемо ведетъ къ неравенству условій. Безъ него, что будетъ способствовать усовершенствованію полезныхъ искусствъ? Кто будетъ помогать слабымъ, распространять свѣтъ разума, давать людямъ и народамъ воспитаніе, создающее нравы. Кто будетъ разрѣшать споры, сдерживать жестокость однихъ, давать опору другимъ?... Свобода! со вздохомъ долженъ я сказать, что люди, можетъ быть, недостойны тебя! Равенство! Люди стремятся къ тебѣ, но они не могутъ достигнуть тебя!

Въ этихъ словахъ наряду съ апологіей раздѣленія труда ясно проглядываетъ стремленіе оправдать неравенство, какъ неизбѣжное послѣдствіе раздѣленія занятій, защитить неодинаковое имущественное положеніе отдѣльныхъ гражданъ.

«Досугъ, говоритъ тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ, даетъ возможность людямъ, снабжающимъ другихъ орудіями и средствами существованія, больше размышлять, увеличивать свои познанія. Все, что они сберегаютъ изъ той доли продукта, которая достается имъ и которая необходимо должна быть лучшей долей, увеличиваетъ ихъ капиталы и открываетъ для нихъ возможность вступать въ новыя предпріятія».

Мы видимъ, что у физіократовъ проведена весьма опредѣленная теорія собственности, выраженъ ясный взглядъ на соціальныя условія, зарождавшіяся во второй половинѣ прошлаго вѣка и принявшія окончательную форму въ наше время.

Комментаторы иногда лучше излагаютъ мысль, чѣмъ оригинальные мыслители; это можно примѣнить и къ физіократамъ. Излагая воззрѣнія своего друга Тюрго, Кондорсе, раздѣлявшій основныя положенія школы, вложилъ въ ихъ ученіе болѣе глубокій смыслъ; онъ связалъ ученіе о неравенствѣ имущественнаго состоянія съ закономъ населенія и тѣмъ придалъ большую прочность доктринѣ. Существуетъ,

говоритъ онъ, *необходимая* причина неравенства, подчиненія и нищеты, угрожающая безпрерывно самому многочисленному и дѣятельному классу въ нашихъ обществахъ. Причину эту онъ видѣлъ въ невозможности установить равновѣсіе между средствами существованія и населеніемъ безъ существованія собственности, принуждающей самую многочисленную часть человѣческаго рода работать столько, сколько она никогда не работала бы при другомъ общественномъ устройствѣ. Тенденція къ избытку населенія настолько сильна, что всѣ успѣхи въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ не въ силахъ ей противодѣйствовать, и Кондорсе рекомендуетъ тѣ же мѣры, какія потомъ предлагалъ Мальтусъ (Tableau historique du progrès de l'esprit humain, цит. въ предисловіи Дэра къ Гильоменовскому изданію физіократовъ, стр. XXVI).

Если въ приведенныхъ выше чертахъ системы физіократовъ мы видѣли отдѣльные элементы, вошедшіе потомъ въ число основныхъ посылокъ классической школы, то въ установленіи связи между организаціей собственности и ученіемъ о населеніи, въ такой защитѣ частнохозяйственной организаціи и основаннаго на ней неравенства мы имѣемъ новое доказательство глубины мысли, отличающей ея произведенія. Въ то же время высказанныя физіократами, хотя и не разработанныя мысли о значеніи населенія, объ увеличеніи населенія и отношеніи его къ территоріи дѣлаютъ ихъ отчасти предшественниками Мальтуса, одного изъ самыхъ видныхъ представителей англійской школы.

Сдѣлаемъ еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи, попытаемся сравнить физіократовъ со Смитомъ и прослѣдить источникъ возникновенія нѣкоторыхъ идей, связанныхъ съ именами основателей классической школы. Мы тогда будемъ имѣть возможность подтвердить основную мысль нашу указаніемъ на ту преемственную связь, которая соединяла французскую политическую экономію съ англійской.

Первое, что бросается въ глаза при сравненіи Смита съ физіократами, это общая философская подкладка ихъ ученій, одинаковое пристрастіе къ естественной свободѣ, даже одинаковое признаніе особенной производительности природы и тотъ индивидуалистическій оттѣнокъ, которымъ проникнуты идеи великаго англійскаго экономиста. Правда, Смитъ относится съ пренебреженіемъ къ своимъ предшественникамъ, но перечисляя хорошія стороны ихъ ученія, онъ, въ сущности, выдвигаетъ тѣ же идеи, которыя доставили славу ему самому. Онъ считаетъ большой заслугой физіократовъ, что они признавали богатствомъ не деньги, а предметы потребленія, ежегодно

производимые трудомъ общества, онъ одобряетъ ихъ за то, что они проповѣдывали полную свободу, какъ лучшее средство для возможно полнаго воспроизведенія, и думаетъ, что ихъ ученіе есть наибольшее приближеніе къ истинѣ, какое когда либо появлялось въ экономической наукѣ.

Между французскими и англійскими экономистами всегда существовала болѣе или менѣе тѣсная связь, они чутко прислушивались другъ къ другу. Смитъ, въ бытность свою въ Парижѣ, познакомился съ Кене и былъ настолько увлеченъ его ученіемъ, что хотѣлъ посвятить ему свое произведеніе; вмѣстѣ съ Тюрго и Дюпономъ онъ учился у основателя школы и имѣлъ случай слышать изъ устъ великаго изобрѣтателя экономической таблицы, его друзей и учениковъ, въ средѣ которыхъ вращался, тѣ самыя доктрины, которыя потомъ доставили ему всемірную извѣстность. Надо принять во вниманіе, что Смитъ былъ вообще несправедливъ къ своимъ современникамъ и предшественникамъ. Высокомѣрнымъ отношеніямъ къ физіократамъ онъ можетъ быть думалъ скрыть источникъ, изъ котораго заимствовалъ нѣкоторыя идеи. Во второй половинѣ прошлаго вѣка Франція была центромъ живаго общественнаго движенія, охватившаго самыя разнообразныя сферы политической и научной дѣятельности, а французскіе экономисты безспорно стояли тогда выше, чѣмъ кто либо изъ англичанъ или нѣмцевъ.

Я весьма далекъ отъ того, чтобы не признавать великихъ заслугъ Адама Смита; я хочу только указать на тѣсную родственную связь, которая существовала между нимъ и физіократами.

Если будемъ сравнивать воззрѣнія физіократовъ съ воззрѣніями Смита, то увидимъ, что во многихъ вопросахъ они не только проводили тѣ же идеи, но часто высказывали ихъ почти тѣмъ же языкомъ. Такъ, основныя требованія, предъявляемыя къ обложенію, которыя до сихъ поръ связаны съ именемъ Смита, имѣются уже у физіократовъ. Далѣе, въ критикѣ меркантилизма и торговаго баланса физіократы нисколько не уступали ему. Какъ мы видѣли, они имѣли весьма ясное представленіе объ обращеніи и о деньгахъ и какъ Смитъ считали годичныя произведенія земли и трудъ ея обитателей величайшимъ богатствомъ націи. Если при этомъ мы вспомнимъ, что идея свободы, которою проникнуты всѣ произведенія физіократовъ, связана у нихъ съ идеей собственности, что индивидуализмъ и идея полной свободы отдѣльныхъ гражданъ, нестѣсняемыхъ государственной регламентаціей, проведены у физіократовъ не менѣе опредѣленно, чѣмъ у Смита, что критика средневѣковаго режима, цеховыхъ порядковъ,

регламентаціи торговли и промышленности и всей организаціи промысловъ, которая такъ прославила англійскаго экономиста, гораздо раньше была послѣдовательно проведена и до нѣкоторой степени практически осуществлена у Тюрго, то нетрудно будетъ придти къ заключенію, что основателя классической школы связывала съ физіократами не одна только общая идея свободы, носившаяся тогда въ воздухѣ, а одинаковые взгляды на многіе основные вопросы экономической науки.

Но самъ Смитъ былъ только предвѣстникомъ капитализма, онъ жилъ въ эпоху, предшествовавшую великому промышленному перевороту, тогда какъ Рикардо писалъ въ то время, когда самыя крупныя открытія, измѣнившія весь строй промышленности, уже совершились. Поэтому нѣкоторыя черты капитализма гораздо яснѣе сказались въ произведеніяхъ Рикардо и его учениковъ.

Вчитываясь въ труды физіократовъ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ должны отмѣтить, что у нихъ можно найти зародыши многихъ ученій, связанныхъ въ наукѣ съ именами англійскихъ писателей. Мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, Тюрго и Летрона, мыслителей, сохранившихъ, не смотря на свою привязанность къ школѣ, значительную долю самостоятельности.

Обращаясь къ Тюрго, мы въ ученіи о рабочей платѣ впервые встрѣчаемъ въ сжатомъ видѣ то же положеніе, которое впослѣдствіи черезъ Рикардо сдѣлалось извѣстнымъ подъ названіемъ *желѣзнаго закона рабочей платы*; въ ученіи о прибыли онъ выступилъ съ такъ называемой *фруктификаціонной теоріей*, возрожденіе которой можно видѣть въ сочиненіяхъ новѣйшаго писателя, Джоржа, а въ *ученіи о ростѣ*, въ мотивахъ и въ доказательствахъ необходимости отмѣнить ограниченія высоты процента онъ является предшественникомъ Бентама. Въ вопросѣ о капиталѣ мы встрѣчаемъ у основателя школы разграниченіе между ежегодными и первоначальными затратами, которое, правда, въ глазахъ Рикардо не имѣетъ существеннаго значенія, но которое тѣмъ не менѣе подъ другимъ названіемъ, подъ названіемъ основнаго и оборотнаго капитала, сохранилось у него самого и только въ послѣднее время подверглось серьезнымъ нападкамъ со стороны Маркса. То же можно сказать о *генезисѣ капитала*, какъ онъ изложенъ у Дюпонъ де Немура, о *производительномъ и непроизводительномъ* потребленіи у Летрона. Мысли, развитыя послѣднимъ, до такой степени ясны и такъ глубоко проникаютъ въ воспроизведеніе народнаго капитала, что въ этомъ вопросѣ съ нимъ могутъ сравниться весьма немногіе экономисты. Замѣтимъ кстати, что Марксъ

посвятилъ весь свой второй томъ разработкѣ вопросовъ, впервые поставленныхъ физіократами. Наконецъ у Мерсье мы находимъ зародыши ученія *о фондѣ рабочей платы*, получившаго, какъ извѣстно, у англійскихъ писателей такое большое значеніе.

Познакомившись въ бѣгломъ очеркѣ съ тѣмъ богатствомъ идей, какое разсѣяно въ сочиненіяхъ физіократовъ, и указавъ на родственную связь ихъ съ классиками, мы въ заключеніе приведемъ еще разъ параллель между этими двумя школами. Экономистовъ классической школы, какъ извѣстно, характеризуютъ слѣдующими чертами: во 1-хъ, они ставятъ индивида выше общества, индивидуальные интересы выше общественныхъ; они исходятъ отъ воззрѣнія, что общественное благо достигается свободною дѣятельностью индивидовъ; во 2-хъ, они удѣляютъ все свое вниманіе мѣновымъ стоимостямъ, а не потребительнымъ; въ 3-хъ, они не допускаютъ государственнаго вмѣшательства въ промышленную жизнь, въ соціальныя отношенія; въ 4-хъ, ихъ ученія носятъ слишкомъ абсолютный, универсальный характеръ, они не признаютъ различія въ ступеняхъ развитія отдѣльныхъ народовъ и исходятъ отъ космополитической, а не національной точки зрѣнія.

Если таковы черты классической школы, а всѣ почти историки отмѣчаютъ именно эти черты, то едва ли можетъ быть сомнѣніе, что мы встрѣчаемъ тѣ же черты у физіократовъ, что къ нимъ въ значительной мѣрѣ примѣняются тѣ же возраженія, которые были сдѣланы исторической школой противъ классиковъ. Мы видѣли, что исходнымъ моментомъ для физіократовъ были индивидуальные интересы, видѣли, какое вниманіе они удѣляли высокимъ цѣнамъ и какъ они стремились къ возвышенію мѣновыхъ стоимостей, познакомились съ ихъ воззрѣніями на государственное вмѣшательство, и съ тѣмъ, какое огромное значеніе они придавали свободѣ. Всѣ произведенія физіократовъ настолько проникнуты этими идеями, что было бы, можетъ быть, правильнѣе въ классификаціи, вмѣсто обычнаго дѣленія на меркантилистовъ, физіократовъ и смитовскую школу, соединить послѣднія двѣ школы и противопоставить ихъ меркантилистамъ, какъ цѣльную однородную систему воззрѣній.

Позволю себѣ въ подтвержденіе правильности такой оцѣнки физіократовъ и универсальнаго характера ихъ воззрѣній привести еще нѣсколько цитатъ изъ Тюрго и Дюпона. «*Кто не забываетъ*, говоритъ Тюрго, что политическія государства отдѣлены другъ отъ друга и устроены различнымъ образомъ, *тотъ никогда не въ состояніи будетъ понять ни одного вопроса въ политической экономіи*» (Lettres

à M. Lespinasse 1770, цитировано у Ingram, A History of political economy, стр. 70).

Излагая воззрѣнія своего друга, Гурне, онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ слѣдующее: «*ясно, что интересы всѣхъ индивидовъ, не стѣсняемые ничьимъ вмѣшательствомъ, необходимо совпадаютъ съ общественной пользой*. Гурне находилъ невозможнымъ, чтобы при торговлѣ, предоставленной собственному теченію, частные интересы не совпадали съ общими и т. д.».

То, что предложено было физіократами, представляетъ, какъ говоритъ Дюпонъ, *необходимую принадлежность всякаго государства*; такое управленіе существуетъ, по его мнѣнію, уже 4000 лѣтъ въ Китаѣ подъ тропикомъ Рака и будетъ введено великою Императрицей Екатериной II на сѣверныхъ льдинахъ ко благу всѣхъ подданныхъ. Это, очевидно, самое выгодное для всѣхъ народовъ управленіе, потому что гарантируетъ имъ широкое пользованіе естественными правами и наибольшее благосостояніе. Весьма характерно, что одно изъ лучшихъ экономическихъ произведеній 18 в., Reflexions sur la formation et la distribution des richesses, представляющее краткое резюме главнѣйшихъ вопросовъ политической экономіи, было написано Тюрго для двухъ молодыхъ китайцевъ, отправлявшихся изъ Франціи на родину, съ цѣлью воспитать ихъ въ духѣ новыхъ принциповъ.

Итакъ, мы видѣли, что физіократы создали систему, построенную на тѣхъ же идеяхъ, которыя выдвинуты были Смитомъ, Рикардо, вообще классической школой, что они впервые выступили съ цикломъ воззрѣній, возвѣщавшихъ наступленіе новой эры въ торговой и промышленной политикѣ, во всей организаціи народнаго хозяйства.

Но были ли распространены ученія физіократовъ, имѣли ли они успѣхъ, можно ли прослѣдить ихъ вліяніе на законодательство?

Къ сожалѣнію, на эти вопросы намъ приходится отвѣтить отрицательно. Правда, въ лицѣ министра Тюрго они имѣли временный успѣхъ, ихъ идеи были осуществлены въ великихъ реформахъ интенданта изъ Лиможа, но Тюрго, какъ извѣстно, былъ скоро вытѣсненъ, его идеи встрѣтили живой отпоръ.

Изъ всей группы, раздѣлявшей воззрѣнія физіократовъ, одинъ только Дюпонъ-де-Немуръ дожилъ до осуществленія нѣкоторыхъ идей въ конституціонномъ собраніи, гдѣ онъ открыто защищалъ ихъ систему. Идеи физіократовъ нашли нѣкоторый отголосокъ въ другихъ европейскихъ странахъ, но о сильномъ вліяніи и продолжительномъ воздѣйствіи ихъ не можетъ быть и рѣчи. Можно развѣ привести нѣсколько примѣровъ вліянія физіократовъ на выдающихся дѣяте-

лей того времени, но въ этомъ увлеченіи идеи физіократовъ смѣшивались съ общимъ увлеченіемъ господствовавшимъ и тогда во Франціи реформаторскими ученіями. Для насъ не лишено интереса, что, въ эпоху широкихъ проектовъ преобразованія, Екатерина Великая поручила послу кн. Голицыну пригласить какого нибудь представителя физіократовъ въ Россію для введенія управленія, согласнаго съ духомъ времени. Выборъ былъ не вполнѣ удаченъ, — миссія Мерсье де-ла Ривьера окончилась полной неудачей, бесѣда его съ императрицей въ Москвѣ не привела ни къ чему.

Императрица была не единственной поклонницей физіократовъ; пристрастіе къ новой школѣ питали шведскій король и маркграфъ баденскій. Послѣдній принадлежалъ къ числу писателей, распространявшихъ ихъ ученіе; ему принадлежитъ краткое резюме, изданное подъ заглавіемъ Abregé d'économie politique. Кромѣ того онъ сдѣлалъ практическую попытку примѣнить доктрину физіократовъ о чистомъ доходѣ, какъ единственномъ источникѣ налога, чѣмъ окончательно разорилъ пять деревень.

Нельзя сказать, чтобы физіократы были очень популярны и въ своей странѣ; на то они были слишкомъ туманны и абстрактны, слишкомъ прямолинейно проводили свои идеи, впадая часто въ доктринерскій тонъ и обнаруживая подчасъ полное невниманіе къ насущнымъ потребностямъ минуты. Въ полемикѣ, возникавшей между физіократами и ихъ противниками, даже такой безпринципный и поверхностный, но остроумный и блестящій писатель, какъ аббатъ Галліани, или Неккеръ имѣли большій успѣхъ, чѣмъ Тюрго и Морелле.

Форма, въ которой высказаны были новыя идеи, не могла способствовать ихъ распространенію. Но идеи эти тѣмъ не менѣе перешли въ дѣйствительность, требованія и идеалы физіократовъ въ скоромъ времени начали осуществляться другимъ путемъ. Этотъ путь было «Богатство народовъ», а проводникомъ Адамъ Смитъ и классическая школа, воспринявшіе все, что было здороваго въ ученіи физіократовъ.

Въ краткомъ очеркѣ я хотѣлъ показать, что физіократы, какъ по общимъ своимъ воззрѣніямъ, такъ и по разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, могутъ считаться предшественниками Смита и классической школы, что между этими двумя школами существуетъ тѣсная преемственная связь, что англійскіе экономисты конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка были только продолжателями физіократовъ и развили экономическую систему, отдѣльныя части которой были даны гораздо раньше физіократами. Этого, я думаю, вполнѣ достаточно, чтобы понять, какое высокое научное значеніе имѣетъ изученіе про-

изведеній этой школы, какой глубокій смыслъ оно пріобрѣтаетъ для того, кто желалъ бы прослѣдить генезисъ ученій, составляющихъ до сихъ поръ краеугольный камень политической экономіи, кто желалъ бы объяснить условія возникновенія основныхъ положеній самой вліятельной и можетъ быть самой плодотворной для науки школы.

Но помимо научнаго интереса разсмотрѣннаго нами ученія, для насъ имѣютъ огромное значеніе и личности, проводившія его въ жизнь. Правда, наше время выдвинуло другія требованія, идеалы физіократовъ насъ не удовлетворяютъ, мы не смотримъ на свободу въ экономической области, какъ на лучшее средство для борьбы съ общественною неправдою; напротивъ, на первый планъ мы выдвигаемъ необходимость государственнаго вмѣшательства и государственной защиты интересовъ низшихъ классовъ; насъ гораздо больше интересуютъ вопросы распредѣленія, чѣмъ вопросы объ увеличеніи производства; мы предъявляемъ государству опредѣленныя положительныя требованія; наши основныя воззрѣнія во многихъ случаяхъ далеко не совпадаютъ съ тѣми, которыя, черезъ посредство физіократовъ впервые провозгласило нарождавшееся тогда третье сословіе, но это принципіальное разногласіе не можетъ измѣнить глубокаго уваженія, какое внушаетъ къ себѣ эта группа философовъ - экономистовъ. Если мы теперь перешагнули черезъ идеи физіократовъ, то нужно имѣть въ виду, что въ срединѣ прошлаго вѣка, при господствѣ меркантилизма, эти идеи были почти недосягаемымъ идеаломъ, за который приходилось бороться. Физіократы умѣли бороться за свой идеалъ, они умѣли безкорыстно работать для проведенія идей, которыя, по ихъ мнѣнію, вели ко благу человѣчества и которыя можетъ быть были необходимою переходною ступенью, безъ которой мы не могли бы выдвинуть новыхъ идеаловъ. Не говоря уже о Тюрго, въ лицѣ котораго мы имѣли одну изъ тѣхъ великихъ историческихъ фигуръ, одно упоминаніе о которыхъ укрѣпляетъ духъ и возбуждаетъ къ живой общественной дѣятельности, всѣ писатели, окружавшіе Кене, въ теченіе всей своей жизни безкорыстно служили тому, что считали необходимымъ для достиженія человѣческаго счастія. Вотъ почему ученіе физіократовъ, помимо научнаго интереса, имѣетъ такое важное общественное значеніе.

М. Герценштейнъ.

ИЗМѢНЕНІЯ ПРЕСТУПНОСТИ ВЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ГРУППАХЪ.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ уголовной статистики является изученіе преступности отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ или классовъ. Выводы, полученные путемъ сравненія преступности общественныхъ группъ, живущихъ несходною жизнью, даютъ возможность намѣтить, хотя бы въ общихъ чертахъ, измѣненія формъ преступности въ связи съ тѣми или другими условіями соціальной жизни. Преступленія, какъ и другія патологическія общественныя явленія—самоубійство, сумасшествіе и др., не распредѣляются равномѣрно по общественнымъ слоямъ, но увеличиваются тамъ, гдѣ находятъ благопріятныя для своего развитія условія, проявляются рѣже въ той средѣ, которая, такъ или иначе, противодѣйствуетъ ихъ появленію, хотя, конечно, и не существуетъ такой общественной группы, болѣе или менѣе значительной, которая была бы застрахована отъ возникновенія въ ея средѣ преступниковъ. Но и помимо различія въ частости всѣхъ вообще преступленій въ тѣхъ или другихъ классахъ, и при приблизительно одинаковомъ числѣ преступныхъ лицъ, обнаруженныхъ судомъ, интересно выясненіе различія формъ преступности отдѣльныхъ слоевъ населенія. Преступность не однородна по своему составу: виды преступленій многочисленны и существенно отличаются другъ отъ друга по обусловливающимъ мотивамъ, по характеру и размѣру вреда, наносимаго потерпѣвшему, по степени безнравственности преступника. Извѣстныя формы преступленій бываютъ возможны только при наличности опредѣленныхъ условій общественной жизни, при измѣненіи которыхъ измѣняется и составъ преступниковъ. Мы знаемъ, по даннымъ санитарной статистики, что извѣстныя формы болѣзни развиваются при особыхъ благопріятныхъ усло-

віяхъ: эпидемическія болѣзни поражаютъ преимущественно населеніе, живущее скученно въ низменныхъ, болотистыхъ мѣстностяхъ, встрѣчаются рѣже въ гористыхъ областяхъ при разбросанности поселковъ; чахотка болѣе развита въ городскомъ населеніи и т. д. Преступленіе, благодаря новѣйшимъ позитивнымъ изысканіямъ, можетъ быть также разсматриваемо какъ опредѣленное патологическое состояніе индивида, развитіе котораго въ значительной мѣрѣ обусловливается характеромъ окружающей физической и соціальной среды. Здѣсь незачѣмъ намъ входить въ разсмотрѣніе самой природы преступника, какъ и въ санитарной статистикѣ не описываются отдѣльныя формы болѣзней, а есть только данныя объ ихъ увеличеніи или уменьшеніи. Для цѣлей уголовной статистики достаточно имѣть въ виду только то, что преступность можетъ быть разсматриваема какъ патологическая форма борьбы за существованіе, отстаиваніе тѣхъ или иныхъ, иногда уродливыхъ, интересовъ и влеченій личности противъ общества—путемъ незаконнымъ, подлежащимъ репрессіи. Непосредственный стимулъ къ совершенію преступленія (въ особенности въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ личности) лежитъ въ анормальной природѣ преступника, въ его физической или нравственной дефективности, но увеличеніе или уменьшеніе числа подобнаго рода вырождающихся или, во всякомъ случаѣ, отдаляющихся отъ средняго типа субъектовъ всецѣло зависитъ отъ общественныхъ условій. Если преступленія увеличиваются, очевидно, что или мѣры предупрежденія и репрессіи недостаточны, или само общество заключаетъ въ себѣ условія, благопріятныя для развитія преступниковъ, такъ что всѣ принимаемыя мѣры къ уменьшенію зла оказываются недѣйствительными. Обыкновенно происходитъ и то и другое, т. е. и борьба съ преступленіемъ ведется не совсѣмъ удовлетворительно, и въ обществѣ существуютъ такіе порядки и отношенія, что преступники развиваются въ немъ фатально, какъ инфекціонные микробы въ зараженномъ организмѣ.

Причины дегенераціи, а съ нею и развитія преступленій, не одинаковы въ разныхъ классахъ общества. Въ низшихъ слояхъ населенія такими причинами являются, главнымъ образомъ, нищета, антигигіеничныя условія жилья и пищи, физическое переутомленіе отъ продолжительной работы, развитіе алкоголизма; въ высшихъ классахъ, наоборотъ, къ вырожденію могутъ приводить излишества въ наслажденіяхъ, половые эксцессы разнаго рода, или же мозговое переутомленіе, вообще истощеніе нервной системы вслѣдствіе чрезмѣрнаго количества разнаго рода раздраженій, при отсутствіи физическаго труда и вслѣдствіе этого слабости организма. Такимъ образомъ, са-

мые типы вырождающихся не могутъ быть сходны въ разныхъ общественныхъ группахъ; въ каждомъ такомъ субъектѣ, при всѣхъ возможныхъ отклоненіяхъ и измѣненіяхъ, всетаки будутъ сохраняться основныя черты, общія тому классу, изъ котораго онъ вышелъ. Психическія же черты разныхъ классовъ, какъ они представляются въ наше время, далеко не тождественны. Различіе ежедневно получаемыхъ впечатлѣній, обычныхъ идей, чувствъ, свойственныхъ не только обширнымъ слоямъ населенія, но и болѣе мелкимъ группамъ, различіе въ родѣ занятій, упражненіе однѣхъ сторонъ психо-физическаго организма и ослабленіе или недоразвитіе другихъ—все это кладетъ особенный отпечатокъ на нравственный, такъ сказать, «средній» обликъ отдѣльныхъ классовъ. Это различіе уже бывало не разъ обнаруживаемо и нравственной статистикой: извѣстно, напр., что самоубійства повсюду въ Европѣ всего болѣе распространены среди либеральныхъ профессій, всего менѣе среди сельскаго населенія. Развитіе сумасшествія идетъ тѣмъ же путемъ. Это явленіе всѣми статистиками объясняется различіемъ въ характерѣ дѣятельности и всей обстановки помянутыхъ классовъ. Относительно распредѣленія преступности также указывались различія въ формахъ преступленій, свойственныхъ извѣстнымъ классамъ, но въ этомъ случаѣ получаемые выводы имѣли за собою ту невыгоду, что касались обыкновенно только одного какого либо государства и потому, казалось, не имѣли общаго значенія. Я не имѣю въ виду восполнить этотъ недостатокъ, представивъ сравненіе преступности общественныхъ группъ въ главнѣйшихъ государствахъ, такъ какъ такого рода трудъ требовалъ бы большихъ силъ, но сообщу только нѣкоторыя цифры, касающіяся преимущественно группъ по образованію и выясняющія, въ нѣкоторой мѣрѣ, чѣмъ отличается преступность образованныхъ лицъ отъ невѣжественныхъ слоевъ населенія, причемъ обнаруживается однородность тенденціи въ различныхъ европейскихъ государствахъ.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ изученію преступности отдѣльныхъ общественныхъ классовъ, мнѣ показалось небезъинтереснымъ попытаться выяснить, какимъ образомъ вообще измѣняется преступность во времени, по мѣрѣ развитія цивилизаціи или, иными словами, по мѣрѣ осложненія формъ общественной жизни, накопленія знаній и матеріальныхъ богатствъ. A priori вообще можно предполагать, что развитіе общественной жизни, въ той формѣ, какъ оно теперь совершается, должно вести къ уменьшенію или, по крайней мѣрѣ, задерживать развитіе грубаго насилія—лишенія жизни въ преступлені-

іяхъ противъ личности и грабежа въ преступленіяхъ противъ собственности. Насиліе должно въ настоящее время уступать мѣсто обману, грубое отнятіе чужаго имущества должно замѣняться мошенничествомъ. При низшихъ формахъ общественной жизни насиліе является фактомъ повседневной жизни, при неустойчивости и несложности политическихъ формъ, при слабомъ развитіи экономическихъ отношеній, при ничтожномъ умственномъ развитіи—тонкіе виды обмана являются трудными да и ненужными для варвара, привыкшаго къ употребленію оружія для разрѣшенія своихъ индивидуальныхъ столкновеній. Притомъ же самая форма распредѣленія имущества (родовое и семейное имущество, незначительность предметовъ роскоши, главное богатство въ трудно отчуждаемыхъ предметахъ, какъ, напр., скотъ и т. п.) не допускаетъ возможности многихъ преступленій, какъ, напр., поддѣлка векселей, кража при стеченіи публики портмоне и т. п. Особенности экономическаго быта на низшихъ стадіяхъ культуры вообще таковы, что похищеніе имущества связано съ непремѣннымъ рискомъ натолкнуться на вооруженное сопротивленіе хозяина вещи, который имѣетъ полную возможность убить вора: «убити въ пса мѣсто» говоритъ Русская Правда. Вору, слѣдовательно, необходимо запастись оружіемъ «на всякій случай», въ виду возможной схватки: похититель чужой собственности у нецивилизованныхъ народовъ является обыкновенно въ то же время и посягателемъ на чужую жизнь; разбой, вооруженная кража представляется наиболѣе распространеннымъ видомъ преступленія. При болѣе сложной общественной организаціи, личность или отдѣльныя группы личностей оказываются слишкомъ слабыми, чтобы пускать въ ходъ насиліе противъ враговъ, не опасаясь энергичной репрессіи со стороны общества въ его цѣломъ. Разбой и грабежъ преслѣдуются весьма дѣятельно въ цивилизованномъ обществѣ, и вся совокупность общественныхъ отношеній является весьма неблагопріятной для этихъ видовъ преступленія. Представляется необходимымъ для присвоенія чужой собственности прибѣгать не къ силѣ, а къ тайному похищенію или обману, мошенничеству, разнымъ видамъ подлога. Таково въ общихъ чертахъ должно быть измѣненіе преступности при современной эволюціи общественной жизни, хотя, конечно, не безъ отклоненій; нѣкоторыя изъ нихъ и будутъ указаны ниже.

Провѣрить статистическимъ путемъ вѣрность высказанныхъ выше положеній представляется весьма труднымъ, если наблюдать измѣненія преступности во времени. Уголовная статистика начала свои записи сравнительно очень недавно, по крайней мѣрѣ, судебные ста-

тистическіе отчеты, издаваемые правительственными органами, въ большинствѣ европейскихъ государствъ обнимаютъ незначительные періоды времени. Наиболѣе раннія данныя по статистикѣ преступленій относительно значительной территоріи мы имѣемъ по Франціи, именно начиная съ 1825 года, т. е. за 60 слишкомъ лѣтъ. И этотъ періодъ всетаки еще очень не великъ, но нѣкоторыя измѣненія преступности должны были произойти и за этотъ промежутокъ времени, такъ какъ настоящее столѣтіе, во всякомъ случаѣ, представляетъ эпоху необыкновенно быстраго развитія и смѣны соціальныхъ явленій не только во Франціи, но и во всемъ мірѣ. Собственно Франція пережила за это время нѣсколько революцій, политическая конституція ея мѣнялась четыре раза; въ матеріальномъ отношеніи Франція, какъ и вся Европа, за истекшія 60 лѣтъ достигла небывалыхъ успѣховъ, подобныхъ которымъ нельзя найти въ предшествовавшей исторіи. Въ двадцатыхъ годахъ во Франціи не было ни одного километра желѣзной дороги, въ началѣ сороковыхъ никто не имѣлъ еще ни малѣйшаго понятія о телеграфахъ. Торговой оборотъ въ 1827 году не достигалъ 1 милліарда франковъ, въ 1883 превышалъ 8 милліардовъ франковъ. По вычисленіямъ Fournier de Flaix, общій національный капиталъ Франціи возросъ съ 1826—1883 годъ съ 71 милліарда на 226 милліардовъ франк., т. е. утроился (населеніе увеличилось за то же время только на 15%). Возросло потребленіе вина, алкоголя, мяса и пшеницы, что указываетъ на увеличеніе благосостоянія значительной массы населенія. Вмѣстѣ съ матеріальнымъ достаткомъ повысилось и народное образованіе: въ тридцатыхъ годахъ неграмотные составляли 60% населенія, въ восьмидесятыхъ только—25%.

Какъ же отразилось это общее развитіе культуры на ходѣ преступности? Разсмотримъ движеніе наиболѣе важныхъ или многочисленныхъ преступленій въ отдѣльности, такъ какъ итоговыя цифры въ уголовной статистикѣ представляютъ совершенно неопредѣленную величину, подобно тому какъ еслибы при перечисленіи домашняго скота выставлялась бы только общая цифра по всѣмъ породамъ вмѣстѣ. Сопоставимъ данныя объ обвиняемыхъ за два крайнихъ пятилѣтія 1826—30 гг. и 1881—85 гг. При этомъ мы будемъ сличать только тѣ преступленія, по которымъ не послѣдовало значительнаго измѣненія законодательной репрессіи и движеніе которыхъ не зависѣло отъ какихъ либо случайныхъ причинъ.

Обвиняемые въ ассизныхъ судахъ, въ среднемъ за пятилѣтіе.

Преступленія противъ личности.	1826—30	1881—85
Убійство	589	659
Изнасилованіе взрослыхъ женщинъ	166	103
Растлѣніе малолѣтнихъ	139	717
Преступленія противъ собственности.		
Разбой и грабежъ (vols avec violence etc.)	399 [1])	147
Подлоги	403	355
Домашняя кража и злоупотребленіе довѣріемъ	1,052	335
Квалифицированная кража разн. рода	3,462	1,408

Обвиняемые въ исправительныхъ трибуналахъ.

Нанесеніе ранъ и побоевъ	13,656	27,768
Проступки противъ нравственности (les moeurs)	727	4,530
Возстаніе и сопротивленіе властямъ (rebellion)	1,610	3,721
Побои и оскорбленія служебнымъ лицамъ	3,206	13,492
Кража (неквалифицированная)	12,576	44,596
Банкротство (не злостное)	129	934
Мошенничество (escroquerie)	939	4,210
Злоупотребленіе довѣріемъ	547	4,029
Бродяжество	2,910	15,629
Нищенство	966	9,421

Разсматривая эти цифры, мы должны имѣть въ виду, что уменьшеніе числа преступленій противъ собственности въ ассизныхъ судахъ произошло главнымъ образомъ, какъ уже было не разъ замѣчено, отъ процесса коррекціонализаціи, т. е. отъ передачи дѣлъ, сравнительно менѣе важныхъ, на разборъ въ исправительные трибуналы, чѣмъ и объясняется то явленіе, что всѣ виды похищенія имущества въ судѣ присяжныхъ уменьшились, а въ исправительномъ трибуналѣ, наоборотъ, сильно возросли, что представляло бы очень странное явленіе, если бы оно не находилось въ зависимости отъ указаннаго нами факта. Разсматривая въ отдѣльности преступленія противъ личности, мы видимъ, что наиболѣе важное изъ нихъ—убійство—осталось почти безъ измѣненія: за всѣ 60 лѣтъ цифра обвиняемыхъ по убійству колебалась въ извѣстныхъ предѣлахъ, не обнаруживая ясной наклонности ни къ пониженію, ни къ повышенію, но описывая волнообразную линію, то повышаясь, то понижаясь (maximum обвиняемыхъ былъ

---

[1]) Въ 1836—40 гг. Раньше этого пятилѣтія грабежъ (vol avec violence) не на большой дорогѣ показывался вмѣстѣ съ другими видами кражи.

въ пятилѣтіе 1846—50 гг.—785 чел., minimum въ десятилѣтіе 1856—65 гг.—500 и 501 обвин.). Нанесеніе однако ранъ и побоевъ значительно возросло за 60 лѣтъ, число обвиняемыхъ (prévenus) по этому проступку удвоилось. Это обстоятельство находится въ прямой зависимости отъ увеличенія потребленія алкоголя во Франціи. Географическое распредѣленіе дракъ и побоевъ не совпадаетъ съ распространеніемъ убійства, какъ и движеніе обоихъ родовъ преступленій во времени. Наибольшее относительно число обвиняемыхъ въ нанесеніе побоевъ приходится преимущественно на сѣверные департаменты, гдѣ сравнительно убійство развито не сильно, но за то потребленіе алкоголя максимально. Далѣе, преступленія противъ нравственности, какъ видимъ, чрезвычайно увеличились, число обвиняемыхъ возросло въ шесть разъ (считая обвиняемыхъ и въ ассизахъ и въ исправительныхъ трибуналахъ). Въ этой категоріи преступленій уменьшилось однако число изнасилователей взрослыхъ. Число обвиняемыхъ въ сопротивленіи властямъ и оскорбленіи чиновниковъ возросло также значительно, несомнѣнно тоже въ связи съ распространеніемъ алкоголя. Что касается преступленій противъ собственности, то, считая обвиняемыхъ въ ассизахъ и исправительныхъ трибуналахъ вмѣстѣ, найдемъ, что вообще преступленія противъ собственности увеличились весьма значительно, въ особенности же разные виды обмана—мошенничество и злоупотребленіе довѣріемъ (въ 4 и 7 разъ). Число обвиняемыхъ въ кражѣ (квалифицированной и неквалифицированной) почти утроилось. Вообще до извѣстной степени замѣтно, что преступленія, соединенныя съ тяжелыми и рѣзко-выраженными формами насилія (убійство, грабежъ, изнасилованіе взрослыхъ), или уменьшились, или возросли незначительно, если же нѣкоторыя формы насилій (нанесеніе побоевъ) и увеличились, то, главнымъ образомъ, благодаря усиленію потребленія алкоголя, причемъ всетаки это увеличеніе шло менѣе быстрымъ путемъ, чѣмъ ростъ нѣкоторыхъ видовъ преступленій противъ собственности, соединенныхъ съ обманомъ (злоупотребленіе довѣріемъ). Соединивъ въ одну группу всѣхъ обвиняемыхъ за преступленія, соединенныя съ насиліемъ, какъ въ ассизахъ, такъ и въ трибуналахъ (т. е. за убійство, нанесеніе побоевъ, угрозы, оскорбленія должностныхъ лицъ, грабежъ), найдемъ, что въ 1826—30 гг. въ среднемъ за пять лѣтъ такихъ обвиняемыхъ было 21,623. Назовемъ эту группу латинскимъ словомъ — vis. Противоположная ей—fraus—должна состоять изъ обвиняемыхъ за преступленія противъ собственности, лишенныя характера насилія. Этихъ обвиняемыхъ въ 1826—30 гг. было 19,291, т. е. насильниковъ было тогда больше,

чѣмъ тайныхъ воровъ. Въ 1881—85 гг. отношеніе мѣняется, хотя возросли обѣ группы въ сильной степени. По группѣ vis было обвиняемыхъ 45,882, по fraus—56,179 обвин. Эти данныя отчасти подтверждаютъ высказанное ранѣе апріорное положеніе, что насиліе въ настоящее столѣтіе уступаетъ мѣсто обману или вообще тайному похищенію имущества, хотя въ то же время развитіе алкоголизма увеличиваетъ мелкія преступленія противъ личности. Для сравненія преступности некультурной или полуварварской страны и цивилизованной, возьмемъ обвиняемыхъ въ департ. Сены (Парижъ), съ одной стороны, и обвиняемыхъ—мусульманъ въ Алжиріи, съ другой: формы суда одинаковы въ настоящее время какъ въ Парижѣ, такъ и въ Алжиріи на такъ называемой гражданской территоріи (territoire civil), обнимающей теперь почти все пространство принадлежащей французамъ страны. Данныя взяты за пятилѣтіе 1881—85 гг. въ суммѣ. Число жителей деп. Сены и алжирскихъ мусульманъ почти одинаково (около 2.800,000 чел.), такъ что не за чѣмъ было выводить коэффиціентъ преступности на 1000, тѣмъ болѣе, что число арабовъ, вѣроятно, всетаки не совсѣмъ еще точно опредѣлено.

	Обвиняемые въ ассизахъ.	
	Алжирскіе мусульмане.	Деп. Сены.
Убійство	1,843	337
Преступленія противъ нравственности	215	482
Грабежъ	215	114
Домашняя кража	54	418
Подлоги	100	431
Всѣ преступленія противъ собственности	970	2,199
	Въ исправительныхъ трибуналахъ.	
Сопротивленіе властямъ	577	5,159
Оскорбленія должностныхъ лицъ	986	19,033
Ѳанесеніе побоевъ	8,787	12,947
Кража (неквалиф.)	18,193	35,755
Мошенничество и злоупотребленіе довѣріемъ	1,388	11,321
Нищенство	343	7,120
Бродяжество	474	12,516

Цифры эти для насъ очень интересны: оказывается, что въ Алжиріи среди туземцевъ болѣе распространены тѣ виды преступленій, которыя во Франціи убываютъ, и наоборотъ, малочисленнѣе обвиняемые по преступленіямъ, возросшимъ за послѣднія 60 лѣтъ. Различіе культуры сказывается, слѣдовательно, какъ въ движеніи преступленій во

времени, такъ и при сравненіи преступности страны мало культурной съ центромъ современной цивилизаціи. Убійство въ пять разъ чаще среди алжирскихъ мусульманъ, чѣмъ въ департ. Сены, грабежъ также болѣе распространенъ; наоборотъ, тайное похищеніе имущества, въ особенности разные виды тонкаго мошенничества, гораздо рѣже среди мусульманъ, что и совершенно естественно при ихъ маломъ сравнительно умственномъ и экономическомъ развитіи. Мелкія однакоже насильственныя преступленія (оскорбленія должностныхъ лицъ, побои) многочисленнѣе въ департ. Сены, но это обстоятельство, равно какъ и возростаніе этихъ проступковъ въ самой Франціи, можно отнести къ усиленному потребленію алкоголя въ Парижѣ и малой сравнительно наклонности къ алкоголизму магометанъ; притомъ же различіе въ числѣ обвиняемыхъ въ нанесеніи побоевъ не велико, а то, что арабы, сравнительно съ парижанами, очень мало наклонны оскорблять чиновниковъ—это не безъ основанія представляется объяснимымъ извѣстной пассивностью и преклоненіемъ восточныхъ расъ передъ разъ установившеюся властью. Весьма должно поражать читателя рѣзкое различіе въ числѣ нищихъ и бродягъ, которыхъ оказывается въ Парижѣ въ *десять* и болѣе разъ больше, чѣмъ среди магометанъ въ Алжиріи. Но и въ самой Франціи за 60 лѣтъ число бродягъ и нищихъ возросло почти въ десять разъ и именно въ крупныхъ центрахъ промышленности, — въ городахъ, куда приливаетъ сельское населеніе въ поискахъ за работой, зачастую безуспѣшныхъ. Конечно, это явленіе неутѣшительное и его нельзя объяснять неточностью записей или отсутствіемъ репрессіи по отношенію къ нищенству въ мало культурныхъ странахъ, хотя отчасти и это можетъ имѣть мѣсто. Аналогичный съ Алжиріей характеръ преступности имѣетъ другая мало культурная и бѣдная страна—Корсика, хотя и населеніе ея и условія быта совершенно иныя. Въ Корсикѣ убійства въ 10 почти разъ чаще, чѣмъ въ Парижѣ, нанесеніе ранъ и побоевъ вчетверо многочисленнѣе, недозволенное ношеніе оружія въ 15 разъ относительно больше, угрозы въ 20 разъ,—за то преступленія противъ собственности вчетверо слабѣе, мошенничество и злоупотребленіе довѣріемъ въ пять разъ рѣже; бродягъ относительно вдесятеро менѣе, а нищихъ въ 25 разъ менѣе, чѣмъ въ депар. Сены. Такимъ образомъ, увеличеніе матеріальнаго благосостоянія, выражаемое въ среднихъ цифрахъ, еще не гарантируетъ довольства всей массы населенія. Остаются извѣстныя группы лицъ, положеніе которыхъ становится, можетъ быть, даже хуже, чѣмъ на болѣе низкой стадіи культурнаго развитія.

Что между насильственнымъ отнятіемъ имущества и разными видами обмана существуетъ антагонизмъ въ относительномъ развитіи по разнымъ народностямъ, показываютъ также и русскія статистическія данныя. Возьмемъ, съ одной стороны, нѣмцевъ и евреевъ, а съ другой—татаръ, башкиръ и киргизовъ, какъ двѣ противуположности въ культурномъ отношеніи. За разбой, грабежъ и вооруженную кражу было осуждено (за 10 лѣтъ съ 1874—83 гг.) изъ всего числа осужденныхъ нѣмцевъ—3,7%, евреевъ—4,0%, татаръ—11,8%, башкиръ—22,0%, киргизовъ—41,2%. По мошенничеству совершенно обратный порядокъ: изъ киргизовъ за мошенничество въ 10 лѣтъ не было осуждено ни одного человѣка, изъ башкиръ—0,4%, татаръ—0,6%, нѣмцевъ—2,9%, евреевъ—3,0%.

Всѣ эти данныя о различіи преступленій въ мѣстностяхъ и среди народовъ, отличающихся другъ отъ друга по состоянію культуры, помогаютъ установить общій взглядъ на связь развитія извѣстныхъ формъ преступности съ соотвѣтственными условіями соціальной жизни. Передъ нами отчасти выясняется картина видоизмѣненія преступности съ переходомъ отъ одного общественнаго состоянія къ другому. Но, за тѣмъ всѣмъ, статистика преступности различныхъ народовъ требуетъ обстоятельнаго изложенія особенностей ихъ соціальнаго быта не только въ ихъ цѣломъ, но и по отдѣльнымъ группамъ, изъ которыхъ обыкновенно слагается извѣстная національность. А условія жизни этихъ отдѣльныхъ группъ въ большинствѣ случаевъ значительно отличаются другъ отъ друга, почему и данныя нравственной статистики по отдѣльнымъ расамъ (если только онѣ не совершенно однородны, что возможно только при ихъ численной незначительности) являются слишкомъ сложными, нерасчлененными по составнымъ элементамъ, и поэтому не всегда пригодными для положительныхъ выводовъ.

Это послѣднее замѣчаніе относительно уголовной статистики по народностямъ примѣнимо, впрочемъ, въ значительной мѣрѣ и ко всякимъ вообще даннымъ нравственной статистики по обширнымъ соціальнымъ группамъ. Къ сожалѣнію, статистика въ настоящее время не принимаетъ во вниманіе мелкихъ общественныхъ дѣленій, да и по крупнымъ группамъ часто смѣшиваются въ одно цѣлое лица, стоящія въ совершенно различныхъ культурныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, въ распредѣленіи обвиняемыхъ или осужденныхъ по профессіямъ уголовная статистика во Франціи не проводитъ различія между рабочими и хозяевами. Въ другихъ странахъ это различіе дано, но не сообщается при этомъ о полѣ преступниковъ разныхъ профессій

(за исключеніемъ нашихъ сводовъ по дѣламъ уголовнымъ), ни о возрастѣ ихъ, ни объ образованіи (въ связи съ родомъ занятій). Вслѣдствіе этого, цифры осужденныхъ по общимъ категоріямъ профессій (земледѣльцы, обработывающая промышленность и т. д.) представляютъ, въ сущности, мало опоры для вывода опредѣленныхъ сужденій о развитіи преступности въ различныхъ общественныхъ классахъ, такъ какъ и половой и возрастный составъ многихъ категорій занятій—различенъ, и въ каждомъ классѣ занятій могутъ быть лица разнаго образованія и разныхъ экономическихъ положеній. Комбинаціонныя же таблицы почти отсутствуютъ въ уголовной статистикѣ (наша уголовная статистика въ этомъ случаѣ имѣетъ преимущество передъ западно-европейской: я имѣю въ виду таблицу XIV нашихъ сводовъ «отношеніе къ преступности занятій осужденныхъ въ связи съ условіями пола, возраста, семейнаго состоянія и образованія». Этой таблицей однако я не воспользовался въ предлагаемомъ очеркѣ, интересуясь болѣе различіями преступности по образованію).

Французская криминальная статистика даетъ намъ возможность видѣть, какъ сильно измѣняется преступность по отдѣльнымъ группамъ внутри одного и того же класса занятій, не говоря уже о болѣе крупныхъ дѣленіяхъ. Въ Comptes généraux есть таблица, указывающая въ общемъ итогѣ по отдѣльнымъ профессіямъ число обвиняемыхъ за преступленія противъ личности и противъ собственности: при этомъ, отдѣльные классы и, между прочимъ, классъ либеральныхъ профессій разбитъ на нѣсколько отдѣльныхъ группъ (которыя я соединилъ въ 8 подклассовъ). Преступность этихъ отдѣльныхъ группъ, насколько она выражается въ суммарныхъ цифрахъ обвиняемыхъ въ ассизахъ,—весьма различна. Въ группѣ учащихъ приходится 60 обвиняемыхъ на 100,000 чел. (max.), среди собственниковъ и рантье всего $2,_6$ обвиняем. на 100,000 (min.), что въ значительной мѣрѣ можетъ объясняться различіемъ возрастнаго и половаго состава. Но затѣмъ отношеніе обвиняемыхъ за преступленія противъ собственности къ обвиняемымъ противъ личности измѣняется по отдѣльнымъ группамъ весьма рѣзко. На 10 обвиняемыхъ за преступленія противъ личности среди судебныхъ профессій (profess. judiciaires) приходится $149,_6$ обвиняемыхъ противъ собственности (за 10 лѣтъ съ 1876—1885); среди чиновниковъ и вообще служащихъ—$38,_5$, артистовъ и литераторовъ—$13,_3$, военныхъ сословій (force publique)—$12,_8$, собственниковъ и рантье—$4,_0$, медиковъ $2,_4$, учащихъ $1,_7$ и среди духовныхъ лицъ только $0,_5$ обвиняемыхъ за преступленія противъ собственности на 10 противъ личности. Различіе отношеній обѣихъ

группъ обвиняемыхъ по отдѣльнымъ профессіямъ поразительное и характерное. Больше всего относительно обвиняемыхъ за преступленія противъ личности среди духовныхъ (cultes). А преступленія эти состоятъ главнымъ образомъ, изъ посягательствъ противъ нравственности, такъ какъ три четверти обвиняемыхъ за преступленія противъ личности въ группѣ либеральныхъ профессій обвиняются за изнасилованіе взрослыхъ и растлѣніе малолѣтнихъ (значительно болѣе за послѣднее). При безбрачіи же католическаго духовенства естественно, что среди поставляемыхъ имъ (хотя и въ небольшомъ числѣ) обвиняемыхъ преобладаютъ преступники по половымъ страстямъ. То же явленіе замѣчается и среди учащихъ. Въ группѣ медицинскихъ занятій болѣе половины обвиняемыхъ женщины (акушерки), тогда какъ вообще среди обвиняемыхъ либеральныхъ профессій женщины составляютъ не болѣе 4% (въ нѣкоторыхъ группахъ — судебныя занятія, духовенство, военныя сословія—женщинъ обвиняемыхъ нѣтъ вовсе). По отношенію къ группѣ медиковъ преобладаніе обвиняемыхъ противъ личности объясняется такимъ образомъ—вытравленіемъ плода акушерками (faiseuses des anges, см. Chaussinand, La statistique criminelle).

Другихъ группъ занятій подсудимыхъ во Франція, какъ сравнительно менѣе интересныхъ и недостаточно детально расчлененныхъ (не выдѣлены хозяева и рабочіе),—мы не коснемся [2]). Притомъ же во Франціи подробныя свѣдѣнія сообщаются только объ обвиняемыхъ въ ассизныхъ судахъ, т. е. объ относительно небольшомъ числѣ лицъ, при чемъ нѣтъ обвиняемыхъ по многимъ преступленіямъ, отнесеннымъ въ группу délits (напр., мошенничество, нанесеніе побоевъ и др.). Слѣдуетъ обратить еще вниманіе на то, что во Франціи группа gens sans aveu, а въ германской криминальной статистикѣ —Arbeiter ohne Angabe, имѣютъ maximum преступности. Въ Австріи однако же соотвѣтственная группа «другія занятія» имѣетъ слабую преступность; возникаетъ сомнѣніе, не относятся ли во Франціи и Германіи въ группу неопредѣленныхъ профессій вообще всѣ тѣ лица, занятія которыхъ не были выяснены на судѣ. Если это такъ (на что въ отчетахъ прямыхъ указаній не встрѣчается, въ нѣмецкой Kriminalstatistik есть однако замѣчаніе, что въ группу Arbeiter ohne Angabe попадали

---

[2]) Сообщимъ только данныя объ отношеніи обвиняемыхъ по главнѣйшимъ группамъ занятій: за 1876—80 гг. на 100,000 нас. приходилось обвиняемыхъ въ ассизахъ изъ либеральныхъ профессій—7,5, земледѣльческой промышленности—9,8, обработыв. промышл. и торговли—14,1, перевозочной промышленности—19,6, прислуги—11,3, лицъ безъ занятій—30,9.

въ первые годы многія лица изъ прислуги), то эта высокая преступность лицъ безъ занятій только кажущаяся, или во всякомъ случаѣ случаѣ отчасти искусственно повышенная.

Въ виду всего вышесказаннаго, приведемъ по преступности профессій данныя, касающіяся только Австріи, вслѣдствіе ихъ большей опредѣленности. Свѣдѣнія собраны относительно самодѣятельнаго населенія и относятся къ 1880—1882 гг.

На 100,000 соотвѣтствующей группы приходится осужденныхъ по каждому виду преступленій:

	Сел. хоз.		Пром. и тор.				
	Хозяева.	Рабочіе.	Хозяева.	Рабочіе.	Домовладѣл. и рантье.	Либеральн. профессіи.	Прислуга.
Оскорбленіе Величества (Majestätsbeleidigung)	1,9	1,5	3,2	6,6	1,9	0,8	1,6
Преступл. противъ нравственности (Nothzucht etc.)	1,1	4,1	4,6	9,3	2,0	6,1	8,2
Убійство	4,2	4,0	2,0	4,2	1,4	0,4	3,6
Преступл. противъ жизни ребенка	0,4	1,8	0,2	0,3	0,1	0,1	9,8
Тѣлесныя поврежденія	43,2	42,5	20,0	39,4	9,6	0,8	29,6
Поджогъ	1,5	2,5	1,0	2,3	4,0	0,5	3,2
Кража	64,9	175,4	79,3	242,4	32,8	6,6	282,7
Злоупотребленіе довѣріемъ	8,0	3,2	16,7	10,8	6,6	15,9	5,7
Грабежъ (Raub)	0,4	1,8	0,4	2,2	0,1	—	1,1
Мошенничество	16,8	10,3	51,4	32,5	20,0	9,3	16,3

Какъ и слѣдовало ожидать, насильственныя формы преступленій весьма слабо развиты среди наиболѣе культурныхъ профессій — либеральныхъ и рантье. Преступленія противъ жизни встрѣчаются въ минимальномъ отношеніи въ этихъ двухъ группахъ; maximum убійцъ среди лицъ, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ (хозяева здѣсь въ большинствѣ—крестьяне) и промышленныхъ рабочихъ. Дѣтоубійство, также весьма рѣдкое среди рантье и либеральныхъ занятій, чаще всего среди прислуги (подобное же явленіе замѣчается въ Германіи, Россіи и Франціи). Вообще преступность двухъ наиболѣе культурныхъ группъ—весьма сравнительно слабая; однако же (что для насъ весьма важно) въ разныхъ видахъ обмана преступность либеральныхъ профессій вдругъ быстро повышается и по злоупотребленію довѣріемъ (Veruntreuung) становится выше, чѣмъ среди рабочихъ и прислуги, преступность которыхъ вообще очень значительна. Наоборотъ, за гра-

бежъ за 3 года не было осуждено ни одного лица изъ либеральныхъ профессій (и minimum среди рантье), а изъ рабочихъ maximum по этому преступленію (очень рѣдкому, впрочемъ, въ Австріи). Вообще преступность либеральныхъ занятій носитъ совершенно иной характеръ, чѣмъ преступность всѣхъ другихъ профессіональныхъ группъ и въ особенности рабочихъ. У сельскихъ рабочихъ, напр., на первомъ планѣ стоитъ кража, затѣмъ нанесеніе побоевъ и, наконецъ, въ значительно меньшемъ отношеніи, мошенничество. Среди осужденныхъ изъ либеральныхъ профессій, наоборотъ, на первомъ мѣстѣ—злоупотребленіе довѣріемъ (очень слабо развитое у рабочихъ), затѣмъ мошенничество и уже на третьемъ только мѣстѣ — кража. А нанесеніе побоевъ, столь распространенное среди рабочихъ, у лицъ либеральныхъ профессій занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ по числу осужденныхъ, на что, впрочемъ, нѣкоторое вліяніе должно оказывать и то обстоятельство, что лица либеральныхъ профессій въ среднемъ находятся въ старшемъ возрастѣ, чѣмъ рабочіе.

Ограничиваясь сказаннымъ о вліяніи занятій на развитіе формъ преступности, разсмотримъ зависимость измѣненій преступности отъ образованія преступниковъ. Образованіе, въ особенности высшее, во многихъ случаяхъ представляетъ большее значеніе, чѣмъ профессія, потому что даетъ болѣе опредѣленный отпечатокъ на личности человѣка, до извѣстной степени независимо отъ рода избраннаго труда. Человѣкъ, окончившій, положимъ, курсъ въ университетѣ и ставшій затѣмъ сельскимъ хозяиномъ, несомнѣнно будетъ въ значительной мѣрѣ отличаться отъ другаго сельскаго хозяина, владѣющаго тѣмъ же количествомъ земли, но не получившимъ никакого образованія. Къ сожалѣнію, въ германской уголовной статистикѣ ничего не сообщается о степени образованія преступниковъ, во Франціи и Австріи приводятся данныя объ образованіи только по тремъ группамъ: неграмотные, грамотные и получившіе образованіе, безъ различія, какое именно, высшее или низшее. Доля образованныхъ въ населеніи намъ неизвѣстна, такъ что выводить коэффиціентъ преступности мы не можемъ, но насъ не столько интересуетъ развитіе преступности или ея интензивность въ извѣстныхъ классахъ (что притомъ требуетъ всегда значительныхъ оговорокъ), сколько участіе той или другой категоріи лицъ въ разнымъ формахъ преступленій. А для этого достаточно отмѣтить процентное отношеніе осужденныхъ за разныя преступленія по группамъ образованія. Для удобства сравненія мы приведемъ данныя объ образованіи преступниковъ по Россіи, Австріи и Франціи вмѣстѣ, хотя, конечно, вслѣдствіе различія уголовнаго законодатель-

ства, одноименныя преступленія въ названныхъ странахъ не будутъ вполнѣ совпадать въ своемъ значеніи, но такъ какъ мы не касаемся вопроса объ интензивности преступленій въ той или другой странѣ, то для насъ достаточно быть увѣренными только въ однородности, если не тожествѣ, одинаково обозначаемыхъ преступленій въ трехъ странахъ. Грабежъ, по опредѣленію русскаго законодательства, не будетъ соотвѣтствовать мошенничеству по опредѣленію французскаго кодекса, и для нашей цѣли этого довольно. Для мѣрила же абсолютной преступности слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ западной Европѣ вообще преступность неграмотныхъ нѣсколько выше, чѣмъ лицъ грамотныхъ и образованныхъ; у насъ же, въ Россіи, этого сказать съ увѣренностію нельзя по отсутствію точныхъ данныхъ о населеніи разной степени образованія и по неодинаковой обнаруживаемости преступленій въ разныхъ группахъ образованія. Но во всякомъ случаѣ разница въ ту или другую сторону не особенно велика, и должна быть принята не въ пользу неграмотныхъ [3]).

На 100 осужденныхъ [4]) по каждому преступленію сколько лицъ по категоріямъ образованія:

	Образованные.			Грамотные.			Неграмотные.		
	Франція.	Австрія.	Россія.	Франція	Австрія.	Россія.	Франція.	Австрія.	Россія.
1. Убійство	1,9	0,1	1,3	60,1	46,8	21,7	38,0	53,1	77,0
2. Дѣтоубійство	0,9	0,2	0,6	44,6	42,6	5,0	54,3	57,2	94,4
3. Растлѣніе малолѣтнихъ	4,6	1,2	1,4	64,4	67,2	22,3	31,0	32,6	76,3
4. Изнасилованіе взросл.	0,6			64,8			34,6		
5. Нанесеніе побоевъ	?	0,1	0,8	?	45,2	20,3	?	54,8	78,9
6. Грабежъ	0,2	—	0,9	64,7	41,9	23,4	35,1	58,1	75,7
7. Поджогъ	0,8	0,1	0,7	61,8	45,9	20,9	37,4	54,0	78,4
8. Кража	1,0	0,1	1,1	67,5	47,4	21,5	31,5	52,5	77,4
9. Злостное банкротство	8,0	?	?	84,7	?	?	7,3	?	?
10. Подлоги	15,5	?	9,3	79,5	?	59,7	5,0	?	31,0
11. Мошенничество	?	0,8	9,1	?	65,7	55,9	?	33,5	35,0
12. Злоупотреб. довѣріемъ	37,3	2,0	?	60,3	79,7	?	2,1	18,3	?
Всѣ преступленія (въ окружныхъ судахъ)	4,1	0,2	2,1	65,7	51,5	26,5	30,2	48,3	71,4

[3]) Въ Австріи на 1,000 жителей неграмотныхъ въ 1880—82 гг. приходилось отъ 1,6 до 1,7 осужденныхъ, а на 1,000 грамотн. отъ 1,3 до 1,4 осужденныхъ за всѣ преступленія. Во Франціи процентъ обвиняемыхъ неграмотныхъ въ ассизахъ почти соотвѣтствуетъ ихъ долѣ въ населеніи, но такъ какъ среди неграмотныхъ больше женщинъ и дѣтей, то ихъ преступность выше, чѣмъ грамотныхъ.

[4]) По Франціи обвиняемыхъ. Данныя относятся по Франціи къ 1876—80 гг., Австріи—1880—82, Россіи—1875—79 гг.

При первомъ же взглядѣ на эту таблицу ясно выступаетъ передъ глазами аналогичность распредѣленія группъ образованія по отдѣльнымъ видамъ преступленій во всѣхъ трехъ государствахъ, хотя относительныя доли каждой группы и весьма различны по каждой странѣ. Въ насильственныхъ преступленіяхъ почти всегда процентъ осужденныхъ, получившихъ образованіе, понижается, а неграмотныхъ повышается. Въ убійствѣ и дѣтоубійствѣ во Франціи, какъ и въ Австріи и Россіи, доля образованныхъ ниже, а неграмотныхъ выше средней. То же слѣдуетъ сказать о нанесеніи побоевъ (по Австріи и Россіи), о грабежѣ (въ Австріи за это преступленіе за 3 года не было осуждено ни одного лица, получившаго высшее грамотности образованіе), поджогѣ и кражѣ. Но въ тѣхъ категоріяхъ преступленій, которыя соединены съ обманомъ, процентъ образованныхъ быстро поднимается, а неграмотныхъ также быстро падаетъ: и это всюду. За подлоги, напр., во Франціи осуждено втрое болѣе образованныхъ, чѣмъ неграмотныхъ, тогда какъ во всѣхъ преступленіяхъ первыхъ только 4%, а вторыхъ 30%. Въ Россіи по подлогамъ точно также слабая доля образованныхъ преступниковъ увеличивается въ $2^1/_2$ раза, а мощный слой неграмотныхъ уменьшается до 31% всѣхъ осужденныхъ съ 71% въ среднемъ. По мошенничеству въ Австріи и Россіи также преобладаютъ грамотные и образованные, а неграмотные остаются въ меньшинствѣ. По злоупотребленію довѣріемъ во Франціи неграмотныхъ всего $2,_4$% (минимальное отношеніе), а образованныхъ— $37,_3$% (максимальное отношеніе). Совершенно то же явленіе происходитъ въ Австріи: образованныхъ въ злоупотребленіи довѣріемъ—2% (maximum), неграмотныхъ—18% (minimum).

По отношенію къ Австріи мы можемъ еще привести данныя о распредѣленіи видовъ преступленій въ группахъ населенія по ихъ зажиточности. Въ австрійской уголовной статистикѣ различаются три категоріи лицъ по имущественному положенію: 1) не имѣющіе опредѣленнаго имущества (vermögenslos), что не значитъ, однако, чтобы эти лица не имѣли никакихъ средствъ къ существованію; въ эту категорію входятъ вообще всѣ живущіе заработной платой, каковъ бы ни былъ ея характеръ; 2) имѣющіе нѣкоторый достатокъ (mit einigem Vermögen) и 3) зажиточныя лица (wohlhabend), при чемъ относительно послѣднихъ двухъ группъ въ сводахъ уголовной статистики, бывшихъ у меня подъ руками, не сказано, къ сожалѣнію, что именно подразумѣвается подъ названіемъ wohlhabend и mit einigem Vermögen, т. е. какого размѣра должно быть имущество лица той или другой группы. Вѣроятно, впрочемъ, что къ числу «зажиточныхъ» относятся преступ-

ники съ достаточнымъ имущественнымъ обезпеченіемъ, такъ какъ число ихъ чрезвычайно мало въ общей массѣ осужденныхъ. Какъ именно распредѣлялись осужденные разнаго имущественнаго положенія по отдѣльнымъ преступленіямъ, показываетъ слѣд. таблица (данныя взяты за 1880—82 гг.).

Изъ 100 осужденныхъ за извѣстное преступленіе сколько по данному имущественному положенію:

Виды преступленій.	Неимущіе.	Имѣющіе нѣкоторый достатокъ.	Зажиточные.
Оскорбленіе Величества	87,7%	11,0%	1,3%
Преступленія противъ нравственности	93,0 »	6,3 »	0,7 »
Предумышленное убійство	81,1 »	17,9 »	0,9 »
Непредумышленное убійство	82,1 »	17,5 »	0,4 »
Преступленія противъ жизни ребенка	96,4 »	3,6 »	— »
Нанесеніе тяжкихъ побоевъ	81,5 »	18,0 »	0,5 »
Поджогъ	87,4 »	11,6 »	1,0 »
Воровство	93,0 »	6,9 »	0,1 »
Злоупотребленіе довѣріемъ	85,9 »	13,6 »	0,5 »
Грабежъ	95,9 »	3,5 »	0,6 »
Мошенничество	78,6 »	19,8 »	1,6 »
Всѣ преступленія	89,2 »	10,4 »	0,4 »

Въ общемъ замѣтно нѣкоторое сходство между преступностью неграмотныхъ и неимущихъ: и тѣ и другіе поставляютъ наибольшій процентъ осужденныхъ по преступленіямъ противъ жизни ребенка, воровству и грабежу. Среди осужденныхъ за мошенничество доля неграмотныхъ и неимущихъ уменьшается. Но есть однако и различіе: по нанесенію побоевъ % участія неимущихъ ниже средняго, а неграмотныхъ выше, также и по убійству; по преступленіямъ противъ нравственности, наоборотъ, неимущіе имѣютъ высокій процентъ, а неграмотные низкій. Обѣ группы очевидно не могутъ совпадать одна съ другою, такъ какъ неграмотныхъ осужденныхъ только 48%, а неимущихъ 89%; вторая группа значительно обширнѣе и въ нее очевидно входятъ лица различной степени образованія, и неграмотные и грамотные и образованные, что придаетъ иной характеръ преступности этой группы населенія. Вообще преступность по имущественнымъ группамъ въ Австріи представляетъ нѣсколько неопредѣленный характеръ. Въ категоріи имѣющихъ нѣкоторый достатокъ осужденныхъ наибольшій % приходится на мошенничество, наименьшій на грабежъ, что является довольно понятнымъ, но затѣмъ въ этой же группѣ весьма высокъ % осужденныхъ за побои и убійство, что является уже несоотвѣтственнымъ обычному представленію о болѣе обезпеченныхъ

классахъ, какъ менѣе доступныхъ проявленію насилія. Но это явленіе можетъ быть объяснено и тѣмъ, что въ категорію имѣющихъ нѣкоторый достатокъ несомнѣнно относятся и крестьяне, имѣющіе землю, преступность которыхъ существенно отличается отъ другихъ слоевъ обществъ въ смыслѣ преобладанія насильственныхъ преступленій.

По отношенію къ образованію осужденныхъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія имѣются въ русской уголовной статистикѣ; на нихъ мы остановимся нѣсколько подольше. Въ русскихъ сводахъ въ таблицахъ, носящихъ названіе «образованіе осужденныхъ», различается полъ осужденныхъ и 5 категорій образованія: неграмотные, грамотные, получившіе низшее, среднее и высшее образованіе. Я представлю данныя о распредѣленіи видовъ преступленій по группамъ образованія за 10 лѣтъ, съ 1874 по 1883 г., отдѣльно для мужчинъ и для женщинъ. Абсолютныя числа мужчинъ, осужденныхъ за 10 лѣтъ, по сводамъ были: неграмотныхъ—162,926, грамотныхъ 67,411, получившихъ низшее образованіе—2,919, среднее—1,759 и высшее—515. Число осужденныхъ послѣдней категоріи можетъ показаться слишкомъ незначительнымъ для точныхъ статистическихъ выводовъ; но здѣсь я долженъ лишній разъ упомянуть объ устойчивости отношеній въ уголовной статистикѣ, что, между прочимъ, доказывается и на упомянутой группѣ осужденныхъ съ высшимъ образованіемъ: сравнивая данныя за 5 лѣтъ (1875—79) съ числами за цѣлое десятилѣтіе, находимъ лишь незначительную разницу въ отношеніяхъ отдѣльныхъ видовъ преступниковъ съ высшимъ образованіемъ, хотя за 5 лѣтъ ихъ было осуждено всего 247 челов. Такъ, напр., за преступленія противъ порядка управленія въ первое пятилѣтіе было осуждено $29,_5\%$ образованныхъ осужденныхъ, за все десятилѣтіе—$29,_1\%$; за кражу — $2,_0\%$ за пятилѣтіе, $1,_6\%$ за десятилѣтіе, за подлоги въ пятилѣтіе—$3,_6\%$, въ десятилѣтіе—$3,_3\%$.

Сдѣлавъ это примѣчаніе, мы можемъ представить самую таблицу.

Изъ 100 осужденныхъ каждой категоріи образованія сколько по отдѣльнымъ видамъ преступленій:

	Мужчины. Получившіе образованіе. Высшее.	Среднее.	Низшее.	Грамотные.	Неграмотные.
1. Преступленія противъ порядка управленія.	$29,_1$	$26,_5$	$17,_0$	$10,_9$	$7,_1$
2. Служебныя преступленія	$28,_2$	$17,_5$	$17,_1$	$6,_9$	$4,_4$

Въ частности: оскорбленія и обиды при исправленіи должности	3,1	3,1	2,0	1,3	0,8
Растрата казенныхъ денегъ	4,5	4,4	5,1	2,3	0,9
3. Подлоги	3,3	6,9	7,1	3,5	0,8
4. Мошенничество	3,3	6,2	5,0	2,5	0,6
5. Преступленія противъ нравственности [5])	3,1	2,0	1,3	1,5	0,5
6. Преступленія противъ жизни [6])	3,5	3,9	3,9	4,1	4,8
7. Растлѣніе и изнасилованіе	0,2	0,3	0,5	0,5	0,7
8. Тѣлесныя поврежденія	1,1	1,9	2,4	4,8	7,0
9. Поджогъ и истребленіе имущества	0,2	0,7	1,1	1,4	1,7
10. Разбой и грабежъ	—	1,5	3,7	5,8	7,4
11. Бродяжество	—	0,1	0,1	2,7	5,8
12. Кража	1,6	18,1	32,4	41,7	51,3
13. Прочія преступленія [7])	26,1	14,4	8,4	13,7	7,9
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Мы расположили въ этой таблицѣ преступленія такъ, что сперва отмѣчены тѣ виды правонарушеній, въ которыхъ относительная доля осужденныхъ идетъ въ убывающемъ порядкѣ отъ образованныхъ къ неграмотнымъ, а въ концѣ стоятъ преступленія, которыя, наоборотъ, занимаютъ большій процентъ среди неграмотныхъ и наименьшій среди лицъ, получившихъ высшее образованіе. При разсмотрѣніи этой таблицы мы невольно поражаемся необыкновеннымъ различіемъ распредѣленія преступленій по отдѣльнымъ группамъ образованія. Преступники крайнихъ группъ образованія — неграмотныхъ и получившихъ высшее образованіе—состоятъ изъ совершенно несходныхъ по относительной величинѣ группъ осужденныхъ, причемъ несомнѣнно это различіе имѣетъ и абсолютное значеніе, такъ какъ мы взяли однихъ мужчинъ, элиминируя пертурбаціонный элементъ женщинъ, и различіе въ частности преступленій, обнаруженныхъ въ судѣ, не велико по отдѣльнымъ группамъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть выше или ниже въ 10 или болѣе разъ, какъ это мы видимъ по процентнымъ отношеніямъ.

Разсмотримъ отдѣльныя группы преступленій: на первомъ мѣстѣ въ нашей таблицѣ стоятъ преступленія противъ порядка управленія: сюда не входятъ политическія преступленія, вообще не отмѣчаемыя

[5]) Публичныя безстыдныя дѣйствія, мужеложство, любодѣяніе, сводничество и др. См. «своды статистич. свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ», оглавленіе статей улож. о наказ., вошедшихъ въ группы сводовъ.

[6]) Безъ дѣтоубійства.

[7]) Нарушенія уставовъ казенныхъ управленій, нарушенія безопасности, преступленія противъ личной чести и др. менѣе важныя преступленія.

въ нашихъ сводахъ; въ 1878 и 1879 гг. были занесены цифры (весьма незначительныя) политическихъ преступниковъ, осужденныхъ окружными судами, но въ 1880 году и слѣдующихъ, съ изъятіемъ политическихъ дѣлъ изъ суда присяжныхъ, графа «преступленія политическія» осталась совершенно пустою. Преступленія противъ порядка управленія по числу подсудимыхъ состоятъ главнымъ образомъ изъ «оскорбленія и неуваженія власти» (наибольшее число подсудимыхъ въ этой группѣ), затѣмъ идутъ: «оскорбленіе старшинъ и низшихъ полицейскихъ служителей», «возстаніе и сопротивленіе властямъ» (не имѣющее характера политической смуты), «неисполненіе законныхъ требованій властей» и нѣкоторые другіе малочисленные проступки. Вотъ по этимъ-то преступленіямъ доля осужденныхъ правильно убываетъ, начиная отъ получившихъ высшее образованіе до неграмотныхъ, среди которыхъ % осужденныхъ за оскорбленіе власти вчетверо меньше, чѣмъ среди наиболѣе образованныхъ преступниковъ, хотя казалось бы, что «оскорбленіе старшинъ и низшихъ полицейскихъ служителей» скорѣе всего возможно для неграмотнаго населенія, подлежащаго непосредственному воздѣйствію со стороны низшихъ органовъ власти. Если бы у насъ были данныя по политическимъ преступленіямъ, то, конечно, оказалось бы, что они почти исключительно свойственны у насъ только образованному классу. Эти два рода преступленій—политическія и противъ порядка, отчасти находятся въ связи между собою, такъ что у насъ среди интеллигентнаго слоя оказываются болѣе часты не только обдуманные политическіе заговоры, но и случайныя, мелкія столкновенія съ низшими органами власти: существуетъ въ нѣкоторыхъ образованныхъ кругахъ общее раздраженіе и враждебное настроеніе по отношенію ко всей системѣ администраціи, не исключая и старшинъ. Это явленіе не свойственно исключительно только настоящему времени: у Анучина [8]) мы находимъ извѣстіе, что въ эпоху императора Николая I дворянство чрезвычайно превышало всѣ другія сословія по проценту ссылаемыхъ за «государственныя преступленія», такъ что по отношенію къ населенію число государственныхъ преступниковъ изъ дворянъ превышало въ 120 разъ число тѣхъ же преступниковъ изъ крестьянъ. Конечно, изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ въ настоящее время не всѣ дворяне, но фактъ тотъ, что при крѣпостномъ правѣ, какъ и теперь, преступники противъ государства выходили изъ господствующихъ классовъ.

---

[8]) О сосланныхъ въ Сибирь за 1827—46 гг., стр. 112.

Слѣдующая затѣмъ группа «служебныя преступленія» не имѣетъ характернаго значенія для преступности разныхъ классовъ, такъ какъ весьма естественно, что служебныя преступленія могутъ быть совершаемы только лицами, состоящими на службѣ, и такъ какъ служебныя должности заняты преимущественно лицами, получившими то или другое образованіе, то доля осужденныхъ по этой категоріи преступленій среди образованныхъ больше. Эти цифры имѣли бы значеніе при выводѣ отношенія ихъ къ дѣйствительному числу служащихъ той или другой степени образованія, чего въ настоящее время по неимѣнію данныхъ сдѣлать нельзя.

Въ двухъ однородныхъ по характеру преступленіямъ—подлогахъ и мошенничествѣ—замѣчается одинаковое распредѣленіе процента осужденныхъ: среди неграмотныхъ преступниковъ эти преступленія развиты слабо и гораздо чаще среди образованныхъ, хотя въ группѣ получившихъ высшее образованіе доля мошенниковъ нѣсколько понижается. Преступленія противъ нравственности (менѣе важныя, за исключеніемъ изнасилованія) нѣсколько распространеннѣе среди интеллигентныхъ слоевъ; но даннымъ по этому роду преступленій нельзя придавать дѣйствительнаго значенія; и раньше, сравнивая преступность разныхъ классовъ за границей, мы не обращали вниманія на преступленія противъ нравственности. Дѣло въ томъ, что обнаруживаемость этого рода преступленій въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ бытовыхъ условій, весьма несходныхъ въ этомъ отношеніи въ разныхъ странахъ и разныхъ слояхъ общества, въ особенности по отношенію къ болѣе мелкимъ нарушеніямъ чувства стыда, которыя въ образованномъ кругу найдутъ себѣ немедленный отпоръ и могутъ повлечь виновника къ отвѣтственности, а въ низшихъ слояхъ общества проходятъ совершенно безнаказанно и даже не возбуждаютъ особеннаго порицанія.

Въ преступленіяхъ противъ жизни замѣчается уже нѣкоторый, хотя и слабый, перевѣсъ неграмотныхъ надъ грамотными и образованными. По отношенію къ убійству слѣдуетъ вообще замѣтить, что оно убываетъ не такъ значительно съ развитіемъ образованія, какъ можно было бы ожидать, такъ что само по себѣ движеніе только этого преступленія не можетъ служить доказательствомъ упадка инстинктовъ насилія; убійство есть преступленіе, весьма сложное по своимъ побудительнымъ мотивамъ, измѣняющимся по мѣрѣ измѣненія формъ культуры; иногда въ образованныхъ слояхъ могутъ появляться такіе мотивы къ убійству, которые почти неизвѣстны низшимъ классамъ, напр., политическая вражда, борьба партій и т. п. Не слѣдуетъ забывать при томъ же, что если ординарное убійство изъ за угла рѣже

въ образованномъ слоѣ, то за то въ немъ, впрочемъ, къ счастію не у насъ, а въ западной Европѣ [9]), весьма распространены дуэли: во Франціи дуэль даже почти не преслѣдуется закономъ, и со шпагами въ рукахъ выходятъ другъ на друга представители власти,—депутаты и министры. Примѣры настолько извѣстны, что каждый легко можетъ вспомнить ихъ нѣсколько.

Въ родственномъ убійству преступленіи — нанесеніи побоевъ, лишенномъ однако той романтической окраски, которую можетъ имѣть дуэль и политическое убійство, участіе лицъ образованныхъ уже замѣтно слабѣе, чѣмъ неграмотныхъ, и правильно понижается по мѣрѣ возрастанія образованія. При этомъ еще надо имѣть въ виду, что изъ неграмотныхъ слоевъ крестьянъ несомнѣнно попадаетъ въ судъ присяжныхъ относительно весьма небольшое число лицъ, виновныхъ въ причиненіи «тѣлесныхъ поврежденій»; вѣроятно, что осужденные по такимъ дѣламъ изъ неграмотныхъ причинили самыя тяжкія поврежденія или увѣчья, такъ какъ изъ числа «поврежденій», разбираемыхъ въ окружныхъ судахъ, весьма велика доля «смертельныхъ поврежденій». Большинство дракъ разбирается у мировыхъ судей, причемъ о результатахъ разбирательства свѣдѣній не сообщается, наконецъ, драки между крестьянами въ деревняхъ, не повлекшія за собой особыхъ поврежденій, разсматриваются волостными судами, и еще большее количество такихъ дракъ, совершенныхъ въ пьяномъ видѣ, не разсматриваются уже нигдѣ, за примиреніемъ потерпѣвшихъ и обидчиковъ. Въ интеллигентныхъ же слояхъ несомнѣнно случаи примиренія послѣ драки почти не возможны, и всякое оскорбленіе дѣйствіемъ влечетъ его виновника къ судебной отвѣтственности; такимъ образомъ, реальная преступность неграмотныхъ слоевъ населенія въ отношеніи нанесенія побоевъ должна быть несравненно выше обнаруженной въ окружныхъ судахъ и настолько же относительно должна понизиться преступность образованныхъ классовъ.

За разбой и грабежъ изъ получившихъ высшее образованіе за 10 лѣтъ не было осуждено *ни одного* человѣка (какъ и за бродя-

---

9) Въ Германіи, напр., за 5 лѣтъ (1882 — 86) были 739 обвиняемыхъ въ дуэли, а у насъ за 5 лѣтъ (1875 — 79) только 18 обвиняемыхъ. Во Франціи свѣдѣній о дуэляхъ въ настоящее время не имѣется, но, конечно, онѣ не рѣже, чѣмъ въ Германіи. За 8 лѣтъ (1827—1834), когда собирались свѣдѣнія о дуэляхъ, во Франціи было 520 дуэлей, слѣдов., болѣе 1,000 дуэллянтовъ, при чемъ поединковъ, оставшихся неизвѣстными, было несомнѣнно еще больше. Въ Италіи за одинъ только 1886 годъ было 115 дуэлей (Statistica giudiziaria penale per l'anno 1886).

жество); затѣмъ, процентъ осужденныхъ по этому преступленію быстро возрастаетъ по мѣрѣ уменьшенія образованія; здѣсь мы имѣемъ ясное доказательство ослабленія насильственныхъ формъ преступности въ интеллигентныхъ слояхъ. Наиболѣе однакоже рѣзкое различіе въ процентѣ осужденныхъ оказывается въ кражѣ: въ то время какъ изъ неграмотныхъ болѣе половины осуждено за кражу, изъ получившихъ высшее образованіе только $1,_6 \%$ осуждено по этому преступленію, и процентъ быстро и правильно уменьшается по мѣрѣ увеличенія образованія. Это явленіе всего естественнѣе отнести къ имущественному различію разныхъ группъ образованія; въ Австріи, какъ выше было указано, изъ лицъ имущихъ minimum было осуждено за кражу, а изъ неимущихъ процентъ осужденныхъ за кражу одинъ изъ высшихъ; такъ какъ въ общемъ имущественное положеніе лицъ образованныхъ лучше, чѣмъ преступниковъ низшаго класса, то это и сказывается въ незначительномъ числѣ воровъ среди осужденныхъ изъ интеллигентнаго класса.

Такимъ образомъ, неграмотные и получившіе высшее образованіе осужденные состоятъ изъ несходныхъ по величинѣ группъ преступниковъ. Если не считать служебныя преступленія, какъ не имѣющія характернаго значенія, то неграмотные преступники въ Россіи суть главнымъ образомъ—воры; получившіе высшее образованіе—преступники противъ порядка управленія. Второе мѣсто среди неграмотныхъ занимаютъ грабители, забіяки и убійцы (соединенные въ одну группу), среди образованныхъ—мошенники (мошенничество и подлогъ вмѣстѣ). Эти данныя въ достаточной мѣрѣ подтверждаютъ уже ранѣе полученные нами выводы о характерѣ измѣненій преступности при переходѣ отъ менѣе культурнаго слоя населенія къ болѣе культурному. Новостью въ данныхъ русской статистики является сильное участіе интеллигентныхъ преступниковъ въ нарушеніяхъ порядка управленія, но если бы у насъ были подъ руками аналогичныя данныя по западнымъ государствамъ, то, вѣроятно, и по нимъ оказалось бы приблизительно то же самое, по крайней мѣрѣ по отношенію къ политическимъ преступленіямъ; по сопротивленію властямъ, лишенному явной политической окраски, оказалось бы нѣкоторое различіе, вслѣдствіе несходства общихъ условій политической жизни у насъ и въ западной Европѣ [10]).

---

10) У меня имѣлись данныя о политическихъ преступленіяхъ въ сколько-нибудь значительномъ числѣ только по Франціи, и то старыя: за 1836—40 гг. Въ настоящее время во Франціи rébellion и политическіе проступки разбираются въ исправительныхъ трибуналахъ, которые не сообщаютъ свѣдѣній объ

Намъ остается теперь разсмотрѣть преступность женщинъ въ Россіи въ связи съ ихъ образованіемъ. За 10 лѣтъ, съ 1874 по 1883 г., не было осуждено ни одной женщины, получившей высшее образованіе, 29 получившихъ среднее образованіе и 35 низшаго образованія; грамотныхъ 1,607 и неграмотныхъ 21,348. Въ виду незначительнаго числа образованныхъ осужденныхъ женщинъ, ихъ пришлось соединить въ одну группу, тоже весьма небольшую: всего образованныхъ женщинъ среди осужденныхъ было только 64; тѣмъ не менѣе, всѣ полученныя отношенія отличаются закономѣрностью и замѣчательною аналогичностью съ мужской преступностью въ смыслѣ распредѣленія отдѣльныхъ видовъ преступленій, какъ показываетъ слѣдующая таблица:

Изъ 100 осужденныхъ каждой категоріи образованія сколько по отдѣльнымъ видамъ преступленій:

Женщины.

	Образованныя.	Грамотныя.	Неграмотныя.
Преступленія противъ порядка управленія	25,0	11,9	7,4
Подлоги	4,7	1,5	0,3
Мошенничество	9,4	2,7	0,8
Преступленія противъ нравственности	18,7	10,6	4,7
Убійство	3,1	5,3	8,1
Дѣтоубійство	3,1	7,0	11,1
Тѣлесныя поврежденія	1,6	2,0	3,3
Поджогъ и истребленіе имущества	—	1,3	2,4
Бродяжество	—	1,2	2,7
Разбой и грабежъ	—	1,7	2,7
Кража	21,9	34,5	42,3
Остальныя преступленія	12,5	20,3	14,2
	100,0	100,0	100,0

Какъ видимъ, и среди женщинъ процентъ осужденныхъ за преступленія противъ порядка управленія повышается по мѣрѣ увеличенія такъ же, какъ и среди мужчинъ осужденныхъ. Такое же по-

образованіи подсудимыхъ. За пятилѣтіе 1836—40 гг. изъ обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ 39,6% получили образованіе и только 16,8% были неграмотны; между тѣмъ изъ обвиняемыхъ за то же время въ сопротивленіи властямъ и оскорбленіи чиновниковъ только 1,3% получили образованіе, а неграмотные составляли 58,2%. Неграмотныхъ во всѣхъ преступленіяхъ въ 1836 и 1840 гг. было 55,6%.

вышеніе происходитъ по подлогамъ, мошенничеству и преступленіямъ противъ нравственности (въ послѣднемъ случаѣ примѣнимы тѣ же соображенія, которыя мы высказывали, разсматривая преступность мужчинъ). По убійству и дѣтоубійству начинается уже обратное распредѣленіе осужденныхъ: доля ихъ понижается по мѣрѣ увеличенія образованія. За поджогъ, бродяжество, разбой и грабежъ за 10 лѣтъ не было осуждено ни одной получившей какое нибудь образованіе женщины. Процентъ осужденныхъ за кражу, такъ же какъ и у мужчинъ, значительно повышается по мѣрѣ уменьшенія образованія.

Такимъ образомъ, несмотря на неполноту и не вполнѣ удовлетворительную точность данныхъ, мы можемъ, на основаніи всего вышеприведеннаго, придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) По мѣрѣ развитія образованія или общей культуры страны наиболѣе важныя формы насильственныхъ преступленій уменьшаются въ числѣ, преступленія же, соединенныя съ обманомъ или тайнымъ нанесеніемъ ущерба, возростаютъ. Въ особенности слѣдуетъ отмѣтить обратное движеніе двухъ крайнихъ видовъ посягательства на чужое имущество— разбоя и мошенничества: первое преступленіе уменьшается, второе во всѣхъ его видахъ увеличивается.

2) Указанныя явленія замѣчаются какъ во времени при сравненіи преступности первой трети текущаго столѣтія съ данными уголовной статистики послѣдняго времени (во Франціи), такъ и при сопоставленіи преступности мало культурной или даже варварской страны съ преступностью одного изъ центровъ современной цивилизаціи (Алжирія, Корсика и Парижъ).

3) Преступленія противъ тѣлесной неприкосновенности тоже возростаютъ въ числѣ, но это увеличеніе обусловлено развитіемъ алкоголизма въ Европѣ и происходитъ исключительно въ средѣ рабочаго населенія.

4) По отдѣльнымъ группамъ преступниковъ по образованію замѣчается измѣненіе преступности, сходное съ тѣмъ, которое уже наблюдалось при сравненіи данныхъ уголовной статистики по культурнымъ и некультурнымъ странамъ. Грубое насиліе ослабѣваетъ при переходѣ отъ неграмотнаго слоя къ лицамъ, получившимъ высшее образованіе, а преступленія, соединенныя съ обманомъ, увеличиваются. Изъ насильственныхъ преступленій въ интеллигентномъ слоѣ возникаютъ однакоже два вида, неизвѣстныхъ народной массѣ,— дуэли и политическія насилія.

Е. Тарновскій.

УГОЛОВНО-ЧАСТНЫЙ ПОРЯДОКЪ ПРЕСЛѢДОВАНІЯ ПО СУДЕБНЫМЪ УСТАВАМЪ.

I.

Порядокъ производства по дѣламъ уголовно-частнымъ или по такъ называемымъ «дѣламъ частнаго обвиненія» есть одна изъ самыхъ слабыхъ частей нашихъ судебныхъ уставовъ. Между тѣмъ порядокъ частнаго обвиненія у насъ въ жизни примѣняется довольно часто, такъ какъ наше уголовное законодательство относитъ значительное число преступленій къ уголовно-частнымъ. Опытъ жизни говоритъ въ этомъ случаѣ не въ пользу судебной процедуры частнаго обвиненія.

Всякій, кому приходилось видѣть на судѣ въ обычной повседневной провинціальной обстановкѣ дѣла частнаго обвиненія изъ сферы деревенской и крестьянской жизни (нужно ли доказывать, что такихъ дѣлъ подавляющее большинство), кому только приходилось видѣть нашего сѣраго безграмотнаго частнаго обвинителя при выполненіи своихъ «правъ», тотъ, мы полагаемъ, безъ колебанія согласится съ нами, что порядокъ частнаго обвиненія зачастую превращается въ самый вопіющій, хотя и легальный, *отказъ въ правосудіи*.

Нерѣдко проходятъ на судѣ такія картины, что частный обвинитель является безъ свидѣтелей, въ полной увѣренности, что показанія его свидѣтелей, записанныя на предварительномъ слѣдствіи, будутъ въ виду суда при разрѣшеніи дѣла. Сколько потомъ горькихъ разочарованій и скорбныхъ сѣтованій! При этомъ здравый смыслъ нашего простолюдина отказывается обыкновенно постичь, почему его наболѣвшее правое дѣло проиграно. Отчего же вы не вызвали свидѣтелей, твердятъ ему. — Да вѣдь у слѣдователя все «про нашихъ

свидѣтелевъ писано», возражаетъ на это недоумѣвающій частный обвинитель. Не многимъ лучше картины тѣхъ засѣданій, когда свидѣтели обвинителя вызваны. Уже не говоря о томъ, что всѣ формальности процесса, имѣющія свой глубокій смыслъ при сознательномъ отношеніи къ нимъ, звучатъ грустной ироніей, когда этими формальностями долженъ пользоваться ничего въ нихъ не разумѣющій неграмотный обвинитель, самое участіе его въ судебномъ засѣданіи, разсчитанное на собственныя силы, безъ посторонней руководящей помощи, теряетъ всякое практическое значеніе.

Бываютъ, конечно, случаи, что частный обвинитель вооружается опытнымъ повѣреннымъ, или самъ достаточно свѣдущъ, и тогда его шансы на побѣду стоятъ высоко, но, точно по роковому стеченію обстоятельствъ, обыкновенно частное обвиненіе, стоящее въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, есть продуктъ замаскированной ябеды, кляузничества и недобросовѣстнаго обвиненія. Дѣла же дѣйствительно «вопіющія» или оканчиваются «недоразумѣніемъ», или изъ страха передъ судебными мытарствами совсѣмъ не возбуждаются. Эта сторона прекрасно очерчена П. Н. Обнинскимъ [1]) въ слѣдующихъ словахъ: «симпатичный, скромный типъ во истину потерпѣвшаго, говоритъ онъ, исчезаетъ въ густой толпѣ своихъ назойливо ябедничествующихъ *лжесобратовъ*: лучшіе представители этого типа по прежнему сторонятся, предпочитая терпѣть молча, нежели искать защиту въ судѣ; это послѣднее дѣло по прежнему, въ неинтеллигентныхъ массахъ, продолжаетъ считаться чѣмъ-то зазорнымъ, неприличнымъ для «человѣка порядочнаго»; жалобщикъ, являясь съ своею жалобою, спѣшитъ обыкновенно удостовѣрить, что «онъ отродясь по судамъ не хаживалъ», съ очевидною цѣлью зарекомендовать себя передъ принимающимъ прошеніе съ благонадежной стороны. Точно также настоящій, а не подставной свидѣтель боится дать суду свое правдивое показаніе: отъ явки къ становому вплоть до терзаній на перекрестномъ допросѣ ему продолжаетъ угрожать цѣлый рядъ мытарствъ, потери времени, расходовъ, униженій, насмѣшекъ, а послѣ всего этого и месть уличеннаго; поэтому попасть «въ доказчики» справедливо считается сущею бѣдою и «божескимъ наказаніемъ»; безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что несравненно легче кляузѣ обставиться *лжесвидѣтелями*, нежели суду заручиться настоящими».

Очевидно, большинство нашихъ частныхъ обвинителей совершенно

---

1) П. Обнинскій. Общественная иниціатива въ государственной сферѣ. Юридич. Вѣстникъ. 1887 г., № 10.

безсильно вести уголовное преслѣдованіе. Механизмъ этого преслѣдованія не въ пору тѣмъ, кто имъ призванъ управлять и распоряжаться. Отъ того-то «настоящіе» потерпѣвшіе предпочитаютъ совсѣмъ не выходить съ своимъ горемъ на свѣтъ Божій. Кромѣ того, сколько въ сферѣ этихъ потерпѣвшихъ такихъ, безсиліе которыхъ бьетъ въ глаза. Таковы, напримѣръ, малолѣтніе и несовершеннолѣтніе, слабоумные и глухонѣмые. Какая въ самомъ дѣлѣ злая иронія сказать такимъ пострадавшимъ: «защищайтесь сами»...

II.

Создавая порядокъ уголовно-частнаго обвиненія, составители судебныхъ уставовъ увлеклись двумя теоретическими идеями, правильность которыхъ подлежитъ большому сомнѣнію. Прежде всего они прельстились различіемъ, которое дѣлаетъ уголовное право между уголовно-частными преступленіями (прекращаемыми примиреніемъ) и преступленіями публичными. Выдѣленіе первыхъ изъ области преступныхъ дѣяній допускается по самымъ различнымъ основаніямъ, причемъ въ преступленіяхъ этого типа частная жалоба потерпѣвшаго является необходимымъ условіемъ наказуемости преступленія. Очевидно, самое право частной жалобы и основанія его всецѣло принадлежатъ къ области уголовнаго права, а не процесса.

Впрочемъ, въ нѣмецкой доктринѣ мнѣніе это не принадлежитъ къ числу безспорныхъ, и есть ученые [2]), которые держатся того взгляда, что право потерпѣвшаго на принесеніе жалобы есть право процессуальное. Но такое мнѣніе не можетъ быть принято. Дѣло въ томъ, какъ говоритъ г. фонъ-Резонъ [3]), что по общему правилу для наказуемости каждаго противозаконнаго дѣянія требуется наличность общаго и особеннаго состава преступленія, а при нѣкоторыхъ преступленіяхъ еще, кромѣ того, наличность посторонняго условія, лежащаго внѣ запрещеннаго дѣянія (напримѣръ, принесеніе жалобы и нежеланіе потерпѣвшаго помириться). По такимъ дѣламъ государство отказывается въ пользу потерпѣвшихъ отъ принадлежащаго ему

---

[2]) Таковы, напримѣръ, Kessel, Heintze, Koch. Изъ русскихъ криминалистовъ такого же взгляда держатся Лохвицкій — Курсъ русскаго уголовнаго права, стр. 261; Неклюдовъ — Общая часть уголовнаго права, стр. 45. Прекрасный разборъ этихъ мнѣній сдѣланъ А. фонъ-Резономъ въ его сочиненіи— О преступленіяхъ, наказуемыхъ только по жалобѣ потерпѣвшаго по русскому праву, стр. 63 и слѣд.

[3]) А. фонъ-Резонъ, указанное сочиненіе, стр. 75.

абсолютнаго права наказанія и сохраняетъ это право гипотетически, условно, въ случаѣ желанія потерпѣвшаго и принесенія имъ жалобы. Между тѣмъ ученіе объ условіяхъ наказуемости, о возникновеніи права государства на наказаніе безспорно относится къ матерьяльному уголовному праву.

Съ другой же стороны, формы уголовнаго преслѣдованія всецѣло принадлежатъ уголовному процессу. Поэтому выдѣленіе уголовно-частныхъ преступленій и созданіе уголовно-частнаго порядка преслѣдованія имѣютъ въ своемъ основаніи совершенно различныя соображенія. Такъ, напримѣръ, уголовно-частное обвиненіе мыслимо только при условіи твердаго и яснаго сознанія населеніемъ своихъ общественныхъ правъ и обязанностей и въ сущности предполагаетъ широкую политическую полноправность частныхъ лицъ; внѣ этихъ условій, отдѣльно отъ оффиціальнаго или должностнаго преслѣдованія, она можетъ быть допущено развѣ только по самымъ незначительнымъ правонарушеніямъ (minima non curat praetor). Затѣмъ, при наличности необходимыхъ условій для своего существованія, уголовно-частное обвиненіе можетъ быть одинаково допущено какъ по преступленіямъ публичнымъ, такъ и по преступленіямъ уголовно-частнымъ. Такъ, напримѣръ, у насъ уголовно-частное обвиненіе по дѣламъ, подсуднымъ мировымъ учрежденіямъ, распространяется одинаково на тѣ и другія преступленія (3 ст. у. уг. суд.). Словомъ, въ основаніи разграниченія публичнаго и частнаго порядка преслѣдованія вовсе не лежитъ дѣленіе преступленій на публичныя и уголовно-частныя. Понятія эти совершенно различныхъ категорій и отнюдь не должны быть смѣшиваемы.

Между тѣмъ составители уставовъ исходили именно изъ этого ошибочнаго предположенія, что право жалобы и примиренія по дѣламъ уголовно-частнымъ и право преслѣдованія ихъ въ частномъ порядкѣ неразрывно вытекаютъ изъ внутренней природы преступленій этого рода. Такъ, мотивы [1]) къ 5 статьѣ уст. уг. суд. гласятъ слѣдующее: «въ первомъ случаѣ (т. е. если преступленіе заключаетъ въ себѣ нарушеніе главнѣйшимъ образомъ правъ частнаго лица безъ особеннаго посягательства на безопасность общества) и уголовныя дѣла могутъ быть вчинаемы не иначе, какъ по жалобѣ частнаго лица, потерпѣвшаго отъ преступленія вредъ, обиду или убытки, а во второмъ (т. е. если преступленіе представляется именно посягательствомъ на безопасность общества) они начинаются безъ всякой со стороны

---

[1]) Судебные уставы, изд. госуд. канцел., ч. 2, стр. 26.

частнаго лица жалобы, по силѣ самаго закона. *Въ дѣлахъ перваго рода истцемъ является частное лицо*; въ дѣлахъ втораго рода— истцемъ представляется власть обвинительная, преслѣдующая преступленія во имя закона. Первыя могутъ прекращаться примиреніемъ истца съ нарушителемъ его права, вторыя ни въ какомъ случаѣ. Такимъ образомъ, *первыя близко подходятъ къ дѣламъ гражданскимъ и подлежатъ болѣе или менѣе порядку производства, для гражданскихъ дѣлъ установленному;* вторыя слѣдуютъ особому теченію, однимъ чисто уголовнымъ дѣяніямъ свойственному. *Отсюда видно, что обвинительная власть во имя закона обязана возбуждать и преслѣдовать только тѣ дѣла, въ которыхъ истцомъ представляется власть обвинительная, но она не можетъ и не должна возбуждать производства уголовныхъ исковъ, касающихся главнымъ образомъ интересовъ одного частнаго лица, имѣющихъ въ этомъ лицѣ самаго надежнаго цѣнителя своего дѣла, облеченнаго по закону полною властью, какъ преслѣдованія преступленія, такъ и прекращенія уголовнаго иска посредствомъ примиренія.* Что же касается до особаго раздѣла дѣлъ, возбужденіе которыхъ предоставляется частнымъ лицамъ, безъ права прекращать ихъ примиреніемъ, то само собою разумѣется, что право преслѣдованія подобнаго рода дѣлъ, какъ скоро они частными лицами уже возбуждены, входитъ въ обязанность оффиціальной обвинительной власти по той причинѣ, что только возбужденіе этихъ дѣлъ изъято изъ общаго порядка уголовнаго преслѣдованія, а не дальнѣйшее ихъ производство».

Послѣдствіемъ указаннаго выше ошибочнаго взгляда составителей уставовъ было то, что, наряду съ правомъ преслѣдованія въ частномъ порядкѣ незначительныхъ правонарушеній, они должны были распространить этотъ порядокъ и на преступленія, весьма серьезныя, какъ по своему характеру, такъ и по своимъ послѣдствіямъ (напримѣръ, угрозы съ цѣлью вымогательства, ст. 1545 — 1547 улож. о нак., тяжкія тѣлесныя поврежденія, причиненныя однимъ супругомъ другому, примѣчаніе къ ст. 1496 улож. о нак.). Такова первая капитальная ошибка составителей судебныхъ уставовъ, увлекшихся положеніями матерьяльнаго уголовнаго права, и вслѣдствіе этого не обсудившихъ вопроса о томъ, при какихъ именно преступленіяхъ, по соображеніямъ процессуальнаго характера, уголовно-частное обвиненіе, оторванное отъ обвиненія оффиціальнаго, можетъ быть наиболѣе цѣлесообразно.

Другое коренное заблужденіе составителей уставовъ, менѣе впрочемъ существенное, заключается въ томъ, что, какъ видно изъ только

что приведенныхъ мотивовъ, они сблизили порядокъ уголовно-частнаго обвиненія съ порядкомъ производства гражданскихъ дѣлъ и тѣмъ положили цѣлую пропасть между оффиціальнымъ и уголовно частнымъ преслѣдованіемъ. Истцемъ въ дѣлахъ частнаго обвиненія они признали частное лицо, потерпѣвшее отъ преступленія, упустивъ изъ виду, что и по дѣламъ этого рода подсудимый наказывается всетаки въ интересахъ государства, а вовсе не ради частныхъ интересовъ пострадавшаго, хотя бы самое наказаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ носило характеръ взысканія въ пользу послѣдняго (таково, напримѣръ, взысканіе безчестья за обиды или штрафъ за лѣсныя порубки). По дѣламъ этого рода субъектомъ карательнаго права является верховная власть, а отнюдь не лицо потерпѣвшее. Поэтому всякое сближеніе процедуры уголовно частнаго обвиненія съ гражданскимъ процессомъ есть большое недоразумѣніе.

III.

Обращаясь къ ближайшему анализу отдѣльныхъ положеній нашей процедуры уголовно-частнаго обвиненія, нельзя прежде всего не отмѣтить слѣдующей крупной непослѣдовательности, допущенной судебными уставами. Исходя изъ идеи сходства процесса по дѣламъ уголовно-частнымъ съ гражданскимъ процессомъ, составители уставовъ совершенно позабыли для дѣлъ этого рода установить въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подобно гражданскому процессу, участіе прокуратуры (343 ст. у. гр. суд.). Таковы, напримѣръ, дѣла недостигшихъ совершеннолѣтія, глухонѣмыхъ, умалишенныхъ, по которымъ въ гражданскихъ дѣлахъ требуется обязательное заключеніе прокурорскаго надзора. Уподобленіе дѣлъ частнаго обвиненія гражданскимъ дѣламъ обязывало составителей уставовъ принять участіе прокуратуры въ указанныхъ случаяхъ по дѣламъ перваго рода.

Очень поучительны въ этомъ отношеніи мотивы [5]) къ 343 ст. уст. гр. суд. о малолѣтнихъ. «Дѣла малолѣтнихъ, у коихъ есть опекуны, справедливо полагали составители уставовъ, подлежатъ по преимуществу, въ числѣ прочихъ дѣлъ сего рода, *попеченію прокурора. Малолѣтній, въ силу законовъ природы и истекающихъ изъ нихъ законовъ гражданскаго права* (т. X, ч. 1, ст. 217—224), *не можетъ ограждать правъ своихъ передъ судомъ*, а опекунъ его можетъ нерѣдко равнодушно смотрѣть на утрату правъ состоящаго у него подъ опе-

---

[5]) Судебные уставы, изд. госуд. канцел., ч. 1, стр. 179.

кою малолѣтняго, иногда же, по независящимъ отъ него причинамъ, можетъ не знать всѣхъ обстоятельствъ дѣла, наконецъ, иногда также, хотя бы и въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, какъ человѣкъ, можетъ даже дѣйствовать и ко вреду малолѣтняго, въ виду личныхъ своихъ интересовъ; сверхъ того въ немъ вообще гораздо рѣже можно предположить тѣ свѣдѣнія о силѣ закона, какія должны требоваться отъ прокурора».

Очевидно, что даже съ точки зрѣнія самихъ составителей уставовъ о частномъ характерѣ дѣлъ частнаго обвиненія по дѣламъ о малолѣтнихъ должно было быть допущено участіе прокурорскаго надзора. То же слѣдуетъ сказать о глухонѣмыхъ и страдающихъ умственнымъ разстройствомъ. Мы даже полагаемъ, что всѣ преступленія, совершаемыя надъ этими лицами, должны быть относимы къ разряду публичныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую жалобу можетъ принести малолѣтній, котораго всякій въ состояніи запугать, или глухонѣмой и помѣшанный? Это положеніе становится еще болѣе рельефнымъ, когда преступленія надъ указанными лицами совершены тѣми, на комъ лежитъ обязанность попеченія о нихъ.

Другой случай, когда частное обвиненіе должно быть замѣнено оффиціальнымъ, представляетъ *смертъ частнаго обвинителя.* Законъ не даетъ разрѣшенія этому случаю. Литература же и практика даютъ ему самое различное толкованіе. Большинство [6]) признаетъ, что смерть частнаго обвинителя должна влечь прекращеніе дѣла на томъ основаніи, что судъ не можетъ разсматривать дѣла безъ обвинителя, меньшинство же [7]) находитъ, что дѣло ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ прекращенію, а разсматривается судомъ, причемъ нѣкоторые представители этого послѣдняго мнѣнія предлагаютъ замѣнять умершихъ обвинителей прокурорскимъ надзоромъ. Мы также держимся этого послѣдняго взгляда. Странно говорить о прекращеніи дѣла за смертью частнаго обвинителя, предсмертнымъ желаніемъ котораго было преслѣдовать совершившаго надъ нимъ преступленіе. При этомъ прекращеніе дѣла и судьба обвиняемаго стояли бы въ зависимости отъ слишкомъ случайнаго обстоятельства—смерти обвинителя, причемъ

---

6) Н. Неклюдовъ, Руководство для мировыхъ судей, т. I, стр. 45, Чебышевъ-Дмитріевъ, Русское уголовное судопроизводство, стр. 134, Кессель, Замѣтка въ Юридич. Вѣстникѣ за 1882 годъ, № 5; А. фонъ-Резонъ въ указанной книгѣ, стр. 232, также примыкаетъ къ этому мнѣнію, хотя высказывается очень неясно.

7) Изъ представителей этого мнѣнія мы можемъ назвать В. Волжина—Жалобы и протесты по судебнымъ уставамъ и въ практикѣ, Журналъ Гражд. и Угол. Права, 1887 годъ, кн. 9.

во многихъ случаяхъ это было бы во вредъ обвиняемому, который былъ бы лишенъ возможности оправдаться на судѣ.

Что касается замѣны частнаго обвинителя прокуратурою, то эта замѣна есть логическое послѣдствіе того, что дѣло за смертью обвинителя не прекращается. Послѣ смерти обвинителя дѣло частнаго обвиненія перестаетъ быть дѣломъ, которое можетъ быть окончено примиреніемъ. Да, наконецъ, кому же, какъ не правительственнымъ органамъ слѣдуетъ брать въ этомъ случаѣ подъ свою защиту интересы умершаго. Права частнаго обвиненія, какъ это признано въ нашей судебной практикѣ (рѣш. уг. кас. деп. прав. сената 1880 г., № 14), не переходятъ по наслѣдству. Практика кассаціоннаго сената (рѣш. уг. кас. деп. 1871 г., № 1455; 1876 г., № 48; 1878 г., № 18; 1880 г., № 16) признала, что смерть частнаго обвинителя не влечетъ прекращенія дѣла, хотя, къ сожалѣнію, это важное разъясненіе не вполнѣ проникло въ практику нашихъ судовъ. Разрѣшивъ совершенно правильно разбираемый вопросъ, сенатъ однако не коснулся вопроса, неразрывно связаннаго съ нимъ, именно о томъ, кто обязанъ поддерживать обвиненіе за умершаго обвинителя.

Кромѣ указанныхъ случаевъ, есть еще случаи, когда въ дѣлахъ частнаго обвиненія необходимо содѣйствіе оффиціальнаго обвинителя. Таковы случаи *нерозысканія обвинителя или отдаленнаго его мѣстопребыванія*. Наблюденія свидѣтельствуютъ о томъ, что обыкновенно значительное число дѣлъ частнаго обвиненія откладывается за нерозысканіемъ обвинителей, или совершенно прекращается вслѣдствіе неприбытія ихъ изъ отдаленныхъ мѣстностей безъ законныхъ причинъ.

Нерозысканіе обвинителя въ сущности равносильно безвѣстному его отсутствію. Между тѣмъ, какъ говорятъ мотивы [8]) 343 ст. у. гр. суд., «во всѣхъ почти иностранныхъ законодательствахъ безвѣстно отсутствующіе пользуются наравнѣ съ малолѣтними особымъ покровительствомъ закона».По дѣламъ частнаго обвиненія не розысканный обвинитель не замѣняется однако оффиціальнымъ обвинителемъ, какъ бы слѣдовало. Въ подобныхъ случаяхъ къ нему примѣняется 159 ст. улож. о нак. о *давности по причинѣ нехожденія*. Институтъ этой давности въ сферѣ уголовной юстиціи совершенно неумѣстенъ. Справедливо замѣчаетъ В. Волжинъ [9]), что «въ практикѣ подъ хожденіемъ по дѣлу понимается обиваніе судебныхъ пороговъ», т. е. болѣе или менѣе частыя явки частнаго обвинителя, въ качествѣ яко

---

[8]) Судебные уставы, изд. гос. канцел., ч. 1, стр. 180.

[9]) В. Волжинъ, указанная выше статья.

бы просителя и тяжущагося, къ судебнымъ властямъ и въ судъ съ просьбами о вызовѣ и допросѣ свидѣтелей, объ ускореніи производства, о назначеніи дѣла къ слушанію и т. д.—однимъ словомъ, судебныя надоѣданія всякаго рода, нерѣдко унизительныя для лица, помогающаго обществу и правительству въ изобличеніи преступника. «Я полагаю, говоритъ онъ, что давность нехожденія, имѣющая хоть какой нибудь смыслъ въ гражданскомъ процессѣ, несправедлива и совсѣмъ не имѣетъ смысла въ уголовномъ процессѣ—въ судахъ, учрежденныхъ по уставамъ 20 ноября 1864 года, и потому должна быть немедленно уничтожена». Справедливость приведеннаго не требуетъ доказательствъ.

Но какъ однако поступать въ случаяхъ неразысканія обвинителя? Очевидно, для частнаго лица было бы громаднымъ стѣсненіемъ требованіе извѣщать судъ о каждой перемѣнѣ мѣста жительства. Точно также нельзя принять предложеніе Волжина о томъ, чтобы обвинитель, примѣняясь къ 309—311 ст. уст. гр. суд. заявлялъ суду свой судебный адресъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ незаявленія имъ своего адреса въ двухнедѣльный срокъ по поступленіи дѣла въ судъ, дѣло навсегда прекращалось. Подобныя требованія, опутывая формальностями частное обвиненіе, причинили бы ему окончательный ударъ. Въ разбираемомъ случаѣ не остается ничего другаго, какъ замѣнять неразысканныхъ частныхъ обвинителей оффиціальными.

Точно также нельзя ставить въ вину частнымъ обвинителямъ неприбытіе изъ отдаленной мѣстности. Требовать безусловной явки ихъ при этихъ условіяхъ, какъ дѣлаетъ нашъ законъ (593 ст. уст. уг. суд.), значитъ создавать требованіе, невыполнимое въ большинствѣ случаевъ. При нашихъ большихъ разстояніяхъ и плохихъ путяхъ сообщенія нельзя требовать, чтобы частные обвинители жертвовали собою и своимъ временемъ въ интересахъ общества. Жизнь указываетъ, что частные обвинители предпочитаютъ не являться въ судъ изъ отдаленныхъ мѣстностей, вслѣдствіе чего дѣла, ими возбужденныя, прекращаются. Мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи было бы самымъ правильнымъ распространить на частныхъ обвинителей постановленіе 2 п. 642 ст. ус. уг. суд., освобождающаго свидѣтелей отъ обязательной явки въ судъ въ случаяхъ проживанія въ другомъ судебномъ округѣ и притомъ въ такой отдаленности, что имъ безъ особеннаго затрудненія явиться въ судъ невозможно. Затѣмъ неявившійся изъ отдаленной мѣстности частный обвинитель долженъ быть замѣненъ прокуратурою.

Есть еще случаи, когда замѣна частныхъ обвинителей прокурор-

скимъ надзоромъ весьма желательна. Нерѣдко объ одномъ и томъ же обвиняемомъ бываетъ нѣсколько дѣлъ частнаго и оффиціальнаго обвиненія, тѣсно между собою связанныхъ, и которыя при слушаніи ихъ соединяются согласно 205 ст. уст. уг. суд. Въ подобныхъ случаяхъ особенно рѣзко ощущается искусственность строгаго разграниченія частнаго и оффиціальнаго обвиненія, воспрещающаго обвинителямъ черпать доводы и развивать положенія изъ другаго дѣла о томъ же обвиняемомъ. Между тѣмъ дѣла частнаго и оффиціальнаго обвиненія могутъ быть между собою въ тѣсномъ соотношеніи причины и слѣдствія, вслѣдствіе чего полнота изслѣдованія и анализа пострадаетъ при замкнутости обвинителей узкими рамками отдѣльнаго дѣла.

IV.

Необходимость оказать нѣкоторыя облегченія частнымъ обвинителямъ нашла себѣ отголосокъ въ законодательныхъ сферахъ. Высочайше утвержденнымъ 15 февраля 1888 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, установившимъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ заочные приговоры, введены, между прочимъ, слѣдующія существенныя постановленія, касающіяся частныхъ обвинителей.

Въ сферѣ мировой юстиціи совершенно отмѣнено по дѣламъ публичнымъ требованіе обязательнаго присутствія обвинителей и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнено право подвергать обвинителей штрафу (135 ст. уст. уг. суд. въ новой редакціи). Съ этимъ постановленіемъ нельзя согласиться въ отношеніи освобожденія чиновъ полиціи отъ безусловной обязанности явки въ качествѣ обвинителей къ мировому судьѣ. И безъ того мы не можемъ похвастаться нашей полицейской дѣятельностью въ сферѣ вообще уголовныхъ дѣлъ и въ сферѣ дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ въ особенности. По дѣламъ послѣдней категоріи дѣятельность полиціи имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ полиціи принадлежитъ право приносить отзывы на приговоры мировыхъ судей (166 ст. уст. уг. суд.). Правильное и внимательное отношеніе со стороны полиціи къ приговорамъ судей стоитъ въ прямой зависимости отъ исполненія ими обязанностей обвинителей. Освобожденіе же ихъ отъ этихъ обязанностей несомнѣнно будетъ имѣть своимъ прямымъ послѣдствіемъ еще болѣе небрежное отношеніе къ обязанностямъ по обнаруженію и изслѣдованію преступленій. Можно предсказать, что отнынѣ всѣ дѣла публичныя

будутъ разбираться мировыми судьями безъ обвинителей, что конечно, совершенно нежелательно.

Совсѣмъ иною представляется отмѣна закономъ требованія обязательной явки по дѣламъ публичнымъ частныхъ обвинителей, заявившихъ желаніе принять на себя эти обязанности. Въ этомъ случаѣ законъ санкціонировалъ прямое требованіе жизни. Въ другомъ мѣстѣ [10]) мы подробно указывали на неудовлетворительность 135 ст. уст. уг. суд. въ прежней редакціи. Участіе частныхъ лицъ въ публичномъ преслѣдованіи есть фактъ большой важности для уголовнаго процесса. Имъ знаменуется подъемъ общей энергіи въ отстаиваніи своихъ законныхъ интересовъ. У насъ это участіе, по разнообразнымъ причинамъ историческаго и бытоваго характера, не могло пока развиться и странно было содѣйствовать такому развитію угрозами штрафа, какъ это дѣлала 135 ст. уст. уг. суд. въ прежнемъ ея видѣ. Угроза могла имѣть и дѣйствительно имѣла лишь то вліяніе, что частныя лица предпочитали совсѣмъ не выступать частными обвинителями. Надѣемся, что съ уничтоженіемъ этой угрозы важный институтъ частнаго обвиненія значительно окрѣпнетъ въ дальнѣйшемъ развитіи.

По дѣламъ уголовно-частнымъ обязательная явка частнаго обвинителя сохранена по прежнему, но и тутъ введена важная оговорка какъ для дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, такъ и для дѣлъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ. 141[1] и 834[8] статьи уст. уг. суд., по редакціи цитированнаго закона 1888 г., указываютъ, что при назначеніи дѣла къ новому разсмотрѣнію по отзыву подсудимаго противъ заочнаго приговора *неприбытіе частнаго обвинителя безъ законныхъ причинъ не служитъ препятствіемъ къ слушанію дѣла* и не влечетъ за собою его прекращенія. Такое постановленіе имѣетъ своимъ очевиднымъ мотивомъ прекрасное желаніе не создавать частному обвинителю лишнихъ тягостей изъ-за привиллегіи для обвиняемаго, которыя представляетъ собою возможность допустить заочный приговоръ. Создавъ приведенное постановленіе, новый законъ не довершилъ его однако въ отношеніи того, что прямо вытекало изъ него. Законъ не позаботился указать, кто же замѣнитъ частнаго обвинителя (что особенно важно по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ) въ случаѣ его неявки послѣ заочнаго приговора. Оставить судъ безъ обвинителя слишкомъ противорѣчитъ принципамъ состязательнаго процесса по судебнымъ уста-

---

[10]) Наша статья «Изъ уголовной практики мироваго суда», Журн. Гражд. и Уг. Права, 1887 годъ, кн. 5 и 6.

вамъ 20 ноября 1864 года. Намъ кажется, что и въ этомъ случаѣ мы снова имѣемъ такое положеніе, когда привлеченіе къ участію въ дѣлѣ уголовно-частнаго обвиненія представителя оффиціальнаго обвиненія есть самый удобный способъ разрѣшить это затрудненіе.

V.

Углубляясь въ детали нашего процесса по дѣламъ уголовно-частнымъ, нельзя не констатировать факта, много разъ указывавшагося въ печати, что процедура эта по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, страдаетъ отсутствіемъ самыхъ необходимыхъ опредѣленій въ законѣ. Рѣшителемъ возникающихъ вслѣдствіе этого затрудненій (далеко, впрочемъ, не всѣхъ) по дѣламъ частнаго обвиненія, преимущественно въ сферѣ дѣлъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, явилось извѣстное опредѣленіе общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ отъ 11 февраля 1880 года за № 10, которое по справедливому замѣчанію г. Лонгинова [11]) не распутало вопроса, а просто «разрубило» его. Опредѣленіе это принадлежитъ къ числу неудачныхъ произведеній сенатскаго творчества. Оно уже было подвергаемо подробному разбору въ нашей литературѣ [12]) и потому, во избѣжаніе повтореній, мы не будемъ возвращаться къ полному исчисленію недостатковъ сенатскаго толкованія. Мы ограничимся лишь нѣкоторыми немногими вопросами изъ практики дѣлъ частнаго обвиненія.

Законъ намъ совершенно не разъясняетъ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ частныхъ обвинителей и прокуратуры на предварительномъ слѣдствіи. Имѣетъ ли какія нибудь права прокуратура по надзору за слѣдствіями по дѣламъ уголовно-частнымъ—это вопросъ, закономъ не разрѣшаемый, а по существующей конструкціи предварительнаго слѣдствія вопросъ этотъ *не разрѣшимъ*.

По системѣ нашего предварительнаго слѣдствія [13]) прокуратура

---

[11]) Статья г. Лонгинова по этому предмету была помѣщена въ Журналѣ Гражд. и Угол. Права за 1883 годъ, кн. 2.

[12]) Обстоятельный разборъ этого опредѣленія былъ сдѣланъ г. Рудановскимъ въ статьѣ «О дѣлахъ, возникающихъ по частнымъ жалобамъ», Юридич. Вѣст. за 1885 г., кн. 9. Слѣдуетъ также упомянуть указанныя статьи гг. Лонгинова и Волжина.

[13]) Наша статья «О прокуратурѣ на предварительномъ слѣдствіи», Юридич. Вѣстникъ, 1887 годъ, кн. 9.

участвуетъ въ этой стадіи процесса не какъ сторона, а какъ блюстительница закона. Мотивы [14]) къ 278 ст. уст. угол. суд. указываютъ прямо, что лица прокурорскаго надзора *наблюдаютъ за правильнымъ производствомъ слѣдствій.* Исходя логически изъ этого положенія, пришлось бы признать, что прокуратура по дѣламъ частнаго обвиненія, съ точки зрѣнія «правильности» производства слѣдствія, въ правѣ давать указанія и предложенія слѣдственной власти. Но признаніе этого явно противорѣчитъ 5,479 и 511 ст. уст. уг. суд., изъ которыхъ въ послѣдней прямо выражено, что дѣла о преступленіяхъ уголовно-частныхъ изъемлются «изъ вѣдѣнія прокурора», обязанности котораго «ограничиваются только передачею дѣла въ надлежащее судебное установленіе». Указанное противорѣчіе очевидно не существовало бы вовсе, если бы на предварительномъ слѣдствіи у насъ допускалось участіе сторонъ. Тогда прокуратура являлась бы стороною по дѣламъ публичнаго обвиненія, а частный обвинитель по дѣламъ уголовно-частнымъ. Судебная практика толкуетъ права прокурорскаго надзора по наблюденію за слѣдствіями по дѣламъ уголовно-частнымъ въ самомъ ограничительномъ смыслѣ и обыкновенно не допускаетъ никакого вмѣшательства прокуратуры въ дѣла этого рода.

Другой вопросъ громадной важности по дѣламъ уголовно-частнымъ составляетъ *преданіе суду* по дѣламъ, подсуднымъ окружнымъ судамъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. По разъясненію сената, въ вышеупомянутомъ опредѣленіи дѣло частнаго обвиненія можетъ быть направлено по 277 ст. уст. уг. суд. къ прекращенію только въ случаяхъ, указанныхъ въ 16 и 27 ст. уст. уг. суд., или по отсутствію во взводимомъ обвиненіи состава или признаковъ преступленія, *но не по недостатку уликъ;* равно и судъ можетъ прекратить дѣло частнаго обвиненія по тѣмъ же основаніямъ, но только не за недостаточностью уликъ. Вслѣдствіе этого подача жалобы частнымъ обвинителемъ предрѣшаетъ вопросъ о привлеченіи обвиняемаго и о преданіи его суду. Нечего и говорить, что такой порядокъ грозитъ страшной опасностью личной неприкосновенности каждаго, который по произволу частнаго обвинителя, безъ всякихъ уликъ, можетъ очутиться на скамьѣ подсудимыхъ. Да и въ сущности ужъ если стоять на почвѣ интересовъ частнаго обвинителя, то слѣдовало бы узаконить, чтобы каждое слѣдствіе частнаго обвиненія, по которому привлеченъ обвиняемый, *обязательно предъявлялось бы частному обвинителю для того, чтобы онъ затѣмъ съ положи-*

---

[14]) Судебные уставы, изд. госуд. канцел., ч. 2, стр. 123.

тельностью указалъ, требуетъ ли онъ преданія суду обвиняемаго или нѣтъ. Иначе можетъ случиться, что частный обвинитель совершенно незнакомъ съ фактами, обнаруженными на предварительномъ слѣдствіи. Во избѣжаніе же произвола въ важномъ вопросѣ о преданіи суду можно принять мѣру, предлагаемую В. Волжинымъ, чтобы окончательная квалификація преступнаго дѣянія, прекращеніе уголовнаго преслѣдованія по недостатку уликъ и преданіе суду *по всѣмъ дѣламъ частнаго обвиненія* зависѣли бы отъ судебной палаты, какъ обвинительной камеры.

Нельзя кстати не упомянуть объ искусственности того разъясненія сената, что свидѣтели вызываются въ судъ по дѣламъ частнаго обвиненія только въ случаѣ особаго о томъ требованія частнаго обвинителя, въ семидневный срокъ со дня полученія ими извѣщенія о поступленіи дѣла въ судъ. Такое толкованіе сенатъ вывелъ изъ 559 и 560 ст. уст. уг. суд., относящихся до гражданскихъ истцевъ. Такое толкованіе совершенно произвольно. Гражданскій истецъ примыкаетъ на судѣ къ обвинителю, его роль совершенно вспомогательная, а не главная, какъ роль частнаго обвинителя по дѣламъ уголовно-частнымъ. Гораздо правильнѣе обязательно вызывать въ судъ свидѣтелей, указанныхъ обвинителемъ въ первоначальной жалобѣ и на предварительномъ слѣдствіи. Положительный смыслъ 546 ст. уст. уг. суд., какъ справедливо замѣчаетъ г. Рудановскій [13]), прямо указываетъ, что судъ не въ правѣ игнорировать доказательствъ, уже разъ представленныхъ жалобщикомъ. Послѣдствія такого сенатскаго толкованія формулированы тѣмъ же авторомъ въ слѣдующихъ словахъ: «извѣщенный въ силу сенатскаго опредѣленія отъ 11 февраля 1880 г. о поступленіи дѣла въ судъ и предупрежденный о правѣ на представленіе въ семидневный срокъ доказательствъ, обвинитель большею частью ограничивается только дачей росписки о времени полученія извѣщенія и больше ничего, а затѣмъ является по вызову въ судебное засѣданіе безъ всякихъ доказательствъ и, конечно, проигрываетъ дѣло. Безграмотный обвинитель, не понимающій разныхъ тонкостей процессуальныхъ порядковъ, ему навязанныхъ, продолжаетъ недоумѣвать во время судебнаго засѣданія о невызовѣ его свидѣтелей, указанныхъ въ жалобѣ, и еще до объявленія резолюціи, уже заявляетъ, что онъ «симъ судомъ» недоволенъ, т. е., иначе говоря—недоволенъ тѣми порядками, которые установлены, по понятію жалобщика, «не по закону» и ему непригодны».

---

13) А. Рудановскій, указанная статья.

VI.

Каменная стѣна, воздвигнутая судебными уставами между оффиціальнымъ преслѣдованіемъ и частнымъ обвиненіемъ, какъ мы указывали, вполнѣ искусственна. Эти формы преслѣдованія, какъ указываетъ жизнь, должны быть слиты вмѣстѣ. Весьма часто дѣло публичнаго преслѣдованія послѣ вердикта присяжныхъ засѣдателей превращается въ дѣло частнаго обвиненія. Тяжкая рана можетъ быть признана легкою, оскорбленіе должностнаго лица—оскорбленіемъ частнаго лица, ограбленіе — самоуправствомъ и т. д. Между тѣмъ, несмотря на то, что въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовало оффиціальное обвиненіе, никому еще не приходило въ голову требовать, чтобы судъ прекращалъ производство дѣла, выжидая возбужденіе его по новому обвиненію частнымъ обвинителемъ. Съ другой же стороны, частный обвинитель оказывается весьма часто безсильнымъ бороться съ преступленіемъ. Непривычка къ законности, сложившаяся исторически плохая вѣра въ могущество и святость закона, въ связи съ слабымъ распространеніемъ юридическихъ познаній въ массѣ—такова почва, на которой создался у насъ институтъ частнаго обвиненія. Неудивительно, что въ результатѣ получилась почти полная безнаказанность уголовно-частныхъ преступленій. «*Въ томъ и заключается благородная миссія прокурора, чтобы взять въ свои руки уголовное преслѣдованіе изъ немощныхъ и неумѣлыхъ рукъ потерпѣвшаго*, и, представляя передъ судомъ интересы общества, фактически стать поборникомъ отдѣльныхъ интересовъ того множества пострадавшихъ отъ преступленія его членовъ, которое, безъ такой публичной защиты ихъ со стороны государства, было бы безпомощно отдано въ жертву преступнымъ нарушеніямъ законнаго порядка. Эта точка зрѣнія уже и теперь близка и понятна русскому народу и въ поддержаніи и укрѣпленіи ея прокурорскому надзору слѣдуетъ видѣть одинъ изъ капитальнѣйшихъ залоговъ своего успѣха» [16]).

Подводя итогъ всему приведенному нами, мы должны признать, что *институтъ уголовно-частнаго обвиненія нуждается въ поддержкѣ и помощи оффиціальнаго обвиненія* подобно тому, какъ и это послѣднее нуждается въ содѣйствіи частнаго обвиненія по дѣламъ о правонарушеніяхъ публичнаго характера. Только взаимодѣйствіе

---

[16]) Н. Муравьевъ, Задачи прокурорскаго надзора, Ж. Гр. и У. Пр. 1884, № 7.

этихъ двухъ формъ уголовнаго преслѣдованія обезпечиваетъ обществу борьбу съ преступными нарушеніями закона. Не предрѣшая вопроса о наиболѣе удобномъ способѣ сочетанія уголовно-частнаго обвиненія съ обвиненіемъ оффиціальнымъ, мы утверждаемъ, что это сочетаніе есть насущное требованіе жизни и что оно несомнѣнно послужитъ не только къ укрѣпленію института частнаго обвиненія, но поведетъ и къ дальнѣйшему развитію общаго сознанія необходимости активной охраны закона.

И. Щегловитовъ.

ПОСМЕРТНОЕ ПРОЯВЛЕНІЕ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ВЪ АВТОРСКОМЪ ПРАВѢ.

Въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы» нашъ маститый писатель, И. А. Гончаровъ, въ статьѣ своей «Нарушеніе воли» подымаетъ чрезвычайно интересный въ юридическомъ, историческомъ и культурномъ отношеніяхъ вопросъ о существѣ и пространствѣ правъ на оглашеніе посмертной переписки. Какъ изъ самаго заглавія—«*нарушеніе воли*», такъ и изъ послѣдующаго изложенія несомнѣнно, что авторъ, за немногими отступленіями, держится воззрѣнія, признающаго такія права только за самимъ покойникомъ и всякое посягательство на нихъ объявляетъ нарушеніемъ его воли. Въ этомъ—его точка отправленія къ разрѣшенію поставленнаго вопроса и въ этомъ же, по нашему мнѣнію, и его основная ошибка. «Воля», какъ *живая* способность, мыслима лишь за *живымъ лицемъ*; разъ это лицо умираетъ, съ нимъ умираетъ для окружающей среды и его воля. «*Посмертной воли*» не существуетъ. Если такъ зовутъ иногда завѣщанія, то это не болѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ юридическихъ абсурдовъ, которые усвоены просторѣчіемъ и отъ частаго употребленія сдѣлались незамѣтными. Воля завѣщателя — *только потому* и «воля», что выражена имъ *заживо*, непогрѣшима въ своей свободѣ, которою умершій пользоваться, очевидно, также не можетъ, и надлежащимъ образомъ засвидѣтельствована. Все, что осталось за предѣлами такимъ порядкомъ выраженной *заживо* воли, со смертью лица, ее выразившаго, становится достояніемъ живой среды, достояніемъ, на которое за покойникомъ не можетъ быть признано никакихъ правъ, потому что и права, какъ и воля, не мыслимы безъ своего живаго представителя, единоличнаго или коллективнаго. Такова въ общихъ чертахъ юридическая физіологія поднятаго вопроса въ области рѣшенія его на почвѣ права естественнаго. Вѣрнымъ этому праву остается и дѣйствующее законодательство, знающее лишь волю живаго завѣщателя и не признающее никакой правовой сферы за умершимъ, такъ какъ вся эта сфера съ момента смерти переходитъ къ наслѣдникамъ, замѣщающимъ его въ имущественныхъ пра-

вахъ, но отнюдь не въ его духовныхъ, прижизненныхъ способностяхъ. Всякое замѣстительство въ этомъ послѣднемъ отношеніи будетъ, такъ сказать, узурпаціею духа. Съ другой стороны, сущность и предѣлы подобнаго замѣстительства не могутъ подлежать какой-либо серьезной и точной нормировкѣ ни въ правовомъ, ни въ этическомъ отношеніяхъ: достаточно вспомнить, напр., какое глубокое различіе въ умственной и нравственной личности такъ часто наблюдается между умершими и ихъ наслѣдниками, для того, чтобы безповоротно отвергнуть всякую возможность признанія за послѣдними свободы и права въ распоряженіи тѣмъ, нерѣдко драгоцѣннѣйшимъ капиталомъ, который и по природѣ своей и по требованіямъ высшаго, внѣличнаго порядка составляетъ неотъемлемое достояніе всего человѣчества въ сферѣ его прирожденныхъ духовныхъ, т. е. естественныхъ, правъ. Въ этомъ отношеніи публичное право совершенно вытѣсняетъ частное. Обратное толкованіе обездолитъ міръ, лишитъ культуру ея духовнаго наслѣдія, вручитъ ключъ отъ сокровищницы народнаго генія первому встрѣчному, случайному хозяину, который и не подумаетъ, быть можетъ, когда либо имъ воспользоваться ко благу человѣчества. Рукописи, бумаги или переписка, оставленныя не только выдающеюся личностью, но и заурядныммъ дѣятелемъ, часто представляли богатѣйшій историческій матеріалъ, проливали яркій, неожиданный свѣтъ въ области, пребывавшія до тѣхъ поръ въ сплошномъ и загадочномъ мракѣ, или являли, наконецъ, собою источникъ высокаго духовнаго наслажденія. И неужели всему этому «пропадать», какъ выражается И. А. Гончаровъ,— пропадать только потому, что авторъ ихъ не успѣлъ при жизни высказаться о судьбѣ своихъ произведеній, или, что наслѣдникъ его не пожелалъ, или не съумѣлъ подѣлиться найденнымъ имъ «жемчужнымъ зерномъ»?..

«Нарушеніе воли»!—Да развѣ можно себѣ представить что-либо отраднѣе для умирающаго, какъ сознаніе его въ томъ, что и за гробомъ онъ не перестанетъ жить и дѣйствовать, учить и утѣшать оставленную семью свою, которая тѣмъ шире, чѣмъ выше возносилась личность его надъ окружающимъ уровнемъ въ какомъ бы то ни было отношеніи? «Разоблаченіе интимностей»?—противъ этого всего упорнѣе ратуетъ нашъ почтенный авторъ; но и тутъ онъ, думается намъ, также мало правъ. Основательность возбуждаемыхъ съ этой стороны опасеній совершенно блѣднѣетъ, исчезаетъ, въ виду тѣхъ широкихъ и благихъ послѣдствій, на которыя было указано выше. Общій интересъ и здѣсь оказывается выше частнаго, умаляемаго до микроскопическихъ размѣровъ; но, если и съ ними понадобится кому-нибудь считаться, то вмѣсто рекомендуемаго огульнаго воспрещенія всегда отыщутся средства частичнаго исправленія. Понятіе о большей или меньшей щекотливости такихъ «интимностей» очень относительное, очень субъективное и очень произвольное. Поэтому разоблаченіе ихъ и никому не воспрещается a priori; могутъ лишь наступать извѣстныя послѣдствія, въ извѣстномъ процессуальномъ порядкѣ и съ

извѣстнымъ исходомъ. Эти послѣдствія мыслимы и возможны безразлично, находится ли въ живыхъ разоблачающій, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ положеніе пострадавшаго еще благопріятнѣе, нежели въ первомъ: онъ будетъ ставить свои доказательства, не рискуя опроверженіемъ ихъ; ошибка исправится и истина возстановится, зачастую и безъ всякаго судебнаго разбирательства; примѣры тому можно найти чуть не въ каждой книжкѣ «Русской старины», напр., въ мелкихъ замѣткахъ, поправкахъ, разъясненіяхъ и т. п. Давно практикуемый, порядокъ этотъ никакихъ неудобствъ не представлялъ и, слѣдовательно, какъ нельзя лучше служитъ своей цѣли. Къ чему же, спрашивается, взывать къ ограниченіямъ, заставамъ, возбраненію, нормировкѣ и т. д., когда и безъ того этого добра такъ много вокругъ? Всего же менѣе подобныя воззванія могутъ быть дѣломъ литературы, въ которомъ отъ всякаго апріорнаго стѣсненія вѣетъ удушливымъ, мертвящимъ все живое холодомъ могилы.

Если и желательна какая-либо нормировка въ этомъ отношеніи, то лишь при условіи совершенно обратной цѣли своей—обезпеченія возможной полноты оглашенія посмертной переписки и упорядоченія существующаго (вѣрнѣе, пожалуй, несуществующаго) критеріума въ рѣшеніи вопроса о томъ, насколько и въ какихъ именно размѣрахъ данная переписка достойна такого оглашенія. Въ первомъ случаѣ, впрочемъ, имѣлось, имѣется и будетъ имѣться достаточное ручательство въ томъ, что манускрипты какой-либо знаменитости не залежатся долго подъ спудомъ у того или инаго случайнаго обладателя ихъ: честолюбіе, или тщеславіе для однихъ, денежный интересъ для другихъ всегда были и всегда будутъ надеждымъ стимуломъ полноты оглашенія. Что же касается до втораго требованія, то въ средѣ нашихъ литературныхъ дѣятелей легко можетъ образоваться общество, постоянный комитетъ или экспертная коммиссія, въ которыхъ сосредоточивались бы подобные манускрипты, въ которые могли бы обращаться обладатели ихъ и которые опредѣляли бы какъ достоинство рукописи, такъ и размѣръ вознагражденія за ея пріобрѣтеніе; они же могли бы выслушивать и удовлетворять лицъ, имѣющихъ что либо противъ полнаго или частичнаго оглашенія представленныхъ рукописей, списокъ которыхъ могъ бы съ этою цѣлью объявляться во всеобщее свѣдѣніе заблаговременно; они же, наконецъ, могли бы являться и посредниками между обладателями рукописей и соотвѣтствующими ихъ характеру редакціями или издателями. Только такой или тому подобной нормировки и можно еще желать въ разсматриваемомъ вопросѣ. Но возвратимся къ его основной темѣ.

Конфиденціальное значеніе частной переписки авторъ «Нарушенія воли» раздвигаетъ до несвойственныхъ ему въ данномъ случаѣ размѣровъ. «*Его имя принадлежитъ исторіи*»—какъ часто слышимъ мы подобное выраженіе, безпрекословно соглашаемся съ нимъ; а оно, разумѣется, обнимаетъ собою не «имя» только, а всю личность его носителя, со всѣми ея проявленіями, со всѣми ея положительными и отрицательными свой-

ствами и особенностями. Въ ряду этихъ проявленій частная переписка, мемуары, веденные для себя, наброски, замѣтки, черновые проекты, варіанты представляютъ высокій, незамѣнимый чѣмъ-либо инымъ интересъ; условія времени, условія печати, преходящія причины и т. п. заставляютъ очень часто автора писать для себя или близкихъ то, что, не будь этихъ условій, онъ бы охотно напечаталъ для всѣхъ. Но вотъ эти мѣшающія условія устранены навсегда «рѣкой временъ, въ своемъ стремленіи уносящей всѣ дѣла людей»; неужели же слѣдуетъ «топить въ пропасти забвенья» и весь этотъ столь драгоцѣнный современникамъ матеріалъ?! Итакъ, конфиденціальное значеніе переписки необходимо понимать отнюдь не огуломъ, а съ большими ограниченіями и очень условно; а при этомъ сама собою падаетъ и презумпція щекотливости оглашаемаго по отношенію къ памяти покойнаго автора — «мертвые бо срама не имутъ».

Нарушеніе воли мыслимо въ разсматриваемомъ вопросѣ лишь при одномъ условіи—когда въ самой рукописи или въ завѣщаніи своемъ авторъ ея безусловно и категорически высказался противъ оглашенія ея въ печати, но обязательна эта воля для обладателя рукописи только потому, что она заявлена прижизненно, и обязательна, при томъ, лишь въ теченіе закономъ опредѣленнаго срока. Загробный міръ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла міра живущаго. Подобное вмѣшательство можетъ существовать лишь въ иллюзіяхъ мистицизма или въ области народной фантазіи и поэтическаго творчества; тамъ оно безвредно; но, перенесенное въ реальную сферу житейскихъ отношеній и дѣйствующаго законодательства, оно, благодаря растяжимости и фантастичности темы, натворитъ много бѣдъ, отъ которыхъ не поздоровится требованіямъ цивилизаціи, культуры и прогресса въ развитіи интеллектуальныхъ благъ человѣчества, и сдѣлаетъ это лишь ради какой-то неосязаемой, не оправдываемой и уже черезчуръ сантиментальной фикціи. Насколько широки предѣлы той запретной области, которую почтенный авторъ хочетъ отвоевать у міра дѣйствительнаго въ пользу міра загробнаго, видно и изъ того, что самъ онъ изумляется обилію посмертныхъ рукописей, печатаемыхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. По нашему, несравненно «изумительнѣе» тотъ блѣдный призракъ мертвеца, обрисованный рукою великаго мастера, создавшею нѣкогда столько исполненныхъ жизненной правды и красоты типовъ и образовъ, который такъ настойчиво предъявляетъ свои замогильныя домогательства къ чужому живому наслѣдію. Довольно съ насъ тѣхъ живыхъ мертвецовъ, которые то и дѣло встаютъ изъ своихъ гробовъ, чтобы распоряжаться дѣлами міра сего, и зачѣмъ звать еще настоящихъ, хотя и похороненныхъ, но живущихъ еще въ твореніяхъ своего отлетѣвшаго духа,—звать для того только, чтобы во имя его наложить печать вѣчнаго безмолвія и на эти неумирающія пока творенія.

Теперь можно будетъ покинуть царство тѣней, въ которое по поводу нарушенной тамъ чьей-то воли увлекъ насъ маститый писатель, и спу-

ститься въ болѣе реальныя сферы дѣйствующаго законодательства, которое, если не прямо и всецѣло, то косвенно и отчасти касается разсматриваемаго юридическаго вопроса.

Авторское право сравнительно новичекъ среди всякихъ иныхъ «правъ», выясненныхъ и разработанныхъ мыслителями и кодексами. Природа этого права чрезвычайно своеобразна, не легко уловима и всего менѣе доступна какой-либо кодификаціи въ смыслѣ общей, всѣми другими объектами ея усвоенной и легко приложимой шаблонной системы. Право это не вещное, не личное, не публичное, хотя основныя свойства каждой изъ этихъ правовыхъ категорій несомнѣнно образуетъ собою ядро его идеальнаго существа. Отсюда и трудность юридической регламентаціи этого существа въ дѣйствующемъ кодексѣ. И наше и европейское законодательства обнимаютъ собою не всѣ эти три категоріи, образующія сущность его, а, зная лишь первыя двѣ и пока игнорируя третью (не разработанную, насколько намъ извѣстно, ни философски, ни въ области естественнаго права—его настоящей родинѣ), пріурочиваютъ его то къ одной, то къ другой, допуская *преемственность личнаго* права, рѣшительно неоправдываемую никакими соображеніями, или ставя духовное достояніе человѣческихъ обществъ въ грубую зависимость отъ имущественной единоличной и случайной правоспособности. Насколько несомнѣненъ этотъ послѣдній общечеловѣческій характеръ авторскаго права, видно уже изъ того, что всѣ дѣйствующія законодательства отдѣляютъ границу въ немъ между частнымъ и публичнымъ правомъ *только извѣстнымъ временнымъ срокомъ* (отъ 5 до 50 л. со смерти автора), по истеченіи котораго частное право извѣстнаго лица уже совершенно отступаетъ передъ публичнымъ правомъ всего общества, являющагося исключительнымъ и полновластнымъ собственникомъ своего духовнаго наслѣдія. Будущая разработка вопроса, вѣроятно, уничтожитъ и эту временную грань, провозгласивъ, что авторское духовное наслѣдіе, скопленное имъ отъ пользованія въ сокровищницѣ общечеловѣческаго духа въ его историческомъ, общественномъ, преемственномъ развитіи, есть общее достояніе этого духа, неотъемлемо принадлежащее ему съ момента смерти автора, и что *законными* «наслѣдниками» и законноуполномоченными «*душеприкащиками*» могутъ явиться не лица, связанныя съ умершимъ случайными узами крови, а тѣ достойнѣйшіе служители этого общечеловѣческаго духа, которыхъ связываютъ съ покойникомъ иныя, болѣе крѣпкія, болѣе родственныя узы—узы духовнаго авторитета.

Путь къ такому будущему ничѣмъ пока не загороженъ: законодательство не знаетъ загробной воли автора; къ его наслѣдію оно относится до того равнодушно, что на извѣстный срокъ подчиняетъ его произволу физическаго наслѣдника и регулируетъ лишь имущественную сторону вопроса.

«Каждый сочинитель, или переводчикъ книги имѣетъ исключительное право пользоваться *во всю жизнь свою* изданіемъ и продажею оной по

своему усмотрѣнію, какъ имуществомъ благопріобрѣтеннымъ» (уст. ценз. ст. 282). «По смерти сочинителя, или переводчика, исключительное право сіе переходитъ къ его наслѣдникамъ по закону, или по завѣщанію, или же къ тѣмъ лицамъ или учрежденіямъ, коимъ отъ него онымъ передано; но право сіе *не можетъ продолжаться* долѣе пятидесяти лѣтъ со смерти сочинителя или переводчика» (ст. 283). «Частныя письма, не предназначавшіяся для публики, могутъ быть издаваемы въ свѣтъ токмо съ совокупнаго согласія какъ того лица, коимъ онѣ писаны, такъ и того, къ кому писаны; въ случаѣ же смерти ихъ обоихъ, или одного кого-либо,—съ согласія наслѣдниковъ» (293). «Частныя записки и другія бумаги, не предназначавшіяся въ свѣтъ, могутъ быть издаваемы не иначе, какъ съ воли сочинителя, а въ случаѣ смерти его, съ согласія его наслѣдниковъ» (ст. 294). «По истеченіи опредѣленнаго симъ уставомъ времени, въ которое сочинитель, переводчикъ, первый издатель, или другія лица на основаніи онаго пользуются исключительнымъ правомъ печатанія и продажи своихъ, или доставшихся имъ по наслѣдству, или же по какому акту произведеній, всякая книга становится *собственностью публики*, и *каждый* можетъ *по собственному усмотрѣнію* печатать, издавать и продавать оную» (ст. 295).

«Кто, не выдавая себя за автора чужаго сочиненія, перевода, или иного произведенія наукъ, искусствъ или художествъ, но зная, что оное есть литературная или художественная собственность другаго, будетъ безъ надлежащаго уполномочія находящимся у него по какому-либо случаю произведеніемъ сего рода располагать какъ бы принадлежащимъ ему, напечатавъ или дозволивъ напечатать книгу, статью или... тотъ за сіе, сверхъ слѣдующаго за причиненные убытки вознагражденія, приговаривается къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ» (улож. о наказ., ст. 1684). Дѣла о присвоеніи ученой или художественной собственности начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго вредъ или убытокъ (прим. подъ 1685 ст.).

Если къ этому прибавить 1102 и 1104 ст. уложенія о наказ., карающія почтовыхъ чиновниковъ за передачу писемъ не тому, кому онѣ адресованы, или за распечатаніе письма хотя бы изъ одного любопытства, и 1040 и 1042 ст. уст. гражд. суд., опредѣляющія условія и порядокъ аукціонной продажи литературной собственности, то указанными законоположеніями будетъ исчерпана вся сфера дѣйствующаго у насъ законодательства, такъ или иначе касающаяся интересующаго насъ вопроса. Очевидно, что, оставаясь на почвѣ этого законодательства, нельзя разрѣшить поставленный авторомъ «Нарушенія воли» вопросъ: «По какому же праву совершается такое насиліе воли, кто его далъ и кому?» Ставя такой вопросъ, онъ предоставляетъ «рѣшать его компетентнымъ людямъ — юристамъ» и въ то же время сознается, что это «нерѣшенный и, можетъ быть, неразрѣшимый даже съ юридической стороны вопросъ». Вопросъ этотъ «неразрѣшимъ» лишь въ той постановкѣ,

въ которой онъ является у автора; сама постановка грѣшитъ противъ юридическихъ требованій и поэтому невозможно и рѣшеніе вопроса на почвѣ и въ предѣлахъ этихъ требованій: «насилія воли», какъ это уже было нами указано, въ инкриминируемомъ авторомъ явленіи не существуетъ; не существуетъ ни «права» на такое насиліе, ни лица, кто его «даетъ», ни лица, кому оно дается, а существуетъ лишь группа естественныхъ, нигдѣ и никѣмъ не санкціонированныхъ и не кодифицированныхъ, но всѣми безпрепятственно осуществляемыхъ и всѣми непререкаемо признаваемыхъ правъ, голоднаго питаться, алчущаго—утолять жажду, больныхъ—лѣчиться, дѣтей и юношей—учиться и т. д. и т. д.; къ категоріи этихъ правъ принадлежитъ и право обществъ пользоваться плодами умственнаго труда членовъ своихъ.

Съ цѣлью обосновать наше глубокое убѣжденіе въ наличности этого основнаго элемента природы «авторскаго права», сошлемся на авторитеты.

«Когда наука обратилась къ изслѣдованію сущности этого права, говоритъ Побѣдоносцевъ въ своемъ «Курсѣ гражданскаго права», тогда возникли и донынѣ еще не прекратились сомнѣнія и пререканія о томъ, къ какой категоріи гражданскихъ правъ слѣдуетъ отнести его, гдѣ ему найти мѣсто въ общей системѣ. *Авторское право невозможно смѣшать съ правомъ собственности*, какъ понятіе вполнѣ однородное. Право собственности всегда связано съ вещью, съ *матеріальнымъ предметомъ*, на который простирается господство лица. *Напротивъ*, здѣсь нѣтъ этой необходимой связи между лицомъ и вещью; *право здѣсь отдѣлено отъ своего матеріальнаго предмета*... Предметъ права здѣсь имѣетъ свойство *духовное*, *безтѣлесное*... Способность мышленія и слова *входитъ въ самую сущность человѣческой природы* и составляетъ *личную* принадлежность *каждаго* человѣка, которую нельзя отдѣлить отъ его личности и *перенести на другое лицо*... *Сначала* преобладаетъ отношеніе, зависящее отъ личности автора, но *съ теченіемъ времени* оно *вполнѣ* замѣняется другимъ отношеніемъ; подъ конецъ авторское право прекращается вовсе, и право пользоваться *всѣми* его принадлежностями, кромѣ чести авторства, *становится вполнѣ общественнымъ достояніемъ*. Положительно признано всѣми, что авторское право во всякомъ случаѣ составляетъ исключительную принадлежность автора, *покуда онъ живъ*... По смерти его право сіе переходитъ къ его наслѣдникамъ, *но не можетъ продолжаться долѣе опредѣленнаго срока*, по истеченіи котораго оно становится *общимъ достояніемъ*: *всякій* можетъ печатать, издавать въ свѣтъ и продавать книги (стр. 563—567).

Faustin Hélie въ своемъ сочиненіи «Théorie du code pénal» (VI, 2231) идетъ еще далѣе въ этомъ направленіи, еще рѣзче оттѣняетъ своеобразность природы авторскаго права и присущій ей общественный элементъ: «Новая мысль, говоритъ онъ,—побѣда науки или искусства; *она принадлежитъ имъ и они могутъ свободно располагать ею*. Затѣмъ, можно ли утверждать, что какая нибудь мысль принадлежитъ всецѣло

опредѣленному *лицу* и не имѣетъ *корней въ прошедшемъ?* Геній подобенъ землѣ, которая ничего не производитъ безъ посѣва; идеи взаимно сплетаются и *порождаютъ* одна другую; человѣкъ лишь оживляетъ или примѣняетъ идеи, *переданныя ему поколѣніями и составляющія общее достояніе человѣчества.* Его мысли *не принадлежатъ ему всецѣло*; зародыши ихъ онъ получилъ *отъ общества;* обнародуя ихъ, *онъ уплачиваетъ лишь свой долгъ обществу*».

Подобнаго же воззрѣнія держатся и составители проекта новаго уголовнаго уложенія. «Авторское право (комментарій къ ст. 546) отличается отъ авторства, какъ слѣдствіе отъ причины. Авторство есть *духовное внутреннее отношеніе* автора къ его творенію. Послѣднее всегда заключаетъ въ себѣ мысль, выраженную въ опредѣленной формѣ. Но разъ мысль высказана, она *становится общимъ достояніемъ*, *можетъ быть эксплуатируема и развиваема всѣми и каждымъ.* Хотя всѣ современныя законодательства цивилизованныхъ народовъ признаютъ авторское право, но исключительность его повсемѣстно *ограничивается въ видахъ общественныхъ интересовъ.* Оно ограничено по роду произведеній... Оно ограничено сроками, съ истеченіемъ которыхъ становится *общимъ достояніемъ*... Существованіе его поставлено въ зависимость и отъ различныхъ формальныхъ условій... Авторское право ограничено и по лицамъ... Наконецъ, *весьма существенныя* ограниченія авторскаго права вызываются *соображеніями общественной пользы*»...

Очевидно, что, въ виду именно этихъ новѣйшихъ воззрѣній на сущность авторскаго права проектомъ новаго уложенія нарушеніе этого права низведено изъ сферы «присвоенія» въ менѣе криминальную сферу «самовольнаго пользованія», а нарушителямъ его предназначена и несравненно легчайшая кара. Но и это—лишь одна изъ стадій будущаго юридическаго развитія института, которому пока такъ тѣсно въ отмежеванныхъ границахъ сосѣднихъ, но чуждыхъ ему вещныхъ, личныхъ и имущественныхъ правъ, и которому такъ несвойственна общая наслѣдственная преемственность, понимаемая внѣ его имущественной сферы, въ томъ доминирующемъ въ немъ духовномъ началѣ, которое не можетъ быть объектомъ личнаго и случайнаго произвола посторонняго автору лица, а составляетъ «достояніе всего общества». Блѣдную попытку выдѣлить этотъ элементъ изъ несвойственной ему сферы находимъ мы въ касс. рѣшеніи гражд. деп. прав. сен. 1870 г., № 798, по д. Стелловскаго, въ которомъ разъяснено, что «всякое произведеніе сообщаетъ авторамъ равныя права, какъ личныя, такъ и имущественныя, личныя—*не наслѣдственны и не могутъ существовать безъ существованія автора;* очевидно, что такого рода права, ограниченныя личностью автора, никакъ не могутъ входить въ составъ его имущественныхъ правъ на сочиненіе»... Право распорядиться рукописью, т. е. напечатать ее, удержать въ тайнѣ, или уничтожить,—личное право автора, его наслѣднику въ идеѣ своей не передаваемое и, какъ полученное «въ духовной преемственности поко-

лѣній», «коренящееся въ прошедшемъ», эксплуатируемое и развиваемое всѣми и каждымъ» можетъ принадлежать лишь всему обществу, допуская въ наслѣдникѣ, или иномъ фактическомъ обладателѣ рукописи *лишь срочное право имущественнаго вознагражденія*. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность наблюдать лишь первые шаги дѣйствующаго законодательства къ этому конечному порѣшенію разсматриваемаго юридическаго вопроса.

Эти первые шаги идутъ, слѣдовательно, совершенно въ противоположную сторону отъ той, въ которой автору «Нарушенія воли» хотѣлось бы удержать поставленный имъ вопросъ. Юридическія воззрѣнія на сущность его въ своемъ послѣдовательномъ развитіи отводятъ все большее и большее мѣсто публичному элементу въ природѣ авторскаго права, сжимаютъ его со всѣхъ сторонъ и все больше и больше «нарушаютъ волю» обладателя его. Это — единственный отвѣтъ на обращенный къ «компетентнымъ юристамъ» вопросъ защитника этой «воли». Затѣмъ, если попристальнѣе вглядѣться въ его аргументацію, то нельзя не убѣдиться въ ея неустойчивости даже въ собственномъ сознаніи автора. Симпатіи его клонятся къ безусловному воспрещенію оглашенія посмертныхъ рукописей, но, уступая собственному художественному чувству, онъ невольно впадаетъ въ противорѣчія: оберегая личные интересы автора, онъ допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ произвольное хозяйничанье чужой руки въ его манускриптахъ, допускаетъ рѣшеніе вопроса объ ихъ общественномъ интересѣ, допускаетъ сокращенія и цензуру, нерѣдко искажающую смыслъ рукописи, т. е. драгоцѣннѣйшую изъ авторскихъ прерогативъ. Жалуясь на обиліе оглашаемыхъ печатью рукописей и писемъ умершаго автора, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ констатируетъ и «ропотъ публики» на своевольство такого оглашенія; между тѣмъ, это обиліе совершенно устраняетъ законность такого ропота: если бы подобными изданіями не интересовалось общество, если бы наслѣдники или обладатели не спѣшили въ доставкѣ ему матеріала, находящагося въ ихъ распоряженіи, мы, разумѣется, не могли бы наблюдать и обилія посмертныхъ изданій. Требуя, затѣмъ, общественнаго суда и цензуры для посмертныхъ изданій съ цѣлью оградить живыхъ лицъ отъ диффамаціи, онъ игнорируетъ то обстоятельство, что вѣдь съ этою же цѣлью слѣдовало бы требовать подобнаго же контроля и для произведеній авторовъ, находящихся въ живыхъ, потому что смерть въ этомъ отношеніи является случаемъ, не имѣющимъ никакого вліянія на то или иное рѣшеніе вопроса, между тѣмъ, какъ этотъ контроль существуетъ лишь для подцензурныхъ изданій. «Какъ тѣло писателя, замѣчаетъ онъ наконецъ, дѣлается добычею анатомическаго ножа для опредѣленія болѣзни, или для судебной медицины, и оно потомъ предается землѣ и истлѣваетъ; такому же процессу хотятъ подвергнуть и духъ писателя, его безплотный нравственный организмъ, совершаютъ насиліе надъ его умомъ, волей и сердцемъ!» Но вѣдь этотъ упрекъ прежде всего слѣдуетъ обратить къ тому, кто, приравнивая «безплотный духъ» къ

«истлѣвающему тѣлу», требуетъ «преданія землѣ» всѣхъ проявленій этого духа, о судьбѣ которыхъ помѣшала высказаться смерть его носителя, и которыя, какъ нетлѣнное достояніе живаго общества, какъ продуктъ его, не умираютъ съ тѣломъ, а живутъ на пользу и благо потомства. Ни загробный «умъ», ни загробная «воля», ни загробное «сердце» не могутъ ни мѣшать этому «свершающемуся» жизненному процессу, ни страдать отъ него, потому что ни такого ума, ни такой воли, ни такого сердца въ средѣ его не существуетъ и существовать не можетъ.

«Оставимъ мертвымъ хоронить ихъ мертвецовъ» и позаботимся о живыхъ. Главнѣйшій интересъ поднятаго, *не съ той только стороны*, вопроса сосредоточивается въ томъ положеніи, въ которое наше современное законодательство ставитъ *умственное общественное достояніе*, подчиняя его *произволу и имущественнымъ разсчетамъ случайной единоличной, зачастую вовсе не компетентной иниціативы* и признавая за послѣднею безграничное право распоряжаться этимъ общественнымъ достояніемъ въ теченіе долгаго, полувѣковаго періода, въ который и напечатанное, а тѣмъ болѣе, рукописное, можетъ легко совершенно исчезнуть и, такимъ образомъ, нанести непоправимый ущербъ духовнымъ интересамъ общества, отнявъ у него то, что лучшими юристами-мыслителями признается его законно унаслѣдованною собственностью.

Подобное, можно сказать, унизительное положеніе сложилось факторами весьма грубаго свойства. Оно напоминаетъ Прометея, прикованнаго къ скалѣ. Почти въ каждой изъ щедро разсыпанныхъ по страницамъ Свода статей, трактующихъ объ авторскомъ правѣ, «звонъ презрѣннаго металла» заглушаетъ звуковую гармонію инаго порядка, къ которой искони привыкло прислушиваться человѣчество въ прирожденномъ стремленіи своемъ къ идеаламъ добра, свѣта и красоты. Подробнѣйшая квалификація отношеній цѣлаго ряда кормящихся отъ авторскаго гонорара лицъ къ оставшемуся внѣ литературнаго рынка наслѣдію автора, детальнѣйшая разцѣнка дозволяемыхъ и воспрещенныхъ заимствованій, перепечатокъ, компиляцій, воспроизведеній и т. д.—и ни слова въ охрану той, «*отвлеченной собственности*» [1], право на которую, если не всецѣло, то на равную съ авторомъ половину,—непремѣнно за обществомъ. Подобная охрана, скажутъ намъ, не въ задачахъ закона;— но наши гражданскіе законы охраняютъ далеко не одни имущественные интересы гражданъ, и «не о единомъ хлѣбѣ живъ человѣкъ». Законодательство, повелѣвающее «любить жену, какъ собственное свое тѣло», обязывающее родителей «обращать все свое вниманіе на нравственное образованіе дѣтей», а послѣднихъ—«оказывать имъ чистосердечное почтеніе, послушаніе, покорность и любовь», не можетъ быть заподозрѣно въ преслѣдованіи однихъ только матеріальныхъ цѣлей. Допустимъ, что

1) Такъ озаглавленъ раздѣлъ VII въ „Сборникѣ гражданскихъ законовъ“, изданномъ редакціонною коммиссіею по составленію новаго гражданскаго уложенія.

положительнымъ постановленіямъ въ этомъ направленіи и не мѣсто въ кодексѣ; но отсюда еще очень далеко до признанія за нимъ *отрицательной* въ этомъ отношеніи компетентности:—не охраняй самъ, но не мѣшай дѣлать это другимъ, не ставь барьеры, и срочные и личные, не оттѣсняй *законнаго* собственника, не учреждай преемственности въ сферѣ личнаго, *не наслѣдуемаго* права и т. п. препонъ и загражденій, отовсюду обступившихъ пока это духовное наслѣдіе, эту «отвлеченную собственность».

Она ждетъ своей эмансипаціи. За наслѣдниками автора — безспорное право на вознагражденіе, но за обществомъ — столь же безспорное право «*обязательнаго выкупа*» своего «*родоваго*» достоянія. Пусть это *имущественное* право и остается за наслѣдникомъ, но не можетъ оставаться за нимъ та «крѣпостная зависимость», въ которой держитъ онъ *духовную* личность умершаго автора, живую въ своихъ твореніяхъ и томящуюся въ полувѣковой кабалѣ у личной прихоти, каприза, алчности, самодурства или невѣжества своего полноправнаго властелина. Здѣсь нуженъ «мировой посредникъ», нужна «уставная грамота», которая въ случаѣ отсутствія «добровольнаго соглашенія» могла бы опереться на положительный законъ и именемъ его размежевать хаотическую пока общность единоличнаго имущественнаго и общественныхъ духовныхъ интересовъ. Подготовка почвы для такого закона стоитъ на очереди, а насущность потребности въ немъ растетъ и растетъ быстро, по мѣрѣ столь же быстраго и прогрессирующаго накопленія интеллектуальныхъ капиталовъ общества. Разработка матеріала, который могъ бы лечь въ основаніе пересмотра отживающихъ законоположеній, составляетъ задачу юридическихъ и литературныхъ обществъ. Надо полагать, что они не замедлятъ откликнуться на поставленный нашимъ знаменитымъ писателемъ юридическій вопросъ; надо полагать и то, что отвѣтъ не будетъ соотвѣтствовать его ожиданіямъ.

П. Н. Обнинскій.

ЗАКОНЪ, ЖИЗНЬ И ОБЫЧНОЕ ПРАВО.

(Къ вопросу о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ).

Между крестьянами подворнаго владѣнія за послѣднее время все болѣе и болѣе рѣзко обнаруживается движеніе, которое можетъ быть названо «земельнымъ сутяжничествомъ». Возникнувъ чуть ли только не вчера, явленіе это теперь приняло уже настолько большіе размѣры, что крестьянскими земельными дѣлами завалены и волости, и окружные суды губерній подворнаго владѣнія. Положительно невозможно указать ни одного селенія, свободнаго отъ крестьянско-аграрныхъ непріятностей, а до какой степени распространенности «непріятности» эти доходятъ, можно судить уже по тому одному факту, что вовсе не рѣдкость волости, въ судебныхъ книгахъ которыхъ земельныя дѣла доходятъ до тридцати пяти процентовъ всѣхъ, разобранныхъ въ году процессовъ.

Причина возникновенія и роста указаннаго явленія ясна. Съ одной стороны, народонаселеніе деревень быстро увеличивается, а, съ другой, земли въ его распоряженіи остается столько же, сколько дано ему въ моментъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Вліяніе крестьянскаго банка и частныхъ земельныхъ покупокъ, въ смыслѣ уменьшенія земельно-деревенскихъ распрей, совершенно незамѣтно. Обстоятельства складываются обыкновенно такъ, что при помощи банка, а тѣмъ болѣе путемъ частныхъ покупокъ, земля достается въ руки тѣхъ крестьянъ, которые въ ней наименѣе нуждаются, достается въ руки деревенскихъ «богачей», людей и безъ того въ земельномъ отношеніи довольно обезпеченныхъ; деревенская же бѣднота принуждена довольствоваться кусочками «надѣловъ». И вотъ теперь, спустя двадцать восемь лѣтъ послѣ освобожденія, нужда среди массы крестьянъ въ землѣ сдѣлалась уже настолько очевидной, что, при сохраненіи прежнихъ условій обработки почвы, явилась необходимость погони за земельными участками, необходимость оттягиванья такихъ участковъ у родственниковъ путемъ суда. «Сутяжничество» ростетъ и этотъ ростъ, способствуя развитію въ селахъ между крестьянъ

янами взаимнаго озлобленія, доходящаго очень часто до кровавыхъ столкновеній, въ то же самое время, благодаря причинамъ, указаннымъ ниже, грозитъ созданіемъ такой земельной путаницы, которую потомъ едва ли удастся скоро и благополучно расхлебать. Какъ это ни странно, но возникновенію грядущей путаницы помогаетъ самъ дѣйствующій нынѣ крестьянско-земельный законъ. Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ. При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости крестьяне подворнаго владѣнія получили два рода надѣловъ: двойной («паровой») и ординарный («пѣшій»). Двойной надѣлъ получило незначительное меньшинство, еще «за пановъ» принадлежавшее къ разряду зажиточныхъ, являвшихся на обязательныя экономическія работы не пѣшкомъ, а съ своимъ скотомъ, пѣшій же надѣлъ достался всей остальной массѣ крестьянства. Этотъ послѣдній надѣлъ, заключающій въ себѣ, примѣнительно къ различнымъ мѣстностямъ, различное количество земли (отъ 3 до 6 десятинъ на ревизскую душу), признанъ былъ *только достаточнымъ* для обезпеченія казенныхъ и общественныхъ платежей, лежащихъ на отведенномъ въ надѣлѣ участкѣ, а также и для личныхъ нуждъ данной семьи. Въ виду этого, законъ запретилъ раздробленіе пѣшаго участка на болѣе мелкія земельныя единицы, чтобы такимъ раздробленіемъ не ослаблять экономическую силу крестьянской семьи. Очевидно, что, устанавливая такое правило, законъ, тѣмъ самымъ, подразумѣвалъ и нераздробленіе той крестьянской семьи, въ надѣлъ которой данный участокъ отведенъ. Предполагалось, что со временемъ, не смотря на количественный ростъ семей, онѣ всетаки будутъ представлять собою одно недѣлимое цѣлое и будутъ общими силами воздѣлывать свою землю, также остающуюся въ неприкосновенномъ видѣ. Однако же на дѣлѣ это предположеніе закона оказалось совершенно ошибочнымъ, ибо настоящее время застаетъ въ подворномъ владѣніи не большія, тѣсно сплоченныя семейства, а массу мелкихъ семей, на которыя раздробились увеличившіяся количественно семьи крѣпостнаго періода. Требованія закона (кстати будь сказано, довольно неясно изложенныя) о недѣлимости крестьянскихъ семей встрѣтились съ издавно укоренившейся привычкой почти немедленно вслѣдъ за свадьбой выдѣлять женатаго сына на самостоятельное хозяйничанье, и обычай одолѣлъ, тѣмъ болѣе, что слѣдить за строгимъ соблюденіемъ закона было некому. Эта раздробленность семей вызвала также, какъ непремѣнное слѣдствіе, и раздробленность земельныхъ крестьянскихъ участковъ. Рядомъ съ малыми семьями, настоящее время застаетъ также и крайнюю фактическую раздробленность надѣловъ. Однако же законъ, по прежнему, не знаетъ того, что создала жизнь, и всѣ эти мелкіе участки, на которые порѣзаны бывшіе «пѣшіе» надѣлы, оказываются явленіемъ незаконнымъ, явленіемъ контрабанднымъ. По прежнему, законъ знаетъ лишь тотъ нераздробленный участокъ, который данъ былъ крестьянину 19 февраля 1861 года, и предполагаетъ, что этотъ участокъ и въ настоящее время находится въ нераздѣльномъ пользованіи недѣлившейся

крестьянской семьи. Такимъ образомъ, земельный законъ и земельная жизнь подворнаго владѣнія находятся въ полномъ противорѣчіи, и чѣмъ дальше, тѣмъ это противорѣчіе все болѣе и болѣе усиливается, ибо фактическая дробность крестьянскихъ надѣльныхъ участковъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе прогрессируетъ. Разъ существуетъ и растетъ явленіе,—стремленіе къ немедленнымъ выдѣламъ женатыхъ сыновей изъ состава семейства,—обусловливающее раздробленность участковъ, то, само собою разумѣется, не можетъ не быть и этого послѣдняго. И здѣсь, какъ это ни странно, приходится констатировать, что если законъ игнорируетъ фактъ крайней наличной земельной раздробленности въ мѣстностяхъ подворнаго владѣнія, если законъ продолжаетъ считаться съ земельной фикціей (неприкосновенность надѣла) и поддерживаетъ ее, то законъ же и даетъ возможность крестьянскимъ семьямъ подворнаго владѣнія дробить свои земли не только de jure, но и de facto. Правда, помогаетъ этому дѣлу не тотъ законъ, который признаетъ земельную недѣлимость, но фактъ отъ этого всетаки не перестаетъ быть фактомъ.

Происходитъ это законное покровительство земельному дробленію въ силу особенностей, присущихъ крестьянскому судопроизводству, и происходитъ такимъ путемъ. Въ первое время по освобожденіи крестьянъ, когда семьи увеличивались незначительно и когда женатыхъ сыновей, требующихъ, по обычаю, немедленнаго выдѣла, было немного, фактическое дробленіе «пѣшихъ» участковъ хотя и происходило, но крестьянскому суду вмѣшиваться въ это дѣло не представлялось надобности. Отцы, за которыми записаны были надѣлы по уставной грамотѣ, по собственной волѣ и охотѣ выдѣляли женатымъ сыновьямъ и замужнимъ дочерямъ (при извѣстныхъ условіяхъ) тотъ или иной кусокъ поля или усадьбы и выдѣляли не въ видѣ *права* на полученіе извѣстной части урожая, соотвѣтствующей выдѣленному количеству земли, а натурою, землею. Не смотря на категорическое запрещеніе закона, отцы дробили «пѣшій» надѣлъ между своими дѣтьми, не спрашивая же это ни у кого ни разрѣшенія, ни согласія. Но вотъ старики, законные владѣльцы надѣловъ, начали вымирать и тогда то между ихъ наслѣдниками возникли раздоры за наслѣдственное земельное имущество, тогда то къ урегулированію этихъ раздоровъ и призванъ былъ волостной, а потомъ окружный судъ. И чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше представителей крѣпостнаго поколѣнія крестьянъ сходило въ могилу и чѣмъ тѣснѣе дѣлалось жить для оставшихся въ живыхъ, тѣмъ земельные споры дѣлались все болѣе частыми, все болѣе запутанными и тѣмъ чаще пришлось прибѣгать къ компетенціи суда. А этотъ судъ, состоящій изъ тѣхъ же крестьянъ, не смотря на запрещеніе закона, санкціонировалъ, да и теперь санкціонируетъ дробленіе пѣшихъ надѣловъ, при чемъ, для того, чтобы, нарушая духъ, требованіе закона, не нарушить его буквы, не сдѣлать свои рѣшенія фактически недѣйствительными, волостной судъ поступаетъ такъ: зная хорошо, что спорная земля раздробляется между спорящими сторо-

нами фактически, на самомъ дѣлѣ, при посредствѣ разграничительныхъ мѣръ, волостной судъ въ своихъ рѣшеніяхъ никогда не высказываетъ этого открыто. Онъ никогда не говоритъ, что такая то спорная земля дѣлится между участвующими въ спорѣ крестьянами на такія то части; онъ говоритъ, что такіе то крестьяне *признаются участниками* въ такихъ то доляхъ въ пользованьи такой то землей. Такимъ образомъ, волостные суды, стремясь не нарушить явно законъ, требующій нераздѣльности пѣшихъ земельныхъ участковъ и, въ то же самое время, исполнить требованіе наслѣдниковъ, клонящееся къ этому раздробленію, создали фикціею общаго совмѣстнаго владѣнія наслѣдственной землей всѣми наличными членами данной семьи, чего въ дѣйствительности совершенно нѣтъ. А отсюда уже создается такое положеніе: съ одной стороны, законъ видитъ въ каждомъ пѣшемъ земельномъ участкѣ нѣчто недѣлимое, находящееся *въ общемъ пользованіи* всей семьи того крестьянина, за которымъ участокъ этотъ записанъ по уставной грамотѣ, а, съ другой, вся эта земля, на самомъ дѣлѣ, подѣлена на мелкіе куски и каждый изъ наслѣдниковъ перваго владѣльца пользуется и распоряжается *своимъ* участкомъ вполнѣ самостоятельно, по собственному усмотрѣнію. De jure сила подворнаго владѣнія состоитъ изъ цѣлыхъ, нераздѣльныхъ семействъ, какъ записаны они двадцать восемь лѣтъ тому назадъ въ люстраціонныхъ актахъ, въ дѣйствительности же всѣ эти семьи раздробились на мелочь, существующую вполнѣ самостоятельно и независимо отъ своихъ ближайшихъ родственниковъ и *совладѣльцевъ* по закону.

Крупныя неудобства такого положенія вещей очевидны сами собою. Недоразумѣнія или фикціи въ такомъ въ высшей степени серьезномъ дѣлѣ, какъ дѣло аграрное, рано или поздно, но неизбѣжно должны будутъ привести къ очень печальнымъ послѣдствіямъ, хотя уже въ силу того одного обстоятельства, что фикція вводитъ въ земельный вопросъ элементъ неустойчивости и ставитъ его въ зависимость отъ многихъ случайныхъ причинъ и обстоятельствъ. Въ данномъ случаѣ, весьма серьезная опасность заключается въ томъ обстоятельствѣ, что каждый нынѣшній фактическій владѣлецъ извѣстнаго земельнаго участка въ подворномъ владѣніи считаетъ себя полнымъ собственникомъ его и самый участокъ—своимъ неотъемлемымъ владѣніемъ. Между тѣмъ, по закону, это совсѣмъ не такъ, ибо данный участокъ земли составляетъ для даннаго же крестьянина предметъ не владѣнія, а только пользованія, и это пользованіе, сплошь и рядомъ, является полная возможность нарушить въ интересахъ другаго лица путемъ приговора волостнаго суда, какъ это мы увидимъ ниже. Эта неустойчивость владѣнія и даетъ поводъ къ возникновенію массы земельныхъ дѣлъ, носящихъ на себѣ явственный отпечатокъ сутяжничества, вносящаго путаницу въ рѣшенія волостныхъ судовъ. Согласно 18 ст. положенія о правахъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, «въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями»,

но въ томъ то и дѣло, что относительно наслѣдованія земли въ мѣстностяхъ подворнаго владѣнія *обычая до настоящаго времени не выработалось*, да и не могло выработаться. Въ періодъ крѣпостной зависимости земля находилась не во владѣніи, а въ пользованьи крестьянъ, и ею, примѣнительно къ наслѣдникамъ, распоряжался помѣщикъ, а не крестьянинъ. Такимъ образомъ, только теперь, когда крестьяне сдѣлались полноправными распорядителями своей недвижимой собственности, является возможность выработки обычая. Между тѣмъ волостной судъ, къ рѣшенію котораго прибѣгаютъ спорящіе за землю крестьяне, ставитъ свой приговоръ опять таки на основаніи обычая, т. е. того самаго, чего въ мѣстностяхъ подворнаго владѣнія еще нѣтъ. Въ виду этого мы въ данный моментъ имѣемъ возможность наблюдать полную шаткость въ рѣшеніяхъ волостнаго суда по совершенно аналогичныхъ дѣламъ, а эта шаткость, понятно, не можетъ не вносить еще большей путаницы въ дѣло, настоятельно требующее возможно болѣе полнаго регулированія.

Вотъ примѣры изъ практики л—скаго волостнаго суда, который, въ качествѣ пріятнаго исключенія, можетъ быть поставленъ внѣ какихъ бы то ни было подозрѣній въ подкупѣ. Авторъ лично тщательно слѣдилъ за дѣятельностью этого суда, распрашивалъ о немъ крестьянъ, имѣвшихъ дѣла, и никогда не натолкнулся даже на намекъ о подкупѣ, слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ совѣстью и воззрѣніемъ судей. Крестьянка д. Фаткеевки, Кіевской губ., Липовецкаго у., Ирина Касюкова жаловалась волостному суду на своихъ родныхъ братьевъ Василія и Вакулу Голодовъ, требуя, чтобы они дали ей четверть пѣшаго полеваго надѣла. По дѣлу обнаружилось, что Ирина 20 лѣтъ тому назадъ вышла замужъ, совершенно выдѣлена была изъ семьи и никогда никакого участія въ дѣлахъ его не принимала. Десять лѣтъ тому назадъ умеръ отецъ истицы безъ завѣщанія, и весь надѣлъ перешелъ къ ея роднымъ братьямъ, которые и раздѣлили его пополамъ. Въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ Ирина никакой претензіи къ братьямъ не имѣла и только теперь предъявила къ нимъ искъ, основанный, главнымъ образомъ, на томъ, что она вдова-солдатка, не имѣетъ земельной собственности и потому требуетъ себѣ часть «батьковщины». Судъ исполнилъ ея требованіе. Затѣмъ, нѣсколько времени спустя, тотъ же самый судъ слушалъ жалобу крестьянки д. Славной Евдокіи Кровчуковой, по мужу Стерновой, на своего роднаго брата, Прокопа Кровчука. И здѣсь точно также обнаружилось, что Евдокія 26 лѣтъ тому назадъ выдана была замужъ и выдѣлена изъ семьи. Десять лѣтъ тому назадъ умеръ ея отецъ и наслѣдство все перешло къ брату. Теперь Евдокія требовала, чтобы ей, какъ дочери покойнаго Кровчука, судъ присудилъ половину наслѣдственной земли, но судъ призналъ ея претензію неосновательной и въ искѣ отказалъ. Точно также, напр., крестьянка д. Нападовки Екатерина Мрожчукова, по мужу Олянина, жаловалась л—скому волостному суду на брата своего, Ивана Мрожчука, требуя отъ него 2 морга (моргъ=1317 кв. саж.) на-

слѣдственной земли. По дѣлу обнаружилось, что Екатерина, послѣ смерти отца, осталась малолѣтней и жила при братѣ, наслѣдовавшемъ отцовское имущество, затѣмъ вышла замужъ и теперь предъявила къ брату искъ. Отвѣтчикъ, выражая нежеланіе удовлетворить претензію сестры, сказалъ, что Екатерина, живя у него и пользуясь его содержаніемъ, работала исключительно на себя; затѣмъ, что онъ выдалъ ея замужъ на свои собственныя средства, израсходовавъ на это 85 р., далъ сестрѣ въ приданое 2 кожуха (шубы), 2 свитки и 3 ягнятъ. Судъ призналъ, что эти расходы вполнѣ окупили стоимость слѣдуемаго Екатеринѣ наслѣдства, и въ искѣ ей отказалъ. А вотъ и еще процессъ изъ той же категоріи. Крестьянка д. Лукашевой Ксенія Нештова жаловалась на своего брата, Ивана Криворуку, требуя отъ него части наслѣдственной земли. По дѣлу она показала, что послѣ смерти ея отца, Григорія Криворуки, умершаго 17 лѣтъ тому назадъ, остался пѣшій земельный участокъ. Такъ какъ всей наслѣдственной землей завладѣлъ братъ, то она проситъ судъ признать и ея наслѣдственныя права. Отвѣтчикъ показалъ, что 30 лѣтъ тому назадъ сестра его вышла замужъ, была совершенно выдѣлена изъ семьи и не принимала съ тѣхъ поръ въ семейныхъ дѣлахъ никакого участія. Но судъ всетаки призналъ наслѣдственныя права Ксеніи и удовлетворилъ ея искъ. Тотъ же самый судъ разобралъ дѣло по жалобѣ крестьянки дер. Свитки Анны Недзѣльской на роднаго брата своего, крестьянина д. Струтинки, Акима Хрѣнова, за наслѣдственную землю. По дѣлу обнаружилось, что послѣ смерти отца жалобщицы, послѣдовавшей 16 лѣтъ тому назадъ, остался пѣшій земельный участокъ. Наслѣдниками къ этой землѣ состоятъ: она, жалобщица, ея братъ Акимъ и двѣ замужнія сестры, Прасковья и Феодора. Но за часть наслѣдственной земли сестры Феодоры братъ уплатилъ деньгами, другая замужняя сестра отказалась отъ своей части, предоставивъ ее тому же брату, она же, жалобщица, требуетъ, чтобы ея часть была ей выдѣлена. Отвѣтчикъ заявилъ, что его отецъ еще при жизни своей отдалъ землю въ наемъ за 80 р. и, кромѣ того, онъ былъ долженъ въ общественный хлѣбный магазинъ 38 р., а когда отецъ умеръ, то всѣ эти долги пришлось платить ему одному. Но такъ какъ онъ не имѣлъ для этого средствъ, то и нанялъ все свое поле на 35 лѣтъ для удовлетворенія долговъ отца. Землею теперь онъ не пользуется и до окончанія срока найма осталось еще 20 лѣтъ, но все таки онъ уплачиваетъ изъ своихъ средствъ всѣ слѣдуемыя съ той земли повинности. И судъ, основываясь на томъ, что Анна не была участницей въ уплатѣ отцовскихъ долговъ, въ искѣ ея отказалъ, не обращая вниманія на то, что долги уплачены не братомъ, а, такъ сказать, самой наслѣдственной землей. Точно также крестьянка д. Нападовки Дарья Власюкова жаловалась л—скому волостному суду на брата своего за наслѣдственную землю. По дѣлу обнаружилось, что отецъ ея умеръ въ прошломъ году и всей землей завладѣлъ братъ. Отвѣтчикъ заявилъ, что онъ на свои средства похоронилъ отца и сестру и что послѣ смерти

отца остался долгъ въ 120 руб. Судъ и здѣсь отказалъ въ искѣ. Крестьянка д. Свитки вдова Марья Зелинская жаловалась на своихъ братьевъ Григорія и Ефима Дрополюковъ за наслѣдственную усадьбу. Отецъ умеръ 14 лѣтъ тому назадъ, а сама она изъ семьи выдѣлена. Судъ присудилъ ей четверть отцовской усадьбы. Крестьянка г. Липовца Марфа Черенюкова жаловалась на брата своего Ивана. Обстоятельства дѣла таковы. При освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Иванъ и Марфа были несовершеннолѣтними, но земельный участокъ все таки былъ записанъ за Иваномъ. 15 лѣтъ тому назадъ Марфа ушла изъ дома и съ тѣхъ поръ никакого участія въ семейныхъ дѣлахъ не принимала, теперь же требуетъ отъ брата четверти полеваго надѣла. Судъ призналъ ея требованіе основательнымъ и удовлетворилъ его.

Еще примѣръ. Крестьянка д. Паріевки, Андрушевской волости, Екатерина Сенчукова, по мужу Бадовская, подала л—кому волостному суду жалобу на роднаго брата, крестьянина д. Нападовки, Кирила Сенчукъ, требуя отъ него часть наслѣдственной земли. Отецъ истицы умеръ 17 лѣтъ тому назадъ и оба они съ братомъ остались малолѣтними. Затѣмъ, 13 лѣтъ тому назадъ, она ушла на службу въ с. Паріевку, гдѣ и вышла замужъ: теперь она проситъ или третью часть наслѣдственной земли, или 70 р. с. деньгами. Отвѣтчикъ указалъ на то, что вскорѣ послѣ смерти отца сестра ушла изъ дому, зарабатывала деньги исключительно въ свою пользу и ничѣмъ не помогала ему, тогда какъ онъ отбывалъ всѣ лежащія на землѣ повинности. Кромѣ того, истица живетъ не только въ другомъ селѣ, но даже и въ другой волости, и пользуется, по мужу, полнымъ земельнымъ надѣломъ. И однако же судъ призналъ претензію Бадовской заслуживающей уваженія и присудилъ въ ея пользу съ брата 30 р. с.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ приведенныхъ рѣшеній ясно видно, что въ своихъ приговорахъ л—скій волостной судъ не руководствуется никакой опредѣленной идеей, и что никакихъ прочныхъ, незыблемыхъ «обычныхъ» нормъ здѣсь нѣтъ. Судъ ставитъ свои приговоры, основываясь на массѣ разнаго рода случайностей, рѣшительно не поддающихся нормировкѣ, а часто и по совершенно аналогичнымъ дѣламъ выноситъ діаметрально противоположные вердикты. Эта случайность, это отсутствіе опредѣленныхъ нормъ и является одной изъ существеннѣйшихъ причинъ возбужденія крестьянами земельныхъ исковъ, часто не имѣющихъ никакого законнаго основанія, каковы, напр., иски дѣтей къ родителямъ и внуковъ къ дѣтямъ о прижизненномъ выдѣлѣ имъ извѣстныхъ участковъ земли. Иски такого рода чрезвычайно характерны, и я считаю необходимымъ, для характеристики направленія волостныхъ судовъ, привести здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ. Л—скій волостной судъ разбиралъ дѣло по жалобѣ крестьянки Росоши Меланіи Карноуховой и мужа ея Дмитрія Карноухова на отца послѣдняго Луку Карноухова «за недопущеніе ихъ въ пользованьи земельнымъ участкомъ» (обычная формула волостныхъ

судовъ, скрывающая въ себѣ требованіе фактическаго выдѣла). Жалобщики показали, что шесть лѣтъ тому назадъ Дмитрій Карноуховъ женился на Меланіи, и они поселились вмѣстѣ у отца Дмитрія. Спустя семь недѣль послѣ свадьбы, отецъ, «неизвѣстно съ какого повода», началъ прогонять Дмитрія изъ дому, вслѣдствіе чего онъ ушелъ на заработки въ Бессарабію, гдѣ и прожилъ 6 лѣтъ. Жена его въ это время жила у свекра. Возвратился изъ Бессарабіи Дмитрій въ ноябрѣ 1887 года, но отецъ не принялъ его къ себѣ, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ былъ жить съ женою у родственниковъ и сосѣдей. Онъ одинъ сынъ у отца и потому требуетъ, чтобы отецъ выдѣлилъ ему часть своего надѣла теперь же. Отвѣтчикъ показалъ, что сынъ его выходитъ изъ повиновенія, не слушаетъ его хозяйственныхъ распоряженій, нападаетъ на его вторую жену, старается вытѣснить ее изъ семьи. Онъ не желаетъ раздроблять своего надѣла и предлагаетъ сыну, если угодно, работать сообща, на одно хозяйство. Кромѣ того онъ заявилъ, что во время отсутствія мужа невѣстка его «вела себя не честно», и имѣла даже ребенка, а такъ какъ онъ имѣлъ долги, а сынъ ему не помогалъ, то онъ и вынужденъ былъ половину своего надѣла отдать въ аренду. Маланья Карноухова показала, что причиною ухода на заработки ея мужа было то, что отецъ (свекоръ) полагалъ, что если мужъ уйдетъ, то онъ «склонитъ ее къ половымъ связямъ», что ей неоднократно и высказывалъ. Но она «на этотъ постыдный поступокъ» не соглашалась, почему свекоръ, «не успѣвъ въ своемъ преступномъ замыслѣ», прогоняетъ ихъ теперь съ мужемъ изъ дома и не даетъ земли. Волостной судъ единогласно опредѣлилъ признать Дмитрія Карноухова участникомъ въ $1/3$ части земельнаго участка его отца, при чемъ мотивировалъ свое рѣшеніе тѣмъ, что «при введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ надѣлена крестьянамъ земля на подворные участки и потому всѣ члены семейства имѣютъ право быть участниками въ пользованьи надѣленнымъ участкомъ, чего въ данномъ случаѣ Карноухъ не исполнилъ по отношенію къ своему сыну». Точно также, крестьянинъ д. Нападовки Данило Малюта жаловался на отца Михаила Малюту за недачу ему трети земельнаго участка. И здѣсь сынъ женился 4 года тому назадъ, потомъ начались въ семьѣ ссоры, и онъ требуетъ выдѣла. И судъ удовлетворилъ его требованіе, уменьшивъ лишь размѣръ выдѣляемаго участка земли съ $1/3$ до $1/4$.

Такимъ образомъ волостной судъ признаетъ за взрослыми дѣтьми право требовать отъ своихъ родителей, даже при ихъ жизни, уступки въ ихъ пользу извѣстнаго земельнаго участка, чего, какъ извѣстно, писанный законъ совершенно не допускаетъ и что, между прочимъ, не существуетъ, какъ обычай, среди крестьянъ подворнаго владѣнія. Здѣсь признается, что отецъ имѣетъ полное право распоряжаться своимъ земельнымъ участкомъ по собственному усмотрѣнію и что дѣти въ земельныя дѣла отца, при его жизни, мѣшаться никоимъ образомъ не могутъ. Выходитъ, что между обычаемъ и рѣшеніями волостнаго суда, основы-

вающимися на обычаѣ же, имѣется довольно существенное противорѣчіе. Это противорѣчіе еще болѣе рѣзко бросается въ глаза при тяжбахъ внуковъ съ дѣдами за выдѣлъ, при жизни послѣднихъ, извѣстныхъ земельныхъ участковъ. Въ этомъ отношеніи мною найдено въ книгахъ л—скаго волостнаго суда два довольно интересныхъ процесса, изъ которыхъ одинъ, помимо судебнаго значенія, не лишенъ также и извѣстнаго бытоваго интереса, такъ какъ въ немъ болѣе или менѣе точно обозначено экономическое положеніе средней крестьянской семьи подворнаго владѣнія.

Вотъ эти процессы.

Опекуны малолѣтнихъ сиротъ крестьянина д. Свитки Андрея Драполюка Тимофей Рѣшетникъ и Семенъ Кощукъ подали въ л—скій волостной судъ жалобу на дѣда сиротъ, Демьяна Драполюка, за наслѣдственную землю и имущество. Въ жалобѣ своей они объяснили, что отецъ сиротъ Андрей Драполюкъ, велъ отдѣльное хозяйство, и послѣ его смерти осталось движимое и недвижимое имущество, а именно: жилой домъ (хата), пара лошадей въ 30 р., три овчинныхъ тулупа, одинъ въ 8 р., другой въ 6 р. и третій въ 1 р. 50 к., двѣ свитки въ 10 р., нѣсколько мотковъ шерсти въ 5 р., корова съ теленкомъ въ 5 р., яловка 1 р., 5 овецъ — 3 р., ржи 4 копы, яроваго: овса 4 копы, ячменя 6 копъ. Все это имущество взялъ въ свое пользованье дѣдъ сиротъ, Демьянъ Драполюкъ. Да кромѣ того, въ пользованьи Демьяна Драполюкъ находится еще земельный надѣлъ, записанный за нимъ по уставной грамотѣ. Такъ какъ «участникомъ въ пользованьи» этой землей былъ умершій сынъ Демьяна Андрей, то опекуны и просятъ судъ признать наслѣдственныя права сиротъ какъ относительно движимаго, такъ и относительно недвижимаго имущества. Отвѣтчикъ заявилъ, что за проданныя лошади онъ взялъ 28 р., за одинъ тулупъ 6 р., за другой—1 р. 50 к., за свиту—5 р., за корову—5 р., за яловку—1 р., за 2 овцы—3 р., всего же продано имъ имущества сына на 59 р. 50 коп. Изъ этихъ денегъ онъ отдалъ опекуну Рѣшетнику 25 р., на похороны сына издержалъ 29 р., и осталось еще у него 5 р. 50 коп. Судъ, разсмотрѣвъ дѣло, призналъ сиротъ Андрея наслѣдниками земли, записанной за ихъ дѣдомъ и постановилъ приговоръ, выдѣляющій въ пользу сиротъ изъ земельнаго надѣла дѣда такой участокъ, какимъ пользовался сынъ его Андрей.

Другой, совершенно аналогичный искъ къ дѣду хотя и былъ точно также удовлетворенъ судомъ, но здѣсь въ рѣшеніи допущена легкая варіація. По этому дѣлу опекуны малолѣтняго Петра Грищенка жаловались суду на дѣда, Моисея Грищенка, и въ жалобѣ своей показали, что за Моисеемъ Грищенкомъ записанъ по выкупнымъ документамъ пѣшій земельный участокъ. Землей этой Грищенко пользовался съ своими сыновьями нераздѣльно, но когда умеръ отецъ сироты, Кондратъ Грищенко, то дѣдъ не пожелалъ принять внука въ совладѣльцы. Отвѣтчикъ на судъ

не явился «по упорству», а вмѣсто него явился дядя сироты Петра Анатолій, заявившій, что дать племяннику земли они не желаютъ. Судъ постановилъ такое рѣшеніе: «принимая во вниманіе, что за смертью Кондрата Грищенки остался малолѣтній сынъ его Петръ, имѣющій право быть участникомъ въ пользованіи наслѣдственною землею умершаго его отца, вмѣстѣ съ младшими братьями (дядями) и дѣдомъ Моисеемъ Грищенкомъ, но, принимая также во вниманіе, что сирота, по малолѣтству, не въ состояніи обрабатывать принадлежащую ему часть полевой земли и платить за нее выкупъ, единогласно опредѣлили: признать малолѣтняго Петра Грищенка участникомъ въ пользованіи одной третьей части пѣшаго земельнаго участка дѣда его Моисея, въ пользованіе которымъ онъ вступаетъ послѣ смерти дѣда и его жены, но до смерти ихъ Петръ Грищенко пользуется только 1 моргомъ сѣнокоснаго поля за уплату положеннаго выкупа».

Такимъ образомъ мы видимъ, что волостной судъ считаетъ возможнымъ дожизненный выдѣлъ наслѣдства, не обращая вниманія на то, кто формально считается полнымъ собственникомъ даннаго земельнаго участка. Эта ясно обнаруженная тенденція волостнаго суда повела къ тому, что возникли земельные иски не только къ отцамъ и дѣдамъ, но къ дядямъ, шуринамъ, къ женѣ брата и пр., и всѣ эти иски въ большинствѣ случаевъ судомъ были удовлетворены. Какъ на наиболѣе характерные изъ нихъ, считаю возможнымъ указать на слѣдующіе.

Крестьянка д. Нападовки Федосья Деркачова жаловалась л—скому волостному суду на дядю своего, Петра Деркача, требуя отъ него части владѣемой имъ земли. На судѣ обнаружилось, что Петръ Деркачъ пользуется не наслѣдственной землей, къ которой могла бы предъявить претензію истица, но что крестьянское общество само надѣлило его изъ своихъ запасныхъ земель. И, однако же, не смотря на это, судъ всетаки призналъ Федосью «участницей» въ пользованіи землей ея дяди.

Крестьяне д. Хорошей Иванъ и Никита Галаки жаловались л—скому волостному суду на дядю своего Федора Галака. Оказалось по дѣлу, что дѣдъ ихъ, владѣлецъ земельнаго участка по уставной грамотѣ, умеръ 12 лѣтъ тому назадъ и тогда же умеръ ихъ отецъ, а они сами никакого участія въ дѣлахъ оставшейся семьи не принимали. Судъ удовлетворилъ ихъ претензію и выдѣлилъ имъ половину Федоровой земли.

Въ л—скій волостной судъ поступила жалоба крестьянки д. Іогановки Елены Гедзовой, по мужу Цыбровской, на своего племянника, сына родной сестры своей, крестьянина Карпа Фтоменку, «за непризнаніе ее въ пользованіи половинною частью наслѣдственнаго земельнаго участка». По дѣлу обнаружилось, что при увольненіи отъ крѣпостной зависимости жалобщица жила при родной сестрѣ, вдовѣ Матренѣ Гедзовой. Отецъ ихъ умеръ за полгода до «воли», вслѣдствіе чего земельный участокъ его былъ записанъ за сестрой вдовой. Когда Елена выросла, то ушла на

службу къ чужимъ людямъ, а наслѣдственный участокъ остался въ пользованіи сестры, вышедшей вскорѣ замужъ за крестьянина Никиту Фтоменка и, проживъ съ мужемъ 3 года, умерла. Послѣ ея смерти земля перешла въ пользованіе ея свекра, Александра Фтоменки, который владѣлъ ею, пока не выросъ внукъ его Карпъ и теперь землей пользуется уже въ продолженіе 5 лѣтъ этотъ самый внукъ, а ея, жалобщицы, племянникъ Карпъ. Во весь этотъ промежутокъ времени жалобщица спорной землей не пользовалась и никакого участія въ дѣлахъ своей сестры и ея сына не принимала, находясь постоянно въ службѣ, теперь же требуетъ, чтобы племянникъ выдѣлилъ ей часть «батьковщины». По разсмотрѣнію дѣла, судъ, «основываясь на томъ, что по увольненіи отъ крѣпостной зависимости земельный участокъ сестеръ Матрены и Елены Гедзовыхъ, за смертью ихъ отца Кондрата Гедза, записанъ по выкупнымъ документомъ за Матреной, какъ за старшимъ членомъ въ семьѣ Гедза, при которой жила сестра ея Елена до поступленія на службу къ постороннимъ людямъ, единогласно опредѣлили: признать участниками земельнаго участка Матрены Гедзовой—Фтоменковой сына ея Карпа Фтоменка и сестру ея Елену Цыбровскую, съ тѣмъ, что Фтоменко пользуется всею усадьбой и $^2/_3$ полевой земли, а Цыбровская $^1/_3$ земли». Дальше мною приведены будутъ примѣры процессовъ, рѣшая которые волостной судъ рѣшительно не принималъ во вниманіе никакихъ легальныхъ правъ собственниковъ спорнаго участка земли и вовсе не признавалъ уставную грамоту за документъ, подтверждающій право владѣнія, теперь же я хочу привести три иска невѣстокъ къ свекрамъ, какъ доказательство того, насколько въ данный моментъ шатки взгляды волостнаго суда на совершенно однородныя явленія.

По первому дѣлу л—скому волостному суду жаловалась на свекра крестьянка города Липовца Евдокія Загородная. Мужъ ея, Леонтій Загородный, имѣлъ въ своемъ пользованіи отъ своего отца, Тимофея Загороднаго, половину пѣшаго надѣла, половину усадьбы, половину дома и кромѣ того ему лично принадлежали клуня (рига), сарай и погребъ. Дѣтей послѣ Леонтія Загороднаго осталось двое: дочь 10 лѣтъ и сынъ 1 года. Теперь свекоръ не даетъ жалобщицѣ ни полевой, ни усадебной земли и не позволяетъ также снести принадлежавшія ея мужу постройки, вслѣдствіе чего она рѣшительно не имѣетъ средствъ для содержанія дѣтей и уплатить 25 р. с. долга, сдѣланнаго для похоронъ мужа. Тимофей Загородный заявилъ суду, что земля принадлежитъ лично ему и записана за нимъ, почему онъ даетъ половину надѣла только послѣ своей смерти. Судъ постановилъ: «Отецъ не обязанъ при жизни раздроблять свой земельный надѣлъ (прямое противорѣчіе приведеннымъ выше рѣшеніямъ по искамъ къ дѣдамъ) и другое имущество, но принимая во вниманіе сиротъ и ихъ бѣдность, судъ опредѣляетъ, чтобы дѣдъ давалъ внуку до 10 лѣтъ по корцу ржи (6 пуд.) и по одной мѣркѣ пшеницы, проса, гречки и ячменя. По истеченіи 10-лѣтняго возраста опекуны внука принимаютъ въ свое завѣдываніе $^1/_4$ часть

усадебной и полевой земли Загороднаго (новое противорѣчіе высказанному выше принципу дожизненнаго нераздробленія).

Второе дѣло:

Л—скій волостной судъ разбиралъ жалобу солдатки м. Росоша Акулины Ходаковой на своего свекра по первому мужу, крестьянина Дмитрія Шумника, за наслѣдственную землю. Жалобщица объяснила, что она была замужемъ за сыномъ Шумника Захаріемъ, съ которымъ прижила дочь Анну, и затѣмъ Захарій умеръ, а она вновь вышла замужъ за солдата Ходака. Такъ какъ у Шумника, кромѣ Захарія, другихъ дѣтей нѣтъ, то она проситъ признать ея дочь «участницею въ пользованіи земельнымъ надѣломъ» свекра. Отвѣтчикъ не пожелалъ признать при своей жизни внуку «участницей», говоря, что самъ желаетъ пользоваться своей землей. Судъ постановилъ: «основываясь на томъ обстоятельствѣ, что за смертью Захарія Шумника, умершаго тому 8 лѣтъ, осталась дочь его Анна и что грунтовладѣлецъ дѣдъ Анны, Дмитрій Шумникъ, не принимаетъ ее участницей въ пользованьи половинной части земельнаго надѣла», судъ призналъ Анну «участницей» и удовлетворилъ просьбу ея матери.

Третье дѣло: тотъ же самый судъ разбиралъ жалобу крестьянки д. Славной Прасковьи Нужной на своего свекра Степана Нужнаго «за вытѣсненіе ея съ малолѣтнимъ дитемъ изъ дома». Жалобщица по дѣлу показала, что 12 лѣтъ тому назадъ она вышла замужъ за сына Степана Нужнаго Давида, «человѣка слабаго умственными способностями» и прижила съ нимъ дочь Татьяну. Теперь свекоръ выгоняетъ ее изъ дому и не даетъ ей содержанія для прокормленія ребенка. Отвѣтчикъ заявилъ, что его невѣстка «лѣнится работать, выходитъ изъ его повиновенія, наноситъ ему дерзости и зарабатываемыя ею деньги употребляетъ исключительно въ свою пользу. Всѣ ея дерзкіе поступки онъ извинялъ, между тѣмъ она по независящимъ отъ него причинамъ ушла изъ дому и требовала отъ него на прокормъ». Судъ «основываясь на томъ обстоятельствѣ, что невѣстка Нужнаго, Прасковья Нужная, не спокойнаго характера, безнравственной жизни, выходитъ изъ послушанія свекра, зарабатываемыя ею деньги не употребляетъ на общее хозяйство свекра, а исключительно въ свою пользу и, наконецъ, по независящимъ отъ свекра обстоятельствамъ ушла къ отцу, опредѣлилъ: предоставить Прасковьѣ Нужной перейти на жительство обратно къ своему свекру и быть ему покорной во всемъ, работая для общаго хозяйства, буде же она этого не пожелаетъ, то свекоръ не обязанъ содержать ее съ дочерью».

Такимъ образомъ, по тремъ, совершенно аналогичнымъ дѣламъ, мы имѣемъ предъ собой три разныя рѣшенія одного и того же волостнаго суда. По первому рѣшенію судъ отрицаетъ возможность дожизненнаго выдѣла земли въ пользу внука, но всетаки, въ концѣ концовъ, высказывается за такой выдѣлъ; по второму земля выдѣляется внуку безъ всякихъ разговоровъ, а по третьему внукъ оставляется на произволъ

судьбы и матеріальное обезпеченіе ея ставится въ зависимость отъ нравственности его матери, о чемъ въ двухъ предыдущихъ рѣшеніяхъ нѣтъ и рѣчи. Но, кромѣ этихъ способовъ рѣшенія исковъ къ свекрамъ, есть въ дѣлахъ л — скаго волостнаго суда и еще одинъ способъ, такъ сказать, денежный, по которому судъ, признавая права наслѣдства истца, въ то же самое время отклоняетъ просьбу о выдѣлѣ земли. Таковы, напримѣръ, два слѣдующія дѣла.

Крестьянка д. Нападовки Марія Калачникова жаловалась л—скому волостному суду на своего свекра, Фаддея Калачникова, при чемъ объяснила, что ея мужъ умеръ, оставивъ ея съ двумя дочерьми, для которыхъ она требуетъ участка изъ земли свекра. По дѣлу выяснилось, что у Фаддея Калачника, кромѣ умершаго сына, имѣется еще десять душъ дѣтей и потому судъ, признавая, что наличный надѣлъ Фаддея «едва можетъ быть достаточенъ для прокормленія своей семьи», присудилъ «на сиротъ» съ свекра 20 р. с., въ выдѣлѣ же земельнаго участка отказалъ. Второе дѣло изъ этой категоріи точно такое же. Крестьянка деревни Хорошей Марія Воронкова жаловалась л — скому волостному суду на своего свекра за «недопущеніе дочери ея, прижитой съ сыномъ отвѣтчика Карпомъ, участницей въ земельномъ надѣлѣ». И здѣсь также обнаружилось, что у свекра пѣшій надѣлъ и 13 душъ семьи, вслѣдствіе чего судъ, хотя и призналъ внучку «участницей», но въ выдѣлѣ земли отказалъ, «не желая раздроблять надѣла», и присудилъ истицѣ 40 р. с.

Такимъ образомъ, въ дѣло наслѣдованія внука послѣ дѣда, будетъ ли этотъ внукъ предъявлять претензію лично, или чрезъ опекуновъ, или же, наконецъ, отъ имени внука будетъ дѣйствовать мать, волостной судъ вноситъ элементъ непостоянства, элементъ личнаго взгляда. Точно такой же личный взглядъ мы можемъ замѣтить и при рѣшеніи судомъ наслѣдственныхъ дѣлъ инаго рода (наличность такого «взгляда» въ искахъ къ братьямъ отмѣчена мною выше). Такъ, напримѣръ, волостной судъ признаетъ, что наслѣдниками послѣ бездѣтнаго брата могутъ быть сестры, но въ то же самое время допускаетъ и нѣкоторыя изъятія изъ этого правила. Примѣръ. Крестьянка м. Росоша Варвара Воровская жаловалась л — скому волостному суду на мужа своей сестры, Ерофея Шлейчука за наслѣдственную землю. По дѣлу она показала, что послѣ смерти ея отца, Василія Шумника, умершаго 25 лѣтъ тому назадъ, остался пѣшій земельный участокъ. Наслѣдовали этотъ участокъ онъ съ сестрой Анной, по мужу Шлейчуковой, и пользовались этимъ имуществомъ безспорно. Теперь сестра ея умерла, не оставивъ послѣ себя прямыхъ наслѣдниковъ и ея участкомъ пользуется мужъ ея, Ерофей Шлейчукъ. Въ виду этого, она просила судъ заставить Шлейчука отдать ей наслѣдственную землю. Отвѣтчикъ пояснилъ суду, что когда онъ женился на Аннѣ, то земельный участокъ ея былъ нанятъ за 14 р. Деньги эти онъ уплатилъ изъ своихъ средствъ и взялъ поле въ свое

завѣдываніе. Кромѣ того на свадьбу онъ израсходовалъ до 50 р. и на похороны жены до 25 р., да во время ея болѣзни потратилъ на лѣкарства до 5 р. Въ виду этихъ расходовъ онъ проситъ судъ, чтобы ему выдѣлена была изъ жениной части 1 дес. 1551 саж. рабочей земли въ потомственное пользованіе. Судъ, принимая во вниманіе обстоятельства дѣла, призналъ Варвару наслѣдницей сестринаго имущества и въ то же время выдѣлилъ изъ этого наслѣдства въ пользованіе Шлейчука 2 морга (2,634 кв. саж.). Мотивировалъ это свое рѣшеніе судъ тѣмъ, что Шлейчукъ, «за выселеніемъ изъ усадьбы Шумника, останется совершенно безземельнымъ, имѣя на своемъ воспитаніи неспособнаго къ личному труду отца».

Затѣмъ, по второму аналогичному дѣлу, л—скій судъ разбиралъ жалобу родныхъ сестеръ крестьянокъ с. Свитки Матрены Бардановой, с. Хорошей Маріи Ганановой и с. Катенки Татьяны Цыбровской на жену умершаго ихъ брата, Алексѣя Магула, Анну Магулову за наслѣдственную землю и имущество. По дѣлу истицы показали, что послѣ смерти ихъ роднаго брата остался пѣшій земельный участокъ, а такъ какъ прямыхъ наслѣдниковъ послѣ него не осталось, а только жена Анна, то онѣ и просятъ, чтобы судъ призналъ ихъ «участницами» въ пользованіи наслѣдственной послѣ брата земли и имущества. Отвѣтчица заявила суду, что земля, о которой идетъ рѣчь, находится въ пользованіи ея съ мужемъ (нынѣ умершимъ) еще со времени крѣпостной зависимости и что сестры никогда никакого участія въ ихъ земельныхъ и имущественныхъ дѣлахъ не принимали; что у жалобщицъ и у ея покойнаго мужа есть еще въ живыхъ родной братъ Никита, которому, по рѣшенію л—скаго волостнаго суда еще въ 1883 году была присуждена $^1/_3$ часть земельнаго участка, но который добровольно уступилъ свои права на землю покойному мужу ея за 100 руб. с., да кромѣ того на похороны своего мужа она издержала 116 р. и потому «принять участницами» въ пользованіи оставшейся по смерти мужа землей и имуществомъ его сестеръ не желаетъ. Однако же волостной судъ не принялъ во вниманіе ея объясненій и призналъ истицъ наслѣдницами половинной части земельнаго надѣла ихъ покойнаго брата.

Еще болѣе интереса представляютъ «наслѣдственные взгляды» волостнаго суда въ такого рода дѣлѣ. Крестьянинъ д. Струтинки Маркъ Джура жаловался л—скому волостному суду на опекуновъ, крестьянъ той же деревни Кровчука и Жофренюка, за «непризнаніе его участникомъ» въ пользованіи пѣшимъ земельнымъ участкомъ его отца Демьяна Джуры. По дѣлу онъ показалъ, что за смертью отца его Демьяна наслѣдникомъ оставшейся отъ него земли имѣются онъ, Маркъ Джура, отъ первой жены, и нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей отъ второй жены. Теперь опекуны не допускаютъ его къ пользованію наслѣдственной землей и потому онъ проситъ судъ утвердить его въ правахъ наслѣдства. На самомъ дѣлѣ оказалось, что Маркъ рожденъ до выхода его матери замужъ за Джуру

и не усыновленъ имъ и что фамилія его не Джура, а Годованный. И вотъ волостной судъ, основываясь на томъ, что хотя Маркъ и прижитъ до брака съ Джурой, но жилъ при Джурѣ и помогалъ ему въ работахъ, присудилъ взыскать въ пользу Марка съ имущества сиротъ, чрезъ опекуновъ, 50 р. с., въ домогательствѣ же его на участокъ земли отказать.

До настоящаго времени мы имѣли дѣло съ исками, основанными, такъ сказать, на узахъ родства, исками, направленными противъ родителей, братьевъ, дядей, дѣдовъ и пр. Но въ практикѣ волостнаго суда есть и такія земельныя дѣла, родственная подкладка которыхъ крайне слаба и, однако же, не смотря на эту слабость, волостной судъ обнаруживаетъ большую склонность къ удовлетворенію претензій истцовъ. Вотъ примѣръ. Крестьянинъ д. Феликсовки Семенъ Семко жаловался л—скому волостному суду на своего шурина, Карпа Ткачука, требуя отъ него 4 морга земли. Суть этого дѣла заключается въ слѣдующемъ. Во время крѣпостной зависимости отецъ Семена, Александръ Семко, владѣлъ извѣстнымъ земельнымъ участкомъ. Но, такъ какъ онъ былъ слабъ и не могъ самъ обрабатывать этой земли и отбывать за нее «панщину», то онъ принялъ къ себѣ въ семейство зятя Авраама Ткачука, женивъ его на одной изъ своихъ дочерей. Съ этого времени зять началъ работать по хозяйству и отбывать лежащія на землѣ повинности. Ко времени освобожденія крестьянъ Александръ Семко умеръ и надѣлъ, по уставной грамотѣ, былъ записанъ за Авраамомъ Ткачукомъ. Кромѣ дочери, выданной замужъ за Авраама, у Александра Семко было еще два сына, Семенъ и Феодосій. Когда они выросли, то въ 1872 году Семенъ подалъ жалобу на Авраама въ л—скій волостной судъ за «батьковщину», и судъ присудилъ ему $^1/_3$ треть, записанной за Авраамомъ земли. Теперь Авраамъ умеръ, умеръ также безъ наслѣдниковъ и братъ Семена, Семко Феодосій, и $^2/_3$ земли Авраама завладѣлъ сынъ его Карпъ. Въ виду этого Семенъ Семко подалъ въ л—скій волостной судъ новую жалобу, требуя, чтобы вся земля умершаго Авраама была раздѣлена по равной части между нимъ и Карпомъ. По разсмотрѣніи вышеизложеннаго, судъ принялъ во вниманіе: «а) что до введенія въ дѣйствіе выкупныхъ документовъ Семенъ Семко и братъ его Феодосій и шуринъ ихъ, Авраамъ Ткачукъ, съ своимъ сыномъ составляли одно нераздѣльное семейство, б) что рѣшеніемъ л—скаго волостнаго суда въ 1872 году предоставлены въ пользованіе Семена Семко $^1/_3$ усадебнаго и полеваго надѣла, при жизни Авраама Ткачука, в) что за смертью Авраама Ткачука остается наслѣдникомъ его сынъ Карпъ», единогласно присудилъ удовлетворить просьбу Семена Семко и раздѣлить между нимъ и Карпомъ Ткачукомъ землю покойнаго Авраама Ткачука.

Изъ всѣхъ этихъ дѣлъ, выбранныхъ мною, какъ наиболѣе типичныя изъ общаго числа болѣе чѣмъ трехсотъ земельныхъ процессовъ, разсмотрѣнныхъ за послѣднее время л—скимъ волостнымъ судомъ, полагаю, можно сдѣлать уже и кое какіе общіе выводы относительно настоящаго положенія даннаго вопроса. Прежде всего, конечно, бросается въ глаза,

что волостной судъ, несмотря на колебанія и неустойчивость въ своихъ рѣшеніяхъ, въ общемъ всетаки обнаруживаетъ наклонность къ удовлетворенію земельныхъ претензій, не обращая строгаго вниманія на законную ихъ основательность. Это имѣетъ свою хорошую и свою дурную сторону. Хорошая сторона широкаго взгляда волостныхъ судовъ на право владѣнія крестьянами надѣльной землей заключается, несомнѣнно, въ томъ, что, благодаря ему, до извѣстной степени, устраняется въ селахъ неравномѣрность въ распредѣленіи земельныхъ участковъ. Установленіе въ качествѣ руководящаго принципа того взгляда, что при освобожденіи крестьянъ надѣлялся землей не только тотъ крестьянинъ, который записанъ, какъ собственникъ, въ уставной грамотѣ, но цѣлое семейство, жившее на ту пору вмѣстѣ съ даннымъ крестьяниномъ, хотя бы въ уставной грамотѣ о немъ не было и рѣчи, внесло, понятно, существенную и желанную поправку въ дѣло реформы 19 февраля. Благодаря этому взгляду, явилась возможность возстановить земельныя права малолѣтнихъ, обойденныхъ реформой, и при томъ не только прямыхъ участниковъ въ данномъ владѣніи, но даже и косвенныхъ, какъ это мы видимъ, напримѣръ, изъ дѣла Семена Семко. Здѣсь признаются земельныя права такого лица, которое, съ точки зрѣнія буквы закона, такихъ правъ совершенно не имѣетъ. Хорошая сторона широкаго взгляда волостныхъ судовъ на крестьянскій земельный вопросъ заключается также и въ томъ, что, благодаря его практикѣ, дѣти, въ смыслѣ земельнаго обезпеченія своей участи, ставятся въ большую или меньшую независимость отъ произвола своихъ родителей и въ вопросъ на права наслѣдства вводится извѣстная равномѣрность, при которой дочери, въ наслѣдственномъ отношеніи, сравниваются съ сыновьями, чего, какъ извѣстно, писанный законъ не допускаетъ. Но, въ то же самое время, легкость удовлетворенія земельныхъ исковъ прямо и непосредственно послужила развитію среди крестьянъ земельнаго сутяжничества, очень часто, какъ мы видѣли, совершенно неосновательнаго. Именно этой легкости и ничему иному должно быть приписано возникновеніе исковъ сестеръ къ братьямъ и правъ владѣнія той землей, съ которой онѣ ушли, какъ окончательно выдѣленныя, даже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ (дѣло Василія и Вакулы Голодовъ и пр.). Очевидно, что разъ сестра выдана замужъ, разъ она окончательно выдѣлена изъ семьи и не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ этой семьи въ продолженіе 20—25 лѣтъ, то простая справедливость требуетъ, чтобы и впредь участіе это не признавалось. Вѣдь въ продолженіе этихъ десятковъ лѣтъ, остававшаяся дома семья несла на себѣ массу всевозможныхъ повинностей, начиная подушными (подъ часъ, крайне тяжелыми) и оканчивая земельными (также иногда несоотвѣтствовавшими доходности земли), а также и натуральными, въ которыхъ выдѣленная сестра никакого участія не принимала. Затѣмъ, въ настоящее время выкупъ за отведенныя въ надѣлъ участки уже перевалилъ за половину и до окончательнаго права земельной собственно-

сти крестьянъ теперь гораздо ближе, чѣмъ до времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Завладѣть выкупной крестьянской землей теперь несравненно пріятнѣе, чѣмъ это было 25 лѣтъ тому назадъ, ибо платежей за нее, особенно при досрочномъ выкупѣ, осталось уже, сравнительно, мало. Между тѣмъ волостной судъ, признавая наслѣдственныя права давно выдѣленныхъ сестеръ и присуждая имъ выдѣлъ изъ земельныхъ участковъ братьевъ, ничего этого не принимаетъ во вниманіе, дѣлая сестеръ вполнѣ равноправными съ братьями. Эта легкость возстановленія наслѣдственныхъ правъ, затерявшихся въ давно-прошедшемъ времени, прямо и неукоснительно привела къ такому въ высшей степени нежелательному явленію, какъ паденіе компетенціи волостнаго суда въ земельныхъ дѣлахъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще и чаще попадаются отпоры крестьянъ отъ разбора ихъ земельныхъ тяжбъ волостнымъ судомъ, при чемъ, понятно, отказы эти идутъ не со стороны истцовъ, а со стороны отвѣтчиковъ. Отказы эти имѣютъ полное законное основаніе. По ст. 96 общаго положенія о крестьянахъ, «волостной судъ рѣшаетъ окончательно всѣ споры и тяжбы собственно между крестьянами, цѣною до ста рублей включительно»; и вотъ, основываясь на этомъ, отвѣтчики, не желающіе подчиняться приговору волостнаго суда, сущность котораго они заранѣе могутъ предугадать по прецедентамъ, заявляютъ при разборѣ дѣла, что цѣна иска болѣе 100 руб. и потому онъ рѣшенію волостнаго суда не подлежитъ. И такого рода заявленія, какъ я уже указалъ выше, начинаютъ встрѣчаться въ судебныхъ книгахъ волостнаго суда все чаще и чаще, явнымъ образомъ парализуя судебно-земельную дѣятельность волости. Такъ, напримѣръ, л—скій волостной судъ разбиралъ дѣло по жалобѣ крестьянки д. Славной Елизаветы Яковлевой Тихонюковой, по мужу Бунеровой, на односельчанку ея, сестру ея отца (тетку), Наталію Тихонюкову, по мужу Петрунову, за наслѣдственную землю. Цѣну иска жалобщица опредѣлила въ 80 р. и по дѣлу показала, что послѣ смерти ея отца, Якова Тихонюва, остался пѣшій земельный участокъ. Яковъ умеръ 18 лѣтъ тому назадъ, когда истица имѣла только 3 года и потому всѣмъ ея наслѣдственнымъ имуществомъ воспользовалась тетка ея Натальѣ. Теперь она проситъ, чтобы были возстановлены ея наслѣдственныя права и земля возвращена ей. Отвѣтчица заявила суду, что спорный участокъ стоитъ не 80 р., а 600 р. и потому она подчиниться рѣшенію волостнаго суда не желаетъ. Судъ, разсмотрѣвъ дѣло, постановилъ такое рѣшеніе: «основываясь на томъ, что за смертью Якова Тихонюка домъ съ застройками, усадьба и пѣшій надѣлъ, находившійся въ его пользованіи, должны перейдти дочери его Елизаветѣ, а не сестрѣ Натальи, единогласно опредѣлилъ признать наслѣдницей дома и всего имущества Якова Тихонюка дочь его Елизавету, но по неподсудности дѣла волостному суду должна она для предоставленія ей правъ наслѣдственнаго имущества обратиться съ искомъ въ общія судебныя учрежденія по принадлежности». Совершенно таковы и

всѣ остальные приговоры волостнаго суда, при непризнаніи отвѣтчикомъ его компетенціи по цѣнѣ иска. Но совершенно ясно, что въ данномъ случаѣ возстановленіе наслѣдственныхъ правъ истца волостнымъ судомъ должно быть признано совершенно платоническимъ, не имѣющимъ никакого реальнаго значенія. Не стѣсняемый никакими писанными законными нормами и вполнѣ предоставленный своему усмотрѣнію («по обычаю»), волостной судъ можетъ въ своихъ рѣшеніяхъ не признавать ни земской давности, ни уставныхъ грамотъ и проч. Но «общія судебныя установленія» такой свободы въ постановкѣ своихъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ не имѣютъ. Окружный судъ долженъ въ гражданскихъ рѣшеніяхъ руководствоваться лишь вполнѣ точнымъ писаннымъ закономъ, безъ какихъ бы то ни было распространенныхъ толкованій. Для окружнаго суда имѣетъ значеніе и земская давность, и права собственности, основанныя на уставной грамотѣ и со всѣмъ этимъ юридическимъ арсеналомъ приходится считаться «волостному наслѣднику», направленному въ общія судебныя учрежденія. И, понятно, въ данномъ случаѣ, какъ земская давность, такъ и уставная грамота, а также и права законнаго наслѣдованія недвижимымъ имуществомъ будутъ отнюдь не на сторонѣ истца. При томъ же и процедура возстановленія нарушенныхъ наслѣдственныхъ правъ при помощи окружнаго суда стоитъ денегъ и порядочныхъ денегъ, тогда какъ волостной судъ ничего не стоитъ. Однакоже, не смотря на все это, крестьяне «тянутся изъ послѣдняго» и идутъ съ своими исками въ окружный судъ, при чемъ, понятно, претензіи ихъ сплошь и рядомъ оставляются безъ послѣдствій за непредставленіемъ надлежащихъ законныхъ доказательствъ своихъ правъ. Это оставленіе «безъ послѣдствій» крестьянскихъ земельныхъ исковъ очень часто ведетъ къ довольно печальнымъ послѣдствіямъ. Такъ, въ январскую сессію уманскаго окружнаго суда въ г. Липовцѣ одна крестьянка, проигравъ «наслѣдственное» дѣло, съ горя такъ напилась, что замерзла на улицѣ, а другой, въ ту же самую сессію и по той же самой причинѣ, прямо изъ суда бросился топиться въ рѣкѣ, но былъ во время остановленъ мѣстнымъ исправникомъ. Я согласенъ, что это случайности, но, во всякомъ случаѣ, случайности характерныя, такъ какъ онѣ ярко рисуютъ, до какой степени напряженности дошло земельное сутяжничество въ мѣстностяхъ подворнаго владѣнія.

Эта двойственность суда и судебныхъ рѣшеній по однимъ и тѣмъ же дѣламъ, конечно, не можетъ не производить довольно страннаго впечатлѣнія на крестьянскую массу, давая ей о законности и ея представителяхъ самыя нежелательныя понятія, хотя, понятно, представители-то здѣсь и меньше всего виноваты.

Но волостные суды не безъ борьбы уступаютъ дорогу въ рѣшеніи крестьянскихъ земельныхъ дѣлъ «общимъ судебнымъ установленіемъ». Они пытаются парализовать «обходъ» отвѣтчиковъ или волостнаго суда путемъ высокихъ оцѣнокъ спорнаго имущества, и среди бывшихъ у меня

на просмотрѣ дѣлъ имѣется одно, подтверждающее наличность такого рода попытки. Дѣло это заключается въ слѣдующемъ. Опекуны надъ несовершеннолѣтнимъ крестьяниномъ д. Струтинки Онисимомъ Козачишинымъ принесли л — скому волостному суду жалобу на Леонтія Козачишина по поводу наслѣдственной земли. По дѣлу оказалось, что при увольненіи отъ крѣпостной зависимости въ д. Струтинкѣ было семейство Козачишиныхъ, состоявшее изъ Леонтія Козачишина, его брата Николая, сестры Ѳедоры и матери вдовы Евфросиніи. Семейство это получило пѣшій надѣлъ, но такъ какъ Леонтій былъ старшимъ, то и участокъ этотъ по подворной описи и уставной грамотѣ записанъ за нимъ, но, въ дѣйствительности, все семейство пользовалось имъ нераздѣльно. Въ 1865 г. Николай Козачишинъ поступилъ на военную службу, по возвращеніи съ которой онъ, по прежнему, жилъ на общей усадьбѣ и пользовался своей долей земли. По смерти Николая Козачишина, его жена вышла замужъ въ с. Поповку, гдѣ и умерла, ея сынъ Онисимъ остался сиротой, а дядя Леонтій не даетъ ему ничего. Отвѣтчикъ Леонтій Козачишинъ заявилъ, что цѣну искомой земли онъ опредѣляетъ въ 600 р. с., а потому, такъ какъ дѣло волостному суду не подсудно, то онъ и отказывается признать рѣшеніе суда, но волостной судъ взглянулъ на это иначе. Онъ призналъ, что дѣло это, по цѣнѣ иска, ему подсудно и что Леонтій Козачишинъ для того только такъ высоко оцѣнилъ искомую землю, чтобы уклониться отъ рѣшенія волостнаго суда. Судъ призналъ, что земля, которой добиваются опекуны Онисима Козачишина, какъ еще не вполнѣ выкупленная, стоитъ никоимъ образомъ не дороже 100 р., и потому, разсмотрѣвъ дѣло, искъ опекуновъ Онисима удовлетворилъ. Тогда Леонтій подалъ на это рѣшеніе кассаціонную жалобу въ съѣздъ мировыхъ посредниковъ и этотъ послѣдній рѣшеніе волостнаго суда отмѣнилъ, мотивируя такую отмѣну тѣмъ, что судъ самъ произвелъ оцѣнку иска, не опросивъ добросовѣстныхъ людей, какъ этого требуетъ законъ. Такимъ образомъ, единственная попытка л—скаго волостнаго суда парализовать уклоненіе крестьянъ отъ его рѣшеній по земельнымъ вопросамъ окончилась ничѣмъ и другихъ попытокъ въ томъ же самомъ направленіи я уже не встрѣчалъ. И вотъ въ вопросѣ о рѣшеніи крестьянскихъ земельныхъ споровъ создается также положеніе: кто изъ отвѣтчиковъ попростодушнѣе или наивнѣе, тотъ признаетъ въ своемъ дѣлѣ компетенцію волостнаго суда и теряетъ, обыкновенно, часть своей земли, кто похитрѣе, тотъ открещивается отъ волостнаго суда и стремится перенести свое дѣло въ окружный, въ формальный судъ, гдѣ «внутреннее убѣжденіе» не играетъ уже никакой роли.

Сводя все вышесказанное къ одному, получимъ такого рода картину земельнаго вопроса въ мѣстностяхъ подворнаго владѣнія. Потребность въ землѣ, возникшая, благодаря количественному приросту населенія, дала поводъ къ возникновенію среди крестьянъ подворнаго владѣнія исковъ о наслѣдствахъ и пр. Сравнительная легкость, съ которой волостные суды

удовлетворяли эти иски, привела къ тому, что на свѣтѣ народилось земельно-крестьянское кляузничество, принимающее теперь все болѣе и болѣе серьезные размѣры. Это кляузничество, заваливая земельными исками волостные и окружные суды, грозитъ современемъ созданіемъ довольно значительныхъ затрудненій въ вопросѣ о владѣніи землею, потому что практика рѣшеній волостныхъ судовъ идетъ въ разрѣзъ съ теоріей закона, регулирующаго крестьянское подворное землевладѣніе. Мало того, попытки уклоненія отъ рѣшенія волостныхъ судовъ со стороны отвѣтчиковъ сдѣлали то, что по совершенно одинаковымъ земельнымъ дѣламъ являлась возможность имѣть два діаметрально противуположныя рѣшенія, смотря по тому, какой судъ разсматривалъ дѣло: волостной или окружный. Такимъ образомъ оказывается, что въ вопросѣ крестьянскаго подворнаго землевладѣнія законъ, жизнь и обычное право находятся между собою, до извѣстной степени, въ состояніи конфликта, и это состояніе, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше затемняетъ и спутываетъ земельныя воззрѣнія крестьянъ, мѣшая выработкѣ чего либо точнаго, опредѣленнаго и для всѣхъ равно обязательнаго.

Въ заключеніе, считаю необходимъ отмѣтить, что шаткость рѣшеній волостныхъ судовъ и вообще шаткость положенія земельнаго вопроса въ подворномъ землевладѣніи вызвало появленіе на свѣтъ такого страннаго, на первый взглядъ, явленія, какъ иски дѣтей къ отцамъ, причемъ эти иски возбуждены съ согласія и разрѣшенія самихъ отцовъ.

Вотъ примѣры.

Крестьянка деревни Феликсовки Екатерина Гайдамакова жаловалась л — скому волостному суду на своего отца Петра Гайдамаку за землю. Въ жалобѣ своей она заявила, что у ея отца имѣется участокъ земли, а такъ какъ она въ нынѣшнемъ (1888 году) имѣетъ выдти замужъ, то и проситъ судъ присудить ей изъ надѣла отца 1 дес. 1,551 кв. саж. Отвѣтчикъ—отецъ выразилъ полную готовность удовлетворить претензію дочери и потому судъ ходатайство истицы удовлетворилъ въ полной мѣрѣ.

Считаю необходимымъ замѣтить, что какъ истица, такъ и отвѣтчикъ лично мнѣ извѣстны, находятся другъ съ другомъ въ превосходныхъ отношеніяхъ и продѣлали весь этотъ «судъ», какъ мнѣ сами объяснили, для того лишь, чтобы впослѣдствіи никто изъ остальныхъ наслѣдниковъ Петра Гайдамака не могъ имѣть никакихъ притязаній къ выдѣляемой изъ семьи дочери.

Дочь и сынъ крестьянина д. Іогановки Дмитрія Пархотюка просятъ л—скій волостной судъ признать ихъ равноправными наслѣдниками ихъ отца, причемъ дочь обязуется содержать отца у себя до смерти. Отвѣтчикъ Дмитрій Пархотюкъ съ удовольствіемъ соглашается на это, и судъ удовлетворяетъ искъ просителей.

Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ стремленіемъ со стороны роди-

телей обезпечить возможно болѣе законно дальнѣйшую участь своихъ дѣтей и избавить ихъ отъ случайностей земельнаго процесса. Рѣшеніе волостнаго суда играетъ здѣсь роль духовнаго завѣщанія, причемъ ему придается (и совершенно основательно) бо̀льшая сила, чѣмъ послѣднему, ибо крестьянскія духовныя завѣщанія предъ волостнымъ судомъ не имѣютъ никакого значенія, тогда какъ отмѣнить свое рѣшеніе волостной судъ уже не можетъ.

И. Рева.

НОВЫЙ ПРОЕКТЪ ОПЕКУНСКАГО УСТАВА.

(Текстъ проекта).

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. ОПЕКУНСКІЯ УСТАНОВЛЕНІЯ.

1) Опеки надъ лицами всѣхъ сословій подлежатъ вѣдомству мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, за исключеніемъ тѣхъ опекъ надъ крестьянами, которыя подвѣдомственны волостнымъ судамъ въ качествѣ первой инстанціи.

2) Вѣдомству волостнаго суда подлежатъ опеки надъ крестьянами, когда принадлежащія имъ недвижимыя имѣнія поступили къ нимъ въ качествѣ крестьянскаго надѣла, а движимыя имущества ихъ составляютъ принадлежность крестьянскаго хозяйства и находятся въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, безъ ограниченія относительно ихъ цѣнности.

Сверхъ того, на волостной судъ возлагается завѣдываніе опеками надъ крестьянами, когда опекѣ подлежатъ движимость, цѣною не свыше 1,500 руб., и находящіяся внѣ предѣловъ городскихъ поселеній недвижимыя имѣнія, поступившія къ крестьянамъ не въ качествѣ крестьянскаго надѣла и не превышающія, каждое въ отдѣльности, по своей цѣнности 1,500 руб.

За исключеніемъ предусмотрѣнныхъ выше случаевъ опеки надъ крестьянами поступаютъ въ вѣдѣніе мироваго судьи, хотя бы отдѣльное какое либо имущество опекаемаго, по свойству своему или по цѣнѣ, могло подлежать вѣдомству волостнаго суда.

3) Волостной судъ руководствуется въ отношеніи опекъ, подлежащихъ его вѣдомству, особыми установленными для сего правилами.

4) Въ засѣданіи мироваго съѣзда по опекунскимъ дѣламъ присутствуютъ: уѣздный предводитель дворянства и два лица по выбору мѣстной городской думы и земскаго собранія.

Обязанность присутствовать, по опекунскимъ дѣламъ, въ мировомъ съѣздѣ можетъ быть возлагаема: городскою думою—на городскаго голову,

или на одного изъ членовъ городской управы, а земскимъ собраніемъ—на предсѣдателя уѣздной управы или на одного изъ ея членовъ.

5) Мировой судья, вошедшій въ мировой съѣздъ съ представленіемъ по опекунскому дѣлу, не устраняется отъ участія въ засѣданіи съѣзда по сему дѣлу.

6) На мироваго судью приносятся жалобы мѣстному мировому съѣзду.

По дѣламъ дисциплинарнымъ, а также на обходъ лица, призываемаго къ опекѣ въ силу закона, на увольненіе опекуна, наложеніе на него взысканія и на неудовлетвореніе ходатайства объ освобожденіи отъ опеки жалоба приносится въ двухнедѣльный срокъ со дня объявленія опредѣленія, а если опредѣленіе не было объявлено, то съ того дня, когда оно сдѣлалось извѣстнымъ жалующемуся.

Подающій жалобу, касающуюся правъ другаго лица, обязанъ представить копію ея для сообщенія этому лицу, которому предоставляется представить объясненія на жалобу письменно, до засѣданія мироваго съѣзда, или словесно въ самомъ засѣданіи.

7) Подача жалобы не останавливаетъ приведенія постановленія мироваго судьи въ исполненіе, но мировой судья можетъ пріостановить исполненіе своего постановленія на двѣ недѣли, а въ случаѣ поступленія жалобы въ это время—отсрочить исполненіе до ея разрѣшенія.

Право пріостановить исполненіе постановленія мироваго судьи, согласно изложенному правилу, принадлежитъ и мировому съѣзду.

8) Жалоба на постановленіе мироваго судьи можетъ быть подана и непосредственно мировому съѣзду. При подачѣ жалобы мировому судьѣ для представленія въ съѣздъ и при разсмотрѣніи жалобы съѣздомъ имѣютъ примѣненіе 168 и 169 ст. уст. гражд. судопр. (изд. 1883 г.).

9) Мировыя установленія разсматриваютъ опекунскія дѣла въ порядкѣ охранительнаго производства и могутъ по измѣнившимся обстоятельствамъ, или вслѣдствіе вновь полученныхъ свѣдѣній, измѣнять и отмѣнять свои постановленія. Правило это не примѣняется къ дѣламъ дисциплинарнымъ объ опекунахъ.

10) Производство опекунскихъ дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ освобождается отъ сборовъ, установленныхъ 200^1 и 200^3 ст. уст. гражд. суд. (изд. 1883 г.).

11) По опекунскимъ дѣламъ засѣданія мировыхъ установленій происходятъ при закрытыхъ дверяхъ, за исключеніемъ того случая, когда мировой съѣздъ разсматриваетъ жалобу на мироваго судью.

12) Мировой судья въ правѣ, въ случаѣ надобности, снестись съ подлежащимъ мировымъ судьею относительно собранія послѣднимъ нужныхъ свѣдѣній или совершенія иныхъ по опекунскимъ дѣламъ дѣйствій въ его участкѣ.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Глава I. Объ учрежденіи опеки и назначеніи опекуновъ.

14) До достиженія лицомъ совершеннолѣтія, т. е. двадцати лѣтъ съ годомъ, учреждается надъ его личностью и имуществомъ опека, когда у него нѣтъ въ живыхъ отца.

Когда къ несовершеннолѣтнему дойдетъ имущество, то учреждается опека, хотя бы отецъ его былъ живъ.

Равнымъ образомъ опека учреждается, когда отецъ лишенъ правъ состоянія, поступилъ въ монашество, состоитъ подъ опекою или находится въ безвѣстномъ отсутствіи, либо по тяжелой продолжительной болѣзни или по другимъ исключительнымъ обстоятельствамъ лишенъ возможности осуществлять родительское попеченіе.

15) О поводахъ къ учрежденію опеки извѣщаютъ мироваго судью: 1) восходящіе родственники, братья, сестры и супругъ несовершеннолѣтняго, а также лицо, на попеченіи котораго несовершеннолѣтній находится; 2) должностныя лица, имѣющія свѣдѣнія о смерти или иномъ событіи, дающемъ поводъ къ учрежденію опеки; 3) духовныя и другія лица, ведущія метрическія записи объ умершихъ.

16) Мировой судья, до учрежденія опеки и до вступленія опекуна въ отправленіе опекунскихъ обязанностей, принимаетъ, въ случаѣ надобности, мѣры къ попеченію о лицѣ несовершеннолѣтняго и къ охраненію его имущества. Мѣры охраненія могутъ заключаться въ описи или опечатаніи имущества, въ препровожденіи процентныхъ бумагъ въ кредитное установленіе или казначейство и въ назначеніи хранителя имущества.

Имущество не подвергается опечатанію, если кто либо изъ ближайшихъ родственниковъ или свойственниковъ несовершеннолѣтняго, на лицо находящихся, изъявитъ согласіе принять имущество на храненіе и нѣтъ основанія опасаться растраты.

17) Если случай, вызывающій учрежденіе опеки, послѣдовалъ въ участкѣ мироваго судьи, вѣдомству котораго опека не подлежитъ, то судья немедленно извѣщаетъ о семъ подлежащаго мироваго судью, принимая указанныя въ статьѣ 16 мѣры.

18) Если въ непродолжительномъ времени нельзя назначить опекуна, или назначенный уже опекунъ не можетъ еще вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, то мировой судья имѣетъ право назначить временнаго опекуна, на обязанность котораго возлагается принятіе по опекѣ не терпящихъ отлагательства мѣръ.

19) Опека учреждается по мѣсту жительства отца.

Надъ внѣбрачными дѣтьми опека учреждается по мѣсту жительства матери.

20) Переводъ опеки допускается какъ вслѣдствіе мѣста жительства несовершеннолѣтняго, такъ по другимъ причинамъ, когда, для пользы опекаемаго, необходимо завѣдываніе опекой передать въ другой мировой участокъ.

Переводъ опеки опредѣляетъ мѣстный, по нахожденію опеки, мировой съѣздъ, по непосредственному своему усмотрѣнію, по представленію мироваго судьи или по ходатайству опекуна надъ несовершеннолѣтнимъ, самого несовершеннолѣтняго, достигшаго семнадцатилѣтняго возраста, или его родственниковъ и свойственниковъ.

Опредѣленіе мироваго съѣзда о переводѣ опеки въ вѣдомство другаго съѣзда приводится въ исполненіе лишь по полученіи отъ послѣдняго увѣдомленія, что къ переводу не встрѣчается препятствій.

Возникшее между мировыми съѣздами пререканіе по поводу перевода опеки разрѣшается, по представленію съѣзда, въ вѣдомство котораго предполагается перевести опеку, соединеннымъ присутствіемъ правительствующаго сената (уст. гражд. судопр., изд. 1883 г., ст. 119[1]).	Возникшее между мировыми съѣздами пререканіе по поводу перевода опеки разрѣшается, по представленію съѣзда, въ вѣдомство котораго предлагается перевести опеку, мѣстною судебною палатою.

21) Опека надъ несовершеннолѣтнимъ, въ силу самаго закона, принадлежитъ отцу, а въ случаѣ его смерти—матери, если они не лишены родительской власти.

По выходѣ несовершеннолѣтней женщины замужъ, опека надъ нею принадлежитъ, въ силу самаго закона, ея мужу.

22) Отецъ имѣетъ право, на случай своей смерти, назначить опекуна къ своимъ дѣтямъ, хотя бы мать ихъ оставалась въ живыхъ, или назначить къ матери соопекуна, или же установить, чтобы таковой былъ назначенъ.

Мать-опекунша можетъ, на случай своей смерти, назначить опекуна къ своимъ дѣтямъ.

23) Всякое лицо, отъ котораго переходитъ имущество къ несовершеннолѣтнему, хотя бы состоящему уже подъ опекою, имѣетъ право назначить опекуна къ этому имуществу.

24) Родителямъ принадлежитъ право указать тѣхъ лицъ, которыя должны быть устранены отъ опеки надъ ихъ дѣтьми.

25) Назначеніе опекуновъ въ силу статей 21—23 и устраненіе отъ опеки лицъ въ силу статьи 24 можетъ послѣдовать въ завѣщаніи или иномъ письменномъ актѣ.

26) Лица, призываемыя къ опекѣ въ силу закона (ст. 21) или въ

силу распоряженія родителей и лицъ, предоставившихъ несовершеннолѣтнимъ имущество, утверждаются въ званіи опекуна мировымъ судьею, если нѣтъ причинъ, устраняющихъ ихъ отъ опеки (ст. 29).

Принятіе опеки въ силу распоряженія родителей или лицъ, предоставившихъ несовершеннолѣтнему имущество, не обязательно, но лица, указанныя въ первой части ст. 27, освобождаются отъ опеки только по причинамъ, указаннымъ въ ст. 30 и 31.

27) Когда отцомъ или матерью не назначено опекуна (ст. 21), а также когда назначенный однимъ изъ родителей опекунъ отъ принятія опеки откажется, мировой судья опредѣляетъ опекуномъ дѣда со стороны отца, дѣда со стороны матери, брата роднаго, или единокровнаго или единоутробнаго, роднаго дядю.

При неимѣніи въ виду поименованныхъ выше лицъ, мировой судья опредѣляетъ опекуна по своему назначенію, предпочтительно изъ родственниковъ и свойственниковъ несовершеннолѣтняго. Предварительно опредѣленія опекуна по ст. 27 мировой судья предоставляетъ несовершеннолѣтнему, если онъ достигъ 17 лѣтъ, заявить, кого именно онъ желалъ бы имѣть опекуномъ.

28) При выборѣ опекуна мировымъ судьею преимущество отдается тому, кто принадлежитъ къ одной съ опекаемымъ религіи и къ одной съ нимъ средѣ, и кто по своимъ занятіямъ можетъ съ пользою для опекаемаго завѣдывать данною опекою.

29) Не могутъ быть назначаемы опекунами:

1. Лица, которыя по судебнымъ приговорамъ подверглись наказаніямъ, лишающимъ права быть опекуномъ, или по суду не оправданы по обвиненію въ преступленіяхъ, влекущихъ означенныя наказанія.

2. Уволенные отъ обязанностей опекуна за злоупотребленія опекунской властью.

3. Ведущіе гласно безнравственную жизнь.

4. Расточители.

5. Объявленные несостоятельными, впредь до опредѣленія свойства ихъ несостоятельности, а также всѣ лица, признанныя несостоятельными, неосторожными и злостными.

6. Недостигшіе двадцати пятилѣтняго возраста, за исключеніемъ совершеннолѣтнихъ родителей мужа и лицъ, назначенныхъ въ опекуны по завѣщанія.

7. Слѣпые, нѣмые и всѣ состоящіе подъ опекою.

8. Монашествующіе.

Исчисленные выше причины служатъ поводомъ къ удаленію опекуна, если будутъ обнаружены или возникнутъ послѣ принятія имъ опеки.

30) Отказаться отъ принятія опеки имѣютъ право:

1. Женщины.

2. Имѣющіе отъ роду свыше шестидесяти лѣтъ.

3. Бывшіе опекунами, не надъ своими дѣтьми, не менѣе двѣнадцати

лѣтъ, а также завѣдующіе уже одною значительною или нѣсколькими опеками.

4. Жительствующіе въ другомъ уѣздѣ, за исключеніемъ мужа, родственниковъ въ прямой линіи, или въ боковой до 3 степени включительно.

5. Состоящіе на дѣйствительной военной службѣ.

31) Освобожденіе отъ опекунскихъ обязанностей допускается, если будетъ признано, что онѣ для даннаго лица тягостны вслѣдствіе:

1. Болѣзни или увѣчья.

2. Занятій государственною или общественною службою.

3. Разстройства собственныхъ дѣлъ или обремененія большимъ семействомъ.

4. Малограмотности.

5. Перемѣны имъ мѣста жительства, и

6. Нахожденія принадлежащаго опекаемому имущества внѣ предѣловъ того судебно-мироваго округа, гдѣ опекунъ имѣетъ жительство.

32) Иностранцы, имѣющіе осѣдлость въ Россіи, призываются къ исполненію опекунскихъ обязанностей по правиламъ, установленнымъ для русскихъ подданныхъ.

33) Опекунъ вступаетъ въ исполненіе опекунскихъ обязанностей въ силу постановленія мироваго судьи объ утвержденіи или назначеніи опекуна.

Лицо, призываемое къ опекѣ въ силу закона (21 ст.) должно, а лицо, призываемое къ опекѣ родителями, или предоставившими несовершеннолѣтнему имущество (ст. 22 и 23), можетъ и до утвержденія мировымъ судьею въ званіи опекуна (ст. 26) исполнять опекунскія обязанности, насколько представляется надобность въ безотлагательномъ охраненіи интересовъ несовершеннолѣтняго.

34) По каждой опекѣ мировой судья опредѣляетъ (ст. 27) одного опекуна, хотя бы опекѣ подлежало нѣсколько несовершеннолѣтнихъ или нѣсколько имуществъ, находящихся въ разныхъ мировыхъ округахъ.

Въ исключительныхъ, однако, случаяхъ можетъ быть опредѣлено нѣсколько опекуновъ, когда сего потребуетъ польза несовершеннолѣтняго.

Женщины и лица малограмотныя вправѣ просить о назначеніи имъ соопекуна.

35) Опекуны совмѣстно завѣдуютъ опекою.

Если между опекунами возникаетъ разногласіе и не образуется большинства, вопросъ представляется на разрѣшеніе мироваго судьи.

Родителямъ и лицамъ, назначившимъ опекуновъ (ср. ст. 21 и 23), предоставляется право распредѣлить между опекунами обязанности.

Распредѣленіе между опекунами обязанностей по опекѣ допускается мировымъ судьею лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда этого настоятельно требуютъ выгоды опекаемаго.

Каждый изъ опекуновъ, даже при распредѣленіи между ними обязанностей по опекѣ, долженъ доводить до свѣдѣнія мироваго судьи о замѣ-

ченныхъ имъ упущеніяхъ или неправильныхъ дѣйствіяхъ со стороны другихъ опекуновъ.

36) Несовершеннолѣтніе, родители которыхъ неизвѣстны, и круглыя сироты, призрѣваемыя въ воспитательныхъ и сиротскихъ домахъ или пріютахъ, находящихся въ завѣдываніи правительственныхъ, епархіальныхъ, земскихъ, городскихъ или сословныхъ учрежденій, состоятъ подъ опекою начальства заведенія.

Въ случаѣ, когда къ несовершеннолѣтнему дойдетъ имущество, управленіе которыхъ для заведенія представляется затруднительнымъ, заведеніе можетъ снестись съ подлежащимъ мировымъ судьею о назначеніи опекуна.

Глава II. О принятіи опекуномъ имущества.

37) Опекунъ немедленно по полученіи извѣщенія объ утвержденіи или опредѣленіи его (ср. ст. 33), обязанъ или явиться къ мировому судьѣ и дать подписку о принятіи опекунскаго званія, или донести объ этомъ судьѣ, либо заявить ходатайство объ освобожденіи отъ опекунскихъ обязанностей. Въ случаѣ отказа мировымъ судьею въ освобожденіи, опекунъ обязанъ вступить въ исполненіе опекунскихъ обязанностей — несмотря на обжалованіе отказа.

Опекунъ, не вступившій своевременно въ отправленіе опекунскихъ обязанностей безъ уважительныхъ причинъ, подвергается денежному взысканію до ста рублей. Взысканіе это можетъ быть повторено до трехъ разъ, послѣ чего опекунъ отрѣшается отъ опекунства.

38) Опекунъ, состоящій вѣрителемъ или должникомъ опекаемаго или находящійся въ иныхъ къ сему послѣднему отношеніяхъ по имуществу, обязанъ заявить о семъ мировому судьѣ при принятіи опеки.

Если долговое или иное имущественное отношеніе между опекуномъ и опекаемымъ возникло или стало опекуну извѣстнымъ послѣ принятія имъ опеки, то опекунъ долженъ заявить о семъ мировому судьѣ въ мѣсячный срокъ.

39) Опекунъ обязанъ немедленно составить и представить мировому судьѣ полную опись всего имущества, оказавшагося при учрежденіи опеки или доставшагося опекаемому впослѣдствіи.

Къ составленію описи приглашаются: опекаемый, если ему минуло 17 лѣтъ, и совершеннолѣтній супругъ, а за неимѣніемъ ихъ — одинъ или двое изъ находящихся на лицо родственниковъ или свойственниковъ.

Мировой судья можетъ распорядиться о составленіи описи въ присутствіи своемъ или судебнаго пристава.

Въ описи должны быть обстоятельно означены: а) капиталы съ точнымъ указаніемъ, въ чемъ именно они заключаются; б) долговые документы и в) цѣнныя вещи.

Опись должна быть представлена мировому судьѣ въ двухъ экземпля-

рахъ: одинъ оставляется для храненія при его дѣлахъ, а другой, завѣренный судьею, передается опекуну.

За промедленіе, безъ уважительной причины, въ составленіи или представленіи мировому судьѣ описи опекунъ подвергается денежному взысканію не свыше 300 рублей.

Если доставшееся несовершеннолѣтнему имущество было охранено при открытіи наслѣдства, то опекунъ принимаетъ его по составленной уже описи, предварительно провѣривъ послѣднюю.

Глава III. О правахъ и обязанностяхъ опекуна по завѣдыванію опекою.

40) Опекунъ обязанъ заботиться о личности опекаемаго, о его воспитаніи и вообще о приготовленіи его къ полезной дѣятельности соотвѣтственно его общественному и имущественному положенію, способностямъ и здоровью, соображаясь при томъ съ желаніями родителей.

Опекунъ имѣетъ право отдавать опекаемаго въ обученіе.

41) Изложенное въ предъидущей статьѣ правило не устраняетъ матери, хотя бы она и не была опекуншею, отъ попеченія о личности и воспитаніи дѣтей. Разногласіе между матерью и опекуномъ объ отдачѣ дѣтей въ обученіе, въ учебное заведеніе или кому либо на воспитаніе разрѣшается мировымъ съѣздомъ по представленію мироваго судьи.

42) Опекаемый обязанъ оказывать опекуну почтеніе и повиновеніе.

43) Опекунъ заступаетъ несовершеннолѣтняго на судѣ, въ правительственныхъ, общественныхъ или иныхъ установленіяхъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда необходимо по закону личное участіе несовершеннолѣтняго.

44) Опекунъ заключаетъ сдѣлки за несовершеннолѣтняго отъ имени сего послѣдняго.

Сдѣлки считаются заключенными отъ имени несовершеннолѣтняго, хотя бы о послѣднемъ въ нихъ не упоминалось, если только это явствуетъ изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ заключеніе сдѣлокъ.

45) Опекунъ обязанъ управлять имуществомъ опекаемаго, какъ заботливый хозяинъ.

Опекунъ долженъ имѣть попеченіе о сохраненіи имущества опекаемаго и предохранять оное отъ разоренія и упадка, заботиться, чтобы причитающіяся опекаемому суммы поступали своевременно, чтобы расходы производились безъ излишества и чтобы платежи за опекаемаго вносились своевременно.

46) Когда опекѣ подлежитъ только опредѣленная доля въ имуществѣ, принадлежащемъ нѣсколькимъ лицамъ, то опекунъ завѣдуетъ имъ сообща съ другими соучастниками.

47) Опекунъ въ отношеніи поступившаго въ его завѣдываніе имуще-

ства обязанъ сообразоваться съ указаніями, сдѣланными лицомъ, предоставившимъ опекаемому это имущество.

Въ случаѣ необходимости отступить отъ этихъ указаній, опекунъ испрашиваетъ разрѣшенія мироваго съѣзда. (Ср. ст. 74).

48) Когда несовершеннолѣтнему достанется торговое, фабричное или иное промышленное заведеніе и лицо, отъ котораго заведеніе досталось, не сдѣлало распоряженія о его закрытіи, то опекунъ продолжаетъ дѣло, если признаетъ это возможнымъ и выгоднымъ.

На закрытіе же заведенія или измѣненіе его, а также на устройство новаго или пріобрѣтеніе уже существующаго опекунъ испрашиваетъ разрѣшенія мироваго судьи. (Ср. ст. 74).

Постановленіе мироваго судьи по сему предмету приводится въ исполненіе не иначе, какъ съ утвержденія мироваго съѣзда.

49) Опекунъ обязанъ заботиться о надежномъ помѣщеніи капиталовъ опекаемаго.

50) Опекунъ можетъ пріобрѣтать для несовершеннолѣтняго только слѣдующія процентныя бумаги: 1) государственныя или гарантированныя правительствомъ, 2) билеты на процентные вклады, внесенные въ государственныя кредитныя установленія, 3) облигаціи и закладные листы городскихъ кредитныхъ обществъ, общества взаимнаго поземельнаго кредита или поземельныхъ банковъ.

Означенныя въ п. 3 процентныя бумаги могутъ быть пріобрѣтаемы съ разрѣшенія мироваго судьи.

51) Доставшіяся несовершеннолѣтнему акціи и иныя процентныя бумаги могутъ быть обмѣниваемы на другія процентныя же бумаги, но лишь съ разрѣшенія мироваго судьи и при томъ только на бумаги, поименованныя въ предъидущей статьѣ.

52) Суммы опекаемаго могутъ быть вносимы на процентное обращеніе въ правительственныя сберегательныя кассы или въ государственныя кредитныя установленія.

Тѣ суммы, которыя нужны на текущіе расходы, на предстоящіе въ непродолжительномъ времени платежи или для оборотовъ по промыслу, либо имущественнымъ дѣламъ опекаемаго, дозволяется вносить также въ общественныя или частныя кредитныя установленія на текущій счетъ, или процентное обращеніе до востребованія.

53) Доставшіеся несовершеннолѣтнему процентные вклады въ кредитныхъ установленіяхъ, а также тѣ произведенные опекуномъ процентные вклады, въ которые обращены капиталы, ненужные для текущихъ расходовъ или оборотовъ, могутъ быть востребованы опекуномъ сполна или въ части капитальной суммы только съ разрѣшенія мироваго судьи, о чемъ должно быть отмѣчено на вкладномъ билетѣ кредитнымъ установленіемъ или мировымъ судьею, обязаннымъ одновременно съ этою отмѣткою сообщить о семъ кредитному установленію.

На выдачу опекуну процентовъ не требуется разрѣшенія мироваго судьи.

54) Всѣ принадлежащія несовершеннолѣтнему процентныя бумаги какъ доставшіяся ему, такъ и пріобрѣтенныя для него опекуномъ, должны быть сданы на храненіе въ государственное кредитное установленіе, а тамъ, гдѣ нѣтъ такого установленія,—въ казначейство и могутъ быть возвращены опекуну не иначе, какъ съ разрѣшенія мироваго судьи, о чемъ должно быть отмѣчено на выданномъ въ удостовѣреніе внесенія вклада документѣ кредитнымъ установленіемъ или мировымъ судьею, обязаннымъ одновременно съ этою отмѣткою сообщить о семъ кредитному установленію.

На полученіе опекуномъ, по находящимся на храненіи бумагамъ, купоновъ, процентовъ или дивиденда, не требуется разрѣшенія мироваго судьи.

55) Мировой судья можетъ освободить опекуна отъ сдачи на храненіе процентныхъ бумагъ, если онѣ нужны для оборотовъ по промыслу или имущественнымъ дѣламъ несовершеннолѣтняго.

56) Мировой судья можетъ потребовать сдачи опекуномъ на храненіе денежныхъ документовъ и цѣнныхъ вещей и можетъ присоединить къ этому требованію распоряженіе, чтобы сдача на храненіе была произведена подъ условіемъ возвращенія опекуну документовъ или вещей только съ разрѣшенія мироваго судьи.

Требованіе объ отдачѣ на храненіе цѣнныхъ вещей можетъ быть отмѣнено, если опекунъ представитъ достаточное обезпеченіе въ сохранности таковыхъ.

57) На востребованіе процентнаго вклада (ст. 53) или вклада на храненіе (ст. 54 и 56), а также на освобожденіе опекуна отъ сдачи процентныхъ бумагъ на храненіе (ст. 55), мировой судья испрашиваетъ разрѣшеніе мироваго съѣзда, если означенное распоряженіе касается денегъ, бумагъ, документовъ или цѣнностей на сумму свыше 2000 руб.

58) Отдача въ заемъ капиталовъ несовершеннолѣтняго допускается:

а) подъ залогъ сельскихъ имѣній только въ предѣлахъ половины подесятинной оцѣнки, установленной для залога въ государственномъ дворянскомъ банкѣ, а въ мѣстностяхъ, для которыхъ она не установлена, въ предѣлахъ половины земской или податной оцѣнки;

б) подъ залогъ городскихъ имѣній—въ предѣлахъ половины ихъ городской оцѣнки и при томъ только тогда, когда городское имѣніе приноситъ постоянный доходъ;

в) подъ закладъ тѣхъ же бумагъ, которыя разрѣшено пріобрѣтать для несовершеннолѣтняго, но не свыше половины биржевой ихъ стоимости.

59) Въ случаѣ, если опекунъ отдаетъ въ заемъ капиталы опекаемаго безъ надлежащаго обезпеченія, то мировой судья немедленно требуетъ возвращенія капитала или представленія обезпеченія.

60) Опекунъ не имѣетъ права пользоваться, въ личную себѣ прибыль, деньгами и вообще имуществомъ опекаемаго.

За употребленіе, вопреки сему запрещенію, денегъ опекаемаго въ свою

пользу, опекунъ обязанъ, со времени такого ихъ употребленія, заплатить по 1% въ мѣсяцъ.

61) На уплату долга опекаемаго самому опекуну требуется разрѣшеніе мироваго судьи.

62) Недвижимое имѣніе, а также торговое, фабричное или промышленное заведеніе, принадлежащее опекаемому, можетъ быть отдано опекуномъ въ наемъ на срокъ свыше трехъ лѣтъ лишь съ разрѣшенія мироваго судьи, а на срокъ свыше двѣнадцати лѣтъ или за ежегодную плату свыше двухъ тысячъ рублей — съ разрѣшенія мироваго съѣзда.

Срокъ найма не можетъ простираться далѣе одного года, послѣ достиженія опекаемымъ совершеннолѣтія; на болѣе же продолжительное время договоръ найма можетъ быть заключенъ, съ разрѣшенія подлежащаго опекунскаго установленія, лишь въ томъ случаѣ, когда мѣра эта вызывается особымъ свойствомъ имущества въ отношеніи извлеченія изъ него доходовъ.

Если имущество принадлежитъ нѣсколькимъ несовершеннолѣтнимъ различнаго возраста, то указанный выше годичный срокъ считается со времени достиженія совершеннолѣтія старшимъ опекаемымъ.

63) Заемъ денегъ отъ имени опекаемаго разрѣшается: въ предѣлахъ суммы ожидаемаго годоваго дохода мировымъ судьею, а свыше—мировымъ съѣздомъ, и при томъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда мѣра эта оказывается необходимою для платежа за опекаемаго въ учебное заведеніе, для предотвращенія продажи недвижимаго его имѣнія или несвоевременной продажи процентныхъ бумагъ, а также для поправленія строеній или для покупки необходимыхъ для имѣнія орудій, скота и вообще для поддержки имѣнія и заведеннаго въ немъ хозяйства.

Заемъ совершается преимущественно въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ.

64) Мировой съѣздъ, разрѣшая продолженіе предпріятія, въ правѣ также дать опекуну общее разрѣшеніе на вступленіе въ долговыя обязательства по веденію предпріятія, но лишь въ предѣлахъ извѣстной суммы.

65) Движимость, подверженную скорой порчѣ независимо отъ ея цѣнности, опекунъ можетъ продать, съ публичнаго торга или по вольной цѣнѣ, не испрашивая на то разрѣшенія.

На продажу произведеній хозяйства, произведеній промышленнаго или фабричнаго заведенія, равно товаровъ изъ торговаго заведенія также не не требуется разрѣшенія.

66) Продажа процентныхъ бумагъ и вообще движимаго имущества, не поименованнаго въ статьѣ 64, и продажа имѣнія недвижимаго допускается:

1. Когда продажа назначена духовнымъ завѣщаніемъ или дарственнымъ актомъ, по коимъ имущество дошло къ опекаемому.

2. Когда продажа необходима для уплаты долговъ опекаемаго, для его содержанія или воспитанія.

3. Когда продажа вызывается условіями раздѣла имущества между совладѣльцами.

4. Когда имѣющая выручиться отъ продажи имѣнія сумма необходима для сохраненія другаго, приносящаго доходъ имущества, и

5. Когда имущество не можетъ быть сбережено безъ утраты или уменьшенія его цѣнности, или пришло въ совершенную ветхость, или оказывается излишнимъ или убыточнымъ.

67) Продажа окладовъ св. иконъ и такихъ вещей, съ которыми соединены историческія или семейныя воспоминанія, можетъ быть произведена лишь въ крайнемъ случаѣ и не иначе, какъ съ разрѣшенія мироваго судьи или съѣзда по принадлежности (ср. ст. 67).

68) На продажу движимости, когда цѣнность ея превышаетъ 500 р., требуется разрѣшеніе мироваго судьи, а на продажу недвижимости вообще и движимости цѣною свыше 2,000 руб.—разрѣшеніе мироваго съѣзда.

Во всякомъ случаѣ, движимое имущество должно быть продаваемо по возможности прежде недвижимаго.

Предназначенному къ продажѣ имуществу опекуномъ производится, если представляется надобность, опись и оцѣнка, при участіи самого опекаемаго, достигшаго семнадцати-лѣтняго возраста, если опекаемый того пожелаетъ.

Для оцѣнки имущества опекунъ, въ случаѣ необходимости, приглашаетъ, съ разрѣшенія мироваго судьи, свѣдущихъ людей.

Мировой судья или мировой съѣздъ могутъ разрѣшить продажу имущества или съ публичнаго торга, или по вольной цѣнѣ.

Для публичной продажи имущества, въ порядкѣ понудительнаго взысканія, разрѣшенія не требуется.

69) Разрѣшеніе на совершеніе мировыхъ сдѣлокъ совершается въ порядкѣ, указанномъ въ 1 части ст. 68.

70) Къ участію въ торгахъ (ср. ст. 64—67) не допускаются: опекунъ, мировой судья, въ участкѣ котораго или по распоряженію котораго производится продажа, а равно супруги и нисходящіе означенныхъ лицъ.

71) Опекунъ не можетъ совершать даренія отъ имени опекаемаго, за исключеніемъ обычныхъ подарковъ.

72) При заключеніи договоровъ опекунъ не въ правѣ обязываться неустойкою, кромѣ обычной.

Не допускается, равнымъ образомъ, представленіе имущества опекаемаго въ обезпеченіе обязательствъ третьихъ лицъ.

73) Опекунъ не можетъ вступить, въ качествѣ договаривающейся стороны, въ договоры относительно имущества опекаемаго, а равно пріобрѣтать требованія на опекаемаго.

Если бы, однако, допущеніе опекуна къ пріобрѣтенію или найму имущества опекаемаго вызывалось обоюдною ихъ пользою, обусловливаемою исключительно положеніемъ имѣнія опекаемаго, то мировой судья

можетъ разрѣшить заключеніе сдѣлки, назначивъ для сего временнаго опекуна.

74) При полюбовномъ раздѣлѣ проектъ его долженъ быть представленъ мировому судьѣ, который даетъ разрѣшеніе на совершеніе сдѣлки. Когда въ составъ имущества, подлежащаго судебному раздѣлу или дѣлимаго полюбовно, входитъ недвижимое имѣніе, или когда въ иномъ имуществѣ доля опекаемаго по цѣнѣ своей превышаетъ 2,000 руб., то требуется разрѣшеніе мироваго съѣзда.

75) Опекунъ обязанъ испрашивать разрѣшенія мироваго съѣзда:

1. На отреченіе отъ имени опекаемаго отъ наслѣдства.

2. На вырубку принадлежащаго опекаемому лѣса, за исключеніемъ тѣхъ лишь случаевъ, когда въ имѣніи заведено правильное лѣсное хозяйство или когда вырубка не превышаетъ количества, необходимаго для потребностей имѣнія.

3. На пріобрѣтеніе для опекаемаго недвижимаго имѣнія, и

4. На усыновленіе опекаемаго.

76) Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ требуется разрѣшеніе мироваго съѣзда, опекунъ обращается съ ходатайствомъ къ мировому судьѣ, который представляетъ о семъ съ своимъ заключеніемъ мировому съѣзду.

77) Опекаемый отвѣтствуетъ по обязательствамъ наслѣдодателя только въ размѣрѣ унаслѣдованнаго имъ имущества, съ присоединеніемъ къ послѣднему доходовъ со дня открытія наслѣдства и того, что слѣдовало отъ него наслѣдодателю.

78) Сдѣлки, совершенныя опекуномъ безъ разрѣшенія опекунскаго установленія, когда такое разрѣшеніе требуется, и не получившія последующаго надлежащаго одобренія, признаются недѣйствительными.

Въ случаѣ признанія сдѣлки недѣйствительною, другая договаривающаяся сторона въ правѣ требовать возвращенія того, что, во исполненіе договора, поступило къ несовершеннолѣтнему и сохранилось въ его имуществѣ.

79) Если между двумя или нѣсколькими несовершеннолѣтними, имѣющими одного и того же опекуна, возникнетъ тяжба или необходимо совершеніе договора, то къ несовершеннолѣтнимъ назначаются временные опекуны.

80) Въ случаѣ возникновенія между опекаемымъ и опекуномъ тяжбы, мировой судья въ каждомъ данномъ случаѣ разрѣшаетъ вопросъ—долженъ ли быть опекунъ устраненъ и замѣненъ другимъ, или же достаточно ограничиться только назначеніемъ временнаго опекуна для веденія дѣла со стороны опекаемаго.

81) Если для пользы несовершеннолѣтняго, къ которому опекунъ еще не назначенъ, или опекунъ котораго отсутствуетъ, должно быть внѣ участка мироваго судьи, завѣдующаго опекою, совершено дѣйствіе, требующее опекунскаго представительства, то мѣстный по совершенію дѣй-

ствія мировой судья назначаетъ временнаго опекуна и увѣдомляетъ о семъ мироваго судью, завѣдующаго опекою.

82) Исполненіе обязанностей опекуна не можетъ быть имъ передано другому лицу. Но опекунъ въ правѣ выдавать довѣренности на управленіе имѣніемъ и на исполненіе отдѣльныхъ дѣйствій.

83) Опекунъ получаетъ за труды по опекѣ по 5% съ чистаго годоваго дохода съ состоявшагося въ его завѣдываніи имущества.

Чистымъ доходомъ признается остатокъ, получаемый за исключеніемъ изъ валоваго дохода обыкновенныхъ расходовъ по имуществу и слѣдующихъ съ него податей и повинностей всякаго рода.

Мировому съѣзду, при несоразмѣрности трудовъ опекуна съ получаемымъ имъ вознагражденіемъ, предоставляется увеличить размѣръ вознагражденія, но не свыше 10%.

Лицо, предоставившее несовершеннолѣтнему имущество, можетъ назначить опекуну вознагражденіе и свыше указаннаго размѣра.

84) Если назначено нѣсколько опекуновъ, то вознагражденіе дѣлится между ними поровну.

Въ случаѣ распредѣленія между опекунами обязанностей по опекѣ, мировой судья, изъ общей суммы причитающагося по 83 ст. вознагражденія, назначаетъ каждому опекуну вознагражденіе по соразмѣрности его трудовъ.

Вознагражденіе временнаго опекуна изъ общей суммы (ст. 83) опредѣляется мировымъ судьею.

85) Независимо отъ вознагражденія за завѣдываніе опекою, опекунъ имѣетъ право на возмѣщеніе всѣхъ необходимыхъ расходовъ по опекѣ, произведенныхъ имъ изъ собственныхъ средствъ.

На слѣдующія опекуну суммы начисляются со дня употребленія ихъ проценты по 6 на 100 въ годъ; если же опекунъ не доказалъ, когда именно суммы израсходованы, то проценты исчисляются со дня представленія отчета.

Глава IV. О надзорѣ за опекунами и объ ихъ отвѣтственности.

86) Мировыя установленія обязаны имѣть надзоръ за опекунами.

Въ случаѣ дошедшихъ до опекунскихъ установленій свѣдѣній, какъ отъ родственниковъ опекаемыхъ, такъ и отъ постороннихъ лицъ, объ упущеніяхъ и вообще неправильныхъ дѣйствіяхъ опекуновъ, они принимаютъ къ устраненію таковыхъ надлежащія мѣры.

87) Опекунъ обязанъ вести приходу и расходу денегъ по опекѣ шнуровую, за скрѣпою и печатью мироваго судьи, книгу, которая должна быть сохраняема и предъявляема мировому судьѣ, по его требованію, для провѣрки.

88) Всѣ опекуны, не исключая временныхъ опекуновъ, подлежатъ

отчетности по исполненію лежащихъ на ихъ обязанностей и не могутъ быть освобождены отъ этой обязанности ни родителями, ни лицами, отъ которыхъ къ опекаемому по духовному завѣщанію или дарственному акту дошло имущество.

89) Опекунъ представляетъ мировому судьѣ ежегодные отчеты по опекѣ не позже 1 марта слѣдующаго за отчетнымъ года; отсрочка въ представленіи отчета, но не далѣе трехъ мѣсяцевъ, по уважительнымъ причинамъ, разрѣшается мировымъ судьею.

90) Нѣсколько опекуновъ, назначенныхъ по одной опекѣ, представляютъ отчетъ сообща; но если каждому изъ нихъ ввѣрено управленіе особымъ имѣніемъ, или особою частью опеки (ср. ст. 34), то каждый опекунъ представляетъ отдѣльный отчетъ, въ отношеніи того, что ввѣрено его завѣдыванію, тому мировому судьѣ, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ опека, хотя бы имѣнія лежали въ разныхъ мировыхъ участкахъ или округахъ.

91) За непредставленіе отчета въ назначенный срокъ (ср. ст. 89) виновный въ томъ опекунъ подвергается денежному взысканію, въ размѣрѣ не свыше пяти рублей за каждый просроченный день.

Если просрочка продолжается болѣе мѣсяца, то мировой судья налагаетъ опредѣленное выше взысканіе, въ размѣрѣ до 150 рублей. Въ случаѣ непредставленія отчета въ теченіе двухъ недѣль со времени объявленія опекуну о наложенномъ на него взысканіи, опекунъ вновь подвергается денежному взысканію до 300 руб., и затѣмъ отчетъ составляется за счетъ опекуна, по назначенію мироваго судьи, свѣдущимъ лицомъ, которому опекунъ обязанъ дать нужныя для сего бумаги и свѣдѣнія, въ противномъ случаѣ мировой судья представляетъ о семъ, съ своимъ заключеніемъ, мировому съѣзду, который можетъ подвергнуть опекуна аресту отъ одной до шести недѣль.

92) Отчетъ долженъ содержать точныя свѣдѣнія: 1) о воспитаніи или занятіяхъ опекаемаго, а равно о расходахъ лично на него; 2) о происшедшихъ въ имуществѣ за отчетное время перемѣнахъ (прибыли или убыли); 3) о доходахъ и расходахъ по имуществу; 4) о числящихся по опекѣ долгахъ и недоимкахъ, и 5) о положеніи дѣлъ, производящихся въ судебныхъ или административныхъ учрежденіяхъ.

Родители, другіе восходящіе и супругъ, состоящіе опекунами несовершеннолѣтняго, освобождаются отъ помѣщенія въ отчетѣ свѣдѣній, означенныхъ въ пунктахъ 1 и 3.

Къ отчету прилагаются, по мѣрѣ возможности, оправдательные документы.

93) По торговымъ, фабричнымъ и промышленнымъ предпріятіямъ отчетъ по предметамъ, указаннымъ въ пп. 2, 3 и 4 предъидущей статьи, замѣняется балансомъ изъ книгъ, составленнымъ завѣдующимъ предпріятіемъ. Правильность баланса удостовѣряется опекуномъ. Мировой судья въ правѣ потребовать представленія ему торговыхъ книгъ.

94) Мировой судья немедленно по представленіи отчета, по возможности въ присутствіи опекуна, разсматриваетъ какъ правильность составленія отчета, такъ и самый отчетъ по существу, а равно удостовѣряется въ сохранности капиталовъ и цѣнныхъ вещей опекаемаго.

Независимо отъ наблюденія за дѣйствіями опекуна по отчетамъ, мировой судья въ правѣ потребовать предъявленія на мѣстѣ приходорасходной книги и удостовѣряться въ сохранности капиталовъ и другаго имущества.

При неясности или неполнотѣ отчета, мировой судья требуетъ отъ опекуна словесныхъ или письменныхъ разъясненій и дополненій. За непредставленіе таковыхъ въ назначенный срокъ опекунъ подвергается взысканію до ста рублей.

95) Если при ревизіи отчета мировымъ судьею усмотрѣно будетъ, что въ отчетѣ какія либо поступившія суммы пропущены или что расходы показаны неправильно, то мировой судья, по истребованіи отъ опекуна разъясненій, назначаетъ послѣднему срокъ для пополненія сдѣланнаго начета или обезпеченія онаго достаточнымъ на сей предметъ имуществомъ.

Въ случаѣ неподчиненія опекуна распоряженію мироваго судьи, причиненные опекаемому убытки взыскиваются въ судебномъ порядкѣ.

96) Лицо, вышедшее изъ подъ опеки, а равно назначенный вновь опекунъ въ правѣ предъявить искъ объ убыткахъ къ бывшему опекуну, хотя бы на представленные послѣднимъ отчеты не послѣдовало со стороны разсматривавшаго ихъ мироваго судьи никакихъ замѣчаній.

97) Мировой судья обязанъ, не позже 1 сентября, донести мировому съѣзду: а) о числѣ опекъ въ предшествовавшемъ году, б) по всѣмъ ли симъ опекамъ представлены отчеты и в) о числѣ разсмотрѣнныхъ отчетовъ.

98) Опекунъ отвѣтствуетъ за всякій убытокъ, причиненный имъ опекаемому, умышленно или вслѣдствіе нерадѣнія.

Данное опекуну мировыми установленіями разрѣшеніе на совершеніе извѣстнаго дѣйствія не освобождаетъ опекуна отъ отвѣтственности предъ опекаемымъ.

99) Соопекуны подлежатъ совокупной отвѣтственности (всѣ за одного и каждый за всѣхъ).

Если убытки причинены однимъ опекуномъ безъ участія другаго опекуна, который въ то же время не представляется виновнымъ въ нерадѣніи, то отвѣтственность падаетъ на одного виновнаго опекуна.

Тотъ изъ нѣсколькихъ опекуновъ, которому ввѣрено управленіе особымъ имуществомъ или особою частью опеки, отвѣчаетъ лишь въ предѣлахъ возложенныхъ на него обязанностей.

100) Опекунъ отвѣчаетъ также за дѣйствія управляющихъ, приказчиковъ и вообще лицъ, опредѣленныхъ имъ по опекѣ, если не имѣлъ надлежащаго наблюденія надъ сими лицами, или назначилъ лицъ, явно неспособныхъ или неблагонадежныхъ.

101) Искъ къ опекуну о возмѣщеніи причиненныхъ опекаемому убытковъ можетъ быть предъявленъ не только во время существованія опеки, но и послѣ ея прекращенія, однако не позже трехъ лѣтъ со времени достиженія опекаемымъ совершеннолѣтія, или со дня смерти опекаемаго, если онъ умеръ, не достигнувъ совершеннолѣтія.

102) Мировыя установленія могутъ приглашать опекаемыхъ и опекуновъ для личныхъ объясненій. Въ случаѣ неявки опекуна, безъ уважительныхъ причинъ, по вызову для представленія объясненій, мировыя установленія могутъ подвергать опекуна денежному взысканію не свыше 100 руб., но лишь тогда, если неявившійся опекунъ живетъ въ томъ же городѣ или въ томъ же участкѣ, гдѣ находится камера мироваго судьи, а равно и въ томъ же мировомъ округѣ, если вызовъ исходитъ отъ мироваго съѣзда.

103) За нерадѣніе или упущеніе опекуну дѣлается мировыми установленіями предостереженіе или налагается на него денежное взысканіе не свыше 300 рублей, смотря по важности случая или состоятельности опекуна. Предварительно наложенія взысканія отъ опекуна требуется объясненіе.

104) Въ случаѣ обнаруженія растраты или инаго предусмотрѣннаго въ уголовныхъ законахъ дѣянія со стороны опекуна, мировыя установленія сообщаютъ о семъ подлежащей власти, для привлеченія опекуна къ уголовной отвѣтственности.

Глава V. Объ увольненіи опекуновъ и назначеніи новыхъ.

105) Опекунъ исполняетъ возложенныя на него закономъ обязанности до увольненія его въ надлежащемъ порядкѣ и до сдачи имущества вновь назначенному опекуну, хотя бы наступили законныя причины, дозволяющія ему ходатайствовать объ освобожденіи отъ опеки.

106) Въ случаѣ тяжкой болѣзни опекуна, продолжительнаго его отсутствія, или иныхъ препятствій, не дозволяющихъ ему исполнять опекунскія обязанности, мировой судья можетъ, смотря по обстоятельствамъ, или уволить, или до устраненія препятствій назначить временнаго опекуна.

107) Мировой судья увольняетъ опекуна въ случаѣ обнаруженія злоупотребленій, существенныхъ упущеній, или если дальнѣйшее оставленіе опекуна въ должности представляется вреднымъ для нравственности опекаемаго.

При приведеніи въ исполненіе постановленія мироваго судьи примѣняются правила, изложенныя во второй части статьи 7 сего устава.

108) Опекунъ, по увольненіи его, долженъ представить въ мѣсячный срокъ отчетъ за то время своего завѣдыванія опекою, которое не вошло въ прежній отчетъ и передать состоявшее въ его завѣдываніи имущество вновь назначенному опекуну.

Сдача имущества производится или по пріемной описи (ср. ст. 39) съ отмѣткою въ ней всѣхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ имуществѣ, состоявшемъ подъ опекою, или по новой описи, если въ томъ представляется надобность.

109) Мировой судья, въ случаѣ несдачи опекуномъ, безъ уважительной причины, имущества явившемуся для принятія его лицу, даетъ судебному приставу приказъ объ отобраніи сего имущества отъ опекуна по описи или послѣднему отчету.

110) О смерти опекуна долженъ быть извѣщенъ мировой судья. Соопекуны умершаго и его наличные наслѣдники обязаны извѣстить мироваго судью безъ замедленія.

Наслѣдники умершаго опекуна обязаны до назначенія новаго опекуна заботиться объ охраненіи вещей опекаемаго, находящихся въ оставшемся послѣ умершаго имуществѣ.

111) Въ случаѣ смерти опекуна отчетъ по имѣющимся въ опекѣ даннымъ составляется его соопекунами, или назначеннымъ вновь опекуномъ. Наслѣдники умершаго опекуна допускаются къ участію въ составленіи отчета, а равно къ участію въ сдачѣ имущества, бывшаго въ завѣдываніи умершаго.

Глава VI. О прекращеніи опеки.

112) Опека прекращается:

1. Смертью опекаемаго.

2. Достиженіемъ опекаемымъ совершеннолѣтія.

113) О смерти опекаемаго опекунъ доводитъ до свѣдѣнія мироваго судьи и наслѣдниковъ умершаго, если послѣдніе находятся на лицо или мѣсто жительства ихъ извѣстно, продолжая завѣдывать имуществомъ до вступленія наслѣдниковъ умершаго во владѣніе.

114) Опекунъ по прекращеніи опеки долженъ передать состоявшее въ его завѣдываніи имущество бывшему подъ опекою, или его наслѣдникамъ въ порядкѣ, указанномъ въ 108 статьѣ.

115) По прекращеніи опеки опекунъ въ мѣсячный срокъ обязанъ представить отчетъ за то время своего завѣдыванія опекою, которое не вошло въ прежній его отчетъ.

Мировой судья не разсматриваетъ сего отчета, а передаетъ такой вышедшему изъ подъ опеки или его наслѣдникамъ.

116) Если вышедшій изъ подъ опеки или его правопреемникъ станутъ уклоняться отъ принятія состоявшаго въ опекунскомъ завѣдываніи имущества, то мировой судья, по представленію опекуна, ходатайствующаго объ освобожденіи его отъ опекунства, назначаетъ временнаго управителя надъ имуществомъ, или распоряжается сдачею процентныхъ бумагъ и вообще движимаго имущества на храненіе, а равно продажею та-

кого имущества, храненіе котораго представляется излишнимъ или дорого стоящимъ.

Глава VII. О семейномъ совѣтѣ.

117) Семейный совѣтъ учреждается:

1. Въ силу завѣщанія или инаго письменнаго распоряженія отца или матери, а равно лица, предоставившаго несовершеннолѣтнему имущество.

2. По заявленію супруга несовершеннолѣтняго, а также кого либо изъ восходящихъ родственниковъ или двухъ такихъ родственниковъ или свойственниковъ, которые могутъ войти въ составъ семейнаго совѣта.

3. По заявленію опекуна.

4. По непосредственному усмотрѣнію мироваго судьи, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда опекаемому принадлежатъ обширныя торговыя, фабричныя или промышленныя заведенія, или значительныя недвижимыя имущества.

Родственникъ или свойственникъ, ходатайствующій объ учрежденіи семейнаго совѣта, долженъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъявить согласіе быть членомъ совѣта и указать тѣхъ лицъ, двухъ—трехъ, изъ родственниковъ, или свойственниковъ, которыя могутъ быть членами совѣта и доставить свѣдѣнія о мѣстѣ ихъ жительства.

118) Семейный совѣтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ мироваго судьи, которому подвѣдома опека; число членовъ семейнаго совѣта не можетъ быть менѣе двухъ и болѣе шести.

119) Въ семейный совѣтъ призываются прежде всего отецъ и мать опекаемаго, а въ случаѣ ихъ смерти лица, ими назначенныя. Въ составъ семейнаго совѣта входитъ также совершеннолѣтній супругъ опекаемаго.

За недостаткомъ сихъ лицъ мировой судья призываетъ, къ участію въ семейномъ совѣтѣ, родственниковъ или свойственниковъ опекаемаго, преимущественно ближайшихъ, но лишь въ томъ числѣ, въ какомъ это необходимо для образованія семейнаго совѣта въ наименьшемъ допускаемомъ закономъ составѣ (ср. ст. 117).

120) Членами семейнаго совѣта не могутъ быть всѣ тѣ лица, которыя по закону (ср. ст. 29) не могутъ быть опекунами.

Никто не можетъ быть одновременно опекуномъ и членомъ семейнаго совѣта.

Изъ лицъ женскаго пола членами семейнаго совѣта могутъ быть только восходящія родственницы, родныя сестры и родныя тетки.

121) Когда есть основаніе къ учрежденію семейнаго совѣта (ст. 116), то мировой судья обязанъ озаботиться о безотлагательномъ образованіи совѣта, о скорѣйшемъ назначеніи его засѣданія и о представленіи совѣту первоначальнаго опредѣленія опекуна (ст. 27).

Семейный совѣтъ, состоящій менѣе, чѣмъ изъ шести членовъ, можетъ во всякое время пополнить свой составъ и при томъ не только изъ род-

ственниковъ или свойственниковъ опекаемаго, но и изъ лицъ, находящихся въ дружескихъ отношеніяхъ къ семьѣ опекаемаго.

122) Члены семейнаго совѣта назначаются для постояннаго въ засѣданіяхъ онаго участія.

Въ случаѣ выбытія кого-либо изъ членовъ, замѣщеніе его зависитъ отъ семейнаго совѣта, а если не останется двухъ членовъ, то замѣщеніе производится мировымъ судьею, съ соблюденіемъ правилъ, предписанныхъ для первоначальнаго образованія семейнаго совѣта

123) Родственники до третьей степени включительно и супругъ опекаемаго не могутъ отказаться отъ принятія званія члена семейнаго совѣта, развѣ бы постоянное ихъ жительство находилось далѣе 25 верстъ отъ мѣста пребыванія мироваго судьи.

124) Лица, назначенныя въ члены семейнаго совѣта и принявшія это званіе, могутъ быть освобождены мировымъ съѣздомъ отъ обязанностей лишь по уважительнымъ причинамъ.

125) Членъ совѣта, не явившійся въ засѣданіе безъ уважительной причины, можетъ быть подвергнутъ мировымъ съѣздомъ денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей, въ случаѣ же часто повторяемой неявки—можетъ быть съѣздомъ уволенъ отъ должности.

126) Засѣданія семейнаго совѣта назначаются мировымъ судьею по мѣрѣ надобности, при чемъ мировой судья заботится, чтобы въ назначенное засѣданіе были, по возможности, предложены совѣту всѣ подлежащіе его разсмотрѣнію вопросы.

Мировой судья не вправѣ отказать въ просьбѣ двухъ членовъ совѣта о созывѣ онаго.

Всѣ члены совѣта приглашаются мировымъ судьею въ засѣданіе словесно или письменно.

127) Члены совѣта не должны участвовать въ разсмотрѣніи вопросовъ, въ которыхъ они имѣютъ личный интересъ.

128) Въ засѣданіяхъ семейнаго совѣта должны участвовать обязательно мировой судья и не менѣе двухъ членовъ.

Замѣна члена семейнаго совѣта повѣреннымъ не допускается.

129) Если членъ совѣта не можетъ, по уважительнымъ причинамъ, явиться въ засѣданіе совѣта, то имѣетъ право прислать, на имя мироваго судьи, письменный отзывъ о предметахъ, подлежащихъ обсужденію совѣта. Такой отзывъ предъявляется совѣту, но въ счетъ голосовъ не принимается.

130) Если въ засѣданіе совѣта явится только одинъ членъ, то мировой судья, по выслушаніи мнѣнія явившагося члена и по разсмотрѣніи присланныхъ письменныхъ отзывовъ, смотря по свойству подлежащихъ обсужденію предметовъ, или назначаетъ засѣданіе совѣта на другой срокъ, или дѣлаетъ собственною властью надлежащія распоряженія.

Равнымъ образомъ, при необходимости немедленнаго принятія мѣръ до созванія совѣта, мировой судья дѣлаетъ нужныя распоряженія и бе-

зотлагательно созываетъ совѣтъ, которому сообщаетъ о своихъ распоряженіяхъ, и отъ котораго зависятъ дальнѣйшія мѣропріятія.

131) Постановленія семейнаго совѣта, состоявшіяся какъ единогласно, такъ и съ раздѣленіемъ голосовъ, вносятся въ журналъ, который подписывается мировымъ судьею и всѣми членами, присутствовавшими въ совѣтѣ. О причинахъ неподписанія кѣмъ либо изъ членовъ журнала, мировой судья отмѣчаетъ на самомъ журналѣ.

Семейный совѣтъ разрѣшаетъ подлежащій обсужденію вопросъ простымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ лицъ. При равенствѣ голосовъ, голосъ мироваго судьи даетъ перевѣсъ.

132) Если мировой судья находитъ, что состоявшееся несогласно съ его мнѣніемъ постановленіе семейнаго совѣта противозаконно, или клонится къ явному вреду для опекаемаго, то онъ можетъ временно пріостановить исполненіе и представить дѣло, но не позже семи дней, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, на разрѣшеніе мироваго съѣзда.

133) Семейному совѣту принадлежатъ по опекѣ, для которой онъ учрежденъ, права и обязанности мироваго судьи.

Въ случаяхъ, когда для приведенія въ исполненіе постановленія мироваго судьи требуется утвержденіе мироваго съѣзда, такое же утвержденіе нужно и для исполненія постановленія семейнаго совѣта. Истребованіе объясненій или свѣдѣній, и другія приготовительныя распоряженія, а также исполнительныя распоряженія по постановленіямъ семейнаго совѣта и направленіе въ установленномъ порядкѣ поданныхъ на семейный совѣтъ жалобъ лежатъ на мировомъ судьѣ.

Мировой судья, не смотря на учрежденіе семейнаго совѣта, имѣетъ право и единолично повѣрять шнуровую книгу опекуна и наличность имущества опекаемаго, давать отсрочку на представленіе отчета, сообщать о привлеченіи опекуна къ уголовной отвѣтственности, приглашать опекаемаго и опекуна для личныхъ объясненій, налагать взысканіе на опекуна за неявку по такому приглашенію.

Съ прекращеніемъ опеки упраздняется семейный совѣтъ, и послѣдующія распоряженія зависятъ отъ единоличной власти мироваго судьи.

Глава VIII. Объ участіи родственниковъ и несовершеннолѣтняго въ совѣщаніяхъ по дѣламъ опеки.

134) Когда не учреждено семейнаго совѣта, то предварительно назначенія опекуна по избранію мироваго судьи и предварительно разрѣшенія на продажу имущества, закрытіе промышленнаго заведенія, на устройство новаго, или пріобрѣтеніе уже существующаго заведенія, на покупку недвижимаго имѣнія, полюбовный раздѣлъ имущества несовершеннолѣтняго съ другими совладѣльцами, на наемъ имущества на срокъ далѣе совершеннолѣтія опекаемаго, отреченіе отъ наслѣдства, усыновленіе опекаемаго, а также предварительно предоставленія несовершенно-

лѣтнему правъ, исчисленныхъ въ статьяхъ 15 — 17 и 25 правилъ о правоспособности несовершеннолѣтнихъ, или лишенія несовершеннолѣтняго этихъ правъ, мировой судья можетъ приглашать родственниковъ и свойственниковъ опекаемаго явиться для совѣщанія по означеннымъ предметамъ или заявить по нимъ мнѣніе. Приглашеніе можетъ быть обращено и къ лицу, живущему въ другой мѣстности, если вызываемая этимъ отсрочка въ постановленіи мироваго судьи не представляется вредною.

О днѣ, назначаемомъ для совѣщанія, извѣщается опекаемый, достигшій семнадцати-лѣтняго возраста, и если опекаемый явится, то выслушиваются и его заявленія.

135) Правило, постановленное въ предыдущей статьѣ, примѣняется мировымъ судьею, по его собственному усмотрѣнію или по ходатайству опекуна, и въ другихъ, кромѣ перечисленныхъ въ ней, случаяхъ, касающихся воспитанія несовершеннолѣтняго или распоряженій по имущественнымъ дѣламъ опекаемаго, а также, когда участіе родственниковъ или свойственниковъ опекаемаго полезно при повѣркѣ отчета опекуна или вообще его дѣятельности.

136) Отъ усмотрѣнія мироваго судьи зависитъ пригласить на совѣщаніе или къ заявленію мнѣнія одно лицо или нѣсколько лицъ, не исключая и лицъ женскаго пола. Мировой судья вправѣ обратиться и съ письменнымъ запросомъ. Письменные отзывы принимаются, хотя бы мировой судья приглашалъ на словесное совѣщаніе.

137) Въ протоколѣ или постановленіи мироваго судьи отмѣчается, чье мнѣніе выслушано. По желанію приглашеннаго лица сущность его мнѣнія вносится въ протоколъ за подписью этого лица.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. В. Муравьевъ. *Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности.* Томъ I. *Прокуратура на Западѣ и въ Россіи.* М. 1889.

Исходя изъ той мысли, что правительственному дѣятелю, который интересуется и дорожитъ своимъ занятіемъ, нельзя довольствоваться знаніемъ текста соотвѣтствующихъ законовъ и примѣрами вседневной практики, что просвѣщенный взглядъ на дѣло и сознательное ему служеніе идутъ далеко за предѣлы юридической техники и канцелярскаго дѣлопроизводства, авторъ принялся за трудъ, который, по его собственнымъ словамъ, не претендуя быть всестороннимъ изслѣдованіемъ прокуратуры, долженъ представить сводъ всѣхъ главнѣйшихъ свѣдѣній и данныхъ, нужныхъ или, по крайней мѣрѣ, полезныхъ для обстоятельнаго съ нею ознакомленія. Это отнюдь не ученый трактатъ, говоритъ авторъ, но пособіе для прокурорской службы. Вышедшій первый томъ обнимаетъ небольшое введеніе (стр. 1—36), за которымъ слѣдуетъ историческій очеркъ развитія прокуратуры въ западной Европѣ (стр. 37—242) и въ Россіи (стр. 243—534). Составленная такимъ образомъ книга, отличаясь обстоятельностью приведенныхъ въ ней свѣдѣній и простотою изложенія, составитъ полезное пособіе не для однихъ чиновъ прокурорской службы, но и для каждаго образованнаго читателя, который могъ бы заинтересоваться учрежденіемъ прокуратуры. Второй томъ, о скоромъ выходѣ въ свѣтъ котораго уже публикуется, будетъ, повидимому, болѣе спеціальнаго характера, относясь къ прокурорскому надзору по дѣйствующему русскому праву и практикѣ.

Представляетъ интересъ остановиться нѣсколько на руководящихъ воззрѣніяхъ автора, изложеніе которыхъ мы находимъ по преимуществу какъ въ введеніи къ книгѣ, такъ въ послѣдней главѣ ея, озаглавленной: «общія основанія и задачи современнаго прокурорскаго надзора». Терминъ: «блюститель законовъ» есть одинъ изъ коренныхъ эпитетовъ прокуратуры, говоритъ авторъ, и выражаетъ собою одинъ изъ главнѣйшихъ

ея аттрибутовъ. Въ этомъ качествѣ прокуроръ слѣдитъ за исполненіемъ закона въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя ввѣрены его наблюденію. Будучи блюстителемъ закона, прокуроръ естественно служитъ въ то же время и представителемъ публичныхъ интересовъ. Прокуроръ не только око, но и рука правительства въ дѣлѣ правосудія. Руководящее начало прокурорской дѣятельности заключается въ закономѣрности, въ согласованіи съ закономъ всего того, что отъ него уклонилось, въ началѣ законности. Однако, кромѣ легальной точки зрѣнія, есть еще другая,—нравственно-житейская, которую нельзя упускать изъ виду подъ опасеніемъ впасть въ излишній ригоризмъ и мертвое доктринерство. Такимъ образомъ практическая сила вещей рядомъ съ началомъ законности выдвигаетъ начало умѣстности и цѣлесообразности. «Бываютъ исключительные случаи, когда явленія дѣйствительности складываются въ формальные признаки преступленія, а между тѣмъ судебное его преслѣдованіе и приложеніе къ нему уголовной кары представлялось бы лишь безцѣльнымъ соблюденіемъ внѣшней обрядности и даже могло бы причинить обществу или отдѣльному лицу гораздо болѣе вреда, чѣмъ самое нарушеніе закона». Вопросъ о томъ, какимъ изъ двухъ руководящихъ началъ—закономѣрности и цѣлесообразности—управляется дѣятельность нашего прокурорскаго надзора, не разрѣшается прямо ни законодательствомъ, ни оффиціальными его истолкованіями. Но смыслъ закона и существо дѣла указываютъ на то, что въ дѣятельности прокурора до и внѣ суда оба начала имѣютъ одинаково свободное примѣненіе, въ судѣ же исключительное господство принадлежитъ началу законности.—Авторъ дважды касается вопроса о томъ положеніи, которое прокурорскій надзоръ долженъ создать себѣ въ общественномъ сознаніи и не безъ основанія считаетъ этотъ вопросъ столько же серьезнымъ, сколько затруднительнымъ и щекотливымъ. Но думается, что разрѣшеніе вопроса не исчерпывается указаніемъ на то, что дѣятелямъ прокурорскаго надзора слѣдуетъ опасаться впасть въ популярничанье, которое рискуетъ забыть и свой долгъ, и свое призваніе (стр. 510—515). Въ сведеніи вопроса о значеніи для прокурора общественнаго мнѣнія на вопросъ о популярничаніи искажается, думаемъ мы, самая сущность вопроса, и смѣшиваются два понятія совершенно разнородныя,—именно понятія общества и публики. Общество и публика не одно и то же для прокурора, такъ же какъ и для всѣхъ остальныхъ лицъ. Конечно, съ публикой, имѣющей дѣло до прокурора, онъ долженъ обходиться съ «равной и терпѣливой вѣжливостью, съ равною ко всѣмъ внимательностью, съ возможнымъ попеченіемъ объ интересахъ частныхъ лицъ»; конечно, съ другой стороны, прокуроръ «лишь весьма условно можетъ разсчитывать на сочувствіе» той же публики и, наоборотъ, «всегда долженъ быть готовъ ко всевозможнымъ нареканіямъ, личному нерасположенію и даже мести, въ самой разнообразной формѣ жалобъ, сплетенъ, печатныхъ нападокъ и инсинуацій». Но мнѣніе *публики* не значитъ еще *общественное* мнѣніе, и если отношеніе публики къ прокурору прини-

маетъ часто характеръ «измѣнчиваго и шаткаго сочувствія», то все это, повторяемъ, не только не исчерпываетъ, но даже не затрогиваетъ вопроса о значеніи общественнаго мнѣнія для прокурорской службы. На пяти вышеуказанныхъ страницахъ, отданныхъ авторомъ этому предмету, чрезъ всю аргументацію автора красною нитью проходитъ неправильная подстановка слова «общества», вмѣсто слова «публики» и, разрѣшивъ вопросъ о публикѣ, авторъ въ концѣ концовъ ничего не рѣшаетъ касательно общества, хотя, повидимому, все время говоритъ именно о немъ. Ближе къ дѣлу подходитъ онъ на стр. 33 и слѣд. своего труда. «Наука», читаемъ на стр. 34, «справедливо протестуетъ противъ всякой политической окраски въ прокурорской дѣятельности... Но все это въ значительной степени теряетъ свое значеніе тамъ, гдѣ нѣтъ борьбы политическихъ партій... Такъ, въ Россіи вопросъ о политической тенденціозности прокурорской дѣятельности есть вопросъ праздный, и наша практическая дѣйствительность не представляетъ никакой почвы для чего либо подобнаго». На самомъ дѣлѣ въ такомъ сужденіи, которое мы выписали съ большими сокращеніями, заключается гораздо болѣе доктринерства, чѣмъ во всей совокупности требованій «науки» относительно политическаго безпристрастія прокуратуры. Можно быть того или другаго мнѣнія по этому вопросу, но крайне произвольно, думаемъ мы, отвергать самую его возможность. Отсутствіе политическихъ партій, въ западномъ смыслѣ этого слова, не означаетъ еще отсутствія всякой политической жизни, всякихъ политическихъ теченій внутри общества, не устраняетъ возможности антагонизма между правительствомъ и обществомъ въ той или другой области интересовъ, и живой дѣятель, выходящій изъ среды того же общества, не можетъ сохранить въ такихъ случаяхъ полный индифферентизмъ. Принципъ цѣлесообразности, который самимъ авторомъ дается прокуратурѣ въ руководство наравнѣ съ принципомъ закономѣрности, только тогда и можетъ быть полезенъ, когда онъ готовъ служить не только правительству, но и обществу, при чемъ, конечно, послѣднее не слѣдуетъ смѣшивать съ публикой. Впрочемъ, можетъ быть, мы дѣйствительно требуемъ отъ современной прокуратуры непосильнаго дѣла. Можетъ быть, въ нашихъ сужденіяхъ кроется тотъ же аргументъ, который авторъ замѣтилъ въ сужденіяхъ, исходившихъ совсѣмъ изъ другаго лагеря; «аргументъ этотъ—указаніе на отсутствіе спеціальныхъ органовъ, которые удовлетворяли бы потребности въ закономѣрномъ правительственномъ надзорѣ за различными отраслями управленія» (стр. 483). Мы согласны, что «трудно думать, чтобы удовлетвореніе этой потребности могло быть возложено на одну судебную прокуратуру». Здѣсь требуется учрежденіе совершенно иной категоріи, несравненно болѣе могучее, питающее свои корни въ тѣсномъ союзѣ правительства съ народомъ и обществомъ.

С. М.

Графъ М. М. Сперанскій. *Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ.* Изданіе Одесскаго Юридическаго Общества. Одесса. 1889.

Трудъ Сперанскаго, какъ извѣстно, посвященъ изложенію исторіи и основной идеи Свода Законовъ; онъ былъ изданъ два раза, въ 1833 и 1837 гг. и оба изданія давно уже составляли библіографическую рѣдкость. Новымъ изданіемъ этой книги Одесское Юридическое Общество сочло необходимымъ почтить память великаго государственнаго человѣка, пятидесятилѣтіе смерти котораго исполнилось 11 февраля текущаго года.

П. В. Макалинскій. *С.-Петербургская присяжная адвокатура.* Спб. 1889. 560 стран.

Обширный томъ въ 35 листовъ убористой печати содержитъ въ себѣ систематическій обзоръ дѣятельности с.-петербургскихъ совѣта и общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ за двадцать два года ихъ существованія. «Отбросивъ всякую мысль о томъ, чтобъ предлагать читателямъ адвокатскую этику собственнаго сочиненія, неизбѣжно одностороннюю, или заимствованную у писателей иностранныхъ, болѣе или менѣе чуждыхъ нашимъ правамъ и обычаямъ, я заботился лишь объ одномъ: какъ можно полнѣе воспользоваться громаднымъ матеріаломъ, представляемымъ журналами совѣта и протоколами общихъ собраній с.-петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и, не вдаваясь въ ихъ критику и по возможности ближе придерживаясь ихъ текста, правильно систематизировать извлекаемыя изъ нихъ положенія или соображенія». Напечатанные отчеты Московскаго и Харьковскаго совѣта дали составителю возможность сопоставить съ практикой петербургскаго совѣта и практику совѣтовъ московскаго и харьковскаго. Въ результатѣ получился трудъ почтенный и полезный. Это—кодексъ правилъ адвокатской дѣятельности и нравственности, въ томъ видѣ, какъ они выработаны органами русской самоуправляющейся присяжной адвокатуры.

Francis A. Walker. *The Wages Question.* A treatise on wages and the wages class. New-York, Henry Holt and Company. 1886.

Въ январской книжкѣ американскаго журнала North American Review за 1875 г. Уокеръ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ Теорія рабочаго фонда (The Wage-Fund Theory). Этой статьѣ суждено было занять весьма видное мѣсто въ литературѣ рабочаго вопроса. Развитыя въ ней мысли въ сжатомъ, тщательно обработанномъ видѣ были еще разъ изложены въ руководствѣ политической экономіи. Впослѣдствіи онѣ были приведены въ связь съ теоріей народонаселенія и съ основными вопросами распредѣленія, такъ что вмѣсто нѣсколькихъ оригинальныхъ идей теоретическаго характера получилось вполнѣ законченный объемистый трактатъ о рабочей

платѣ. Правда, центральное мѣсто въ этомъ трактатѣ занимаютъ главы, въ которыхъ изложено содержаніе статьи 1875 года, но отъ присоединенія разсужденій объ издержкахъ труда, о деградаціи рабочаго, о необходимой платѣ, о рабочихъ союзахъ, о коопераціи — ученіе Уокера значительно выиграло въ цѣльности и убѣдительности; оно получило, кромѣ того, большое практическое значеніе. Вопросъ о рабочей платѣ говоритъ Уокеръ, есть вопросъ распредѣленія, а не производства богатствъ; на первый планъ выступаютъ здѣсь не *функціи*, выполняемыя отдѣльными лицами въ производствѣ, а *общественные классы*. Трудъ и капиталъ выполняютъ въ производствѣ каждый свое назначеніе, но это еще не значитъ, чтобы доли, причитающіяся въ распредѣленіи на трудъ и капиталъ, были такъ строго разграничены, какъ въ производствѣ. Хотя функція труда въ производствѣ всегда мысленно можетъ быть отдѣлена отъ функціи капитала, но въ дѣйствительности случаи, когда капиталъ доставляется однимъ лицомъ, а трудъ другимъ, гораздо рѣже, чѣмъ тѣ, въ которыхъ капиталъ и трудъ принадлежатъ тѣмъ же лицамъ. Еслибъ при обсужденіи вопроса о рабочей платѣ экономистъ обращалъ преимущественное вниманіе на производство, а не на распредѣленіе, то ему пришлось бы включить въ изслѣдованіе самые разнородные элементы, мелкій крестьянинъ собственникъ или фермеръ были бы поставлены на одну доску съ наемнымъ рабочимъ, предприниматели, получающіе вознагражденіе за надзоръ и управленіе, фигурировали бы въ одной группѣ съ прислугой и фабричными рабочими. Можно ли считать правильной классификацію, въ которой хозяинъ не отличается отъ рабочаго, землевладѣлецъ отъ земледѣльческаго рабочаго, поденщикъ играетъ такую же роль, какъ Стюартъ, Асторъ или Ротшильдъ? Ошибка, по мнѣнію Уокера, происходитъ отъ смѣшенія вопросовъ производства съ вопросами распредѣленія, отъ перенесенія функцій, выполняемыхъ отдѣльными лицами въ производствѣ, на участіе ихъ въ распредѣленіи.

Выдвигая на первый планъ распредѣленіе, Уокеръ не находитъ, однако, возможнымъ обойти молчаніемъ нѣкоторые вопросы изъ ученія о производствѣ и теоріи населенія. На этихъ вопросахъ онъ останавливается въ первой части книги; она служитъ какъ бы подготовительнымъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ заключеній. Особеннаго вниманія заслуживаетъ глава о номинальныхъ и реальныхъ издержкахъ на трудъ; въ ней Уокеръ обстоятельно доказываетъ, что высокая рабочая плата не равнозначительна еще большимъ издеркамъ на трудъ, а низкая плата небольшимъ издержкамъ; что день труда не представляетъ вездѣ и всегда одну и ту же величину. Вся эта глава представляетъ значительный интересъ еще и потому, что въ ней подробно изложены главнѣйшія причины, вліяющія на различную степень производительности труда, выяснено значеніе расы, образа жизни, привычекъ, умственнаго развитія, техническаго образованія и соціальнаго положенія рабочаго. Небольшая успѣшность труда, по мнѣнію Уокера, можетъ проистекать отъ употребленія дѣтскаго труда,

отъ чрезмѣрнаго утомленія женщинъ, отъ выполненія работъ, не соотвѣтствующихъ полу и возрасту. Я смотрю на эти факты, говоритъ онъ, не какъ филантропъ, а какъ экономистъ; если я возстаю противъ нихъ, то исхожу исключительно отъ экономическихъ принциповъ, а не изъ чувства состраданія. Установленіе зависимости между пищей и рабочей силой важно не только для доказательства различія въ производительности труда, но и для установленія положенія, что тамъ, гдѣ рабочая плата ниже экономическаго максимума, возвышеніе платы можетъ происходить безъ уменьшенія прибыли.

Но хорошая плата можетъ привести къ чрезмѣрному увеличенію населенія, — и Уокеръ переходитъ къ ученію о населеніи. Раздѣляя многія основныя положенія англійской классической школы, онъ твердо вѣритъ, что земля становится все менѣе и менѣе плодородной и что поэтому неминуемо должно наступить время, когда увеличившееся населеніе не найдетъ достаточнаго количества пищи. Для него ученіе Мальтуса остается незыблемымъ, населеніе дѣйствительно имѣетъ тенденцію размножаться быстрѣе, чѣмъ средства къ существованію, но благоразуміе и сознаніе своего соціальнаго положенія могутъ значительно сдерживать быстрое увеличеніе населенія. Такое рѣшеніе совершенно успокаиваетъ Уокера, и онъ возвращается къ доказательству своего основнаго положенія, что рабочая плата можетъ возвышаться безъ всякаго ущерба для капиталистовъ, что рабочіе, получая болѣе высокое вознагражденіе, сами увеличиваютъ ту сумму богатствъ, изъ которой имъ выдается плата.

Господствующее ученіе, говоритъ онъ, основано на предположеніи, что рабочая плата выплачивается изъ капитала, изъ сбереженныхъ результатовъ прошлаго труда. Отсюда былъ сдѣланъ выводъ, что размѣръ платы опредѣляется капиталомъ. На самомъ дѣлѣ происходитъ иначе; плата выплачивается отъ продукта текущаго труда; истинный размѣръ ея опредѣляется производствомъ. Предприниматель нанимаетъ рабочихъ въ видахъ полученія продукта труда; количество и качество продукта опредѣляютъ размѣръ того, что онъ можетъ платить за трудъ. Онъ долженъ, конечно, платить меньше, чѣмъ получаетъ за продуктъ; если продукта получается больше, онъ можетъ платить больше, и наоборотъ. Рабочіе получаютъ работу не потому, что у капиталиста есть фондъ, который можетъ быть израсходованъ, а потому, что результатомъ труда является продуктъ. Размѣръ платы опредѣляется поэтому не той суммой богатства, которою располагаетъ капиталистъ, а цѣнностью имѣющаго быть произведеннымъ продукта. Мотивомъ для найма рабочихъ и мѣрою платы служитъ производство, а не капиталъ. Но, можетъ быть, размѣръ производства и количество продукта находятся въ зависимости исключительно отъ величины капитала, и тогда капиталъ косвенно, если не прямо вліяетъ на плату. Уокеръ не признаетъ этого; онъ думаетъ, что при прочихъ равныхъ условіяхъ количество продукта измѣняется въ зависимости отъ естественныхъ силъ, отъ свойствъ почвы,

съ одной стороны, и отъ качества труда, организаціи, техническаго образованія и умственнаго развитія рабочаго, съ другой стороны. Уокеръ всего менѣе склоненъ умалять значеніе капитала и роль предпринимателей, онъ только совершенно не признаетъ вліянія капитала на *размѣръ платы*. Въ дѣйствительности, признаетъ онъ, нерѣдки случаи, когда плата выдается изъ капитала, изъ продукта прошлаго труда, когда рабочій живетъ не своимъ продуктомъ, а раньше произведеннымъ, результатомъ прошлаго труда, такъ какъ только въ немногихъ видахъ добывающей промышленности (охота, рыбная ловля) рабочій можетъ жить своимъ собственнымъ продуктомъ. Размѣръ запаса, необходимаго для безостановочнаго теченія производства, можетъ быть опредѣленъ тѣмъ, что необходимо для существованія въ теченіе промежутка между жатвами. Но, *во первыхъ*, капиталъ этотъ не долженъ непремѣнно принадлежать капиталисту, онъ можетъ принадлежать самому рабочему; *во вторыхъ*, если даже у рабочаго нѣтъ своего запаса и онъ принужденъ жить на счетъ капитала предпринимателя, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы этимъ ограничивалась плата, чтобы рабочій не могъ получать сверхъ необходимаго для существованія во время производства еще кое-что послѣ окончанія производства и продажи продукта.

Уокеръ задается вопросомъ, часто ли плата ссужается изъ капитала. Въ старыхъ странахъ, изобилующихъ капиталами, предприниматели не затрудняются выплачивать плату до продажи продукта, хотя обыкновенно выдаютъ только чрезъ недѣлю или чрезъ мѣсяцъ, т. е. когда рабочій уже вложилъ свой трудъ. То, что ему платятъ, зависитъ отъ ожидаемой цѣны продукта. Въ новыхъ странахъ, гдѣ ощущается недостатокъ въ капиталахъ, рабочій получаетъ во время работы только часть платы, а окончательный разсчетъ откладывается до окончанія жатвы или продажи продукта. Предприниматель уплачиваетъ по нѣкоторымъ счетамъ рабочаго, составляющимъ только часть выговоренной платы, а остальную часть выдаетъ послѣ выручки. Въ такихъ странахъ немыслимо говорить, что плата выдается изъ капитала, такъ какъ къ тому времени, когда рабочіе были наняты, еще не существовало богатства, предназначеннаго на плату. Богатство это явилось только какъ результатъ ихъ труда, раньше же его совсѣмъ не было. На нѣкоторыхъ фабрикахъ установился обычай платить рабочимъ одинъ разъ въ годъ, въ случаѣ же болѣе ранней уплаты дѣлался учетъ. Въ этомъ даже не было ничего несправедливаго, такъ какъ только при такомъ условіи, за отсутствіемъ свободныхъ капиталовъ, можно было приступить къ производству. Въ новыхъ странахъ, въ которыхъ нѣтъ большихъ накопленій, плата обыкновенно высока, потому что естественныя богатства находятся въ изобиліи, пришлые рабочіе отличаются высокимъ развитіемъ и ловкостью. Если бы плата опредѣлялась размѣрами капитала, а не производствомъ, мы должны были бы наблюдать явленіе, обратное тому, какое видѣли въ Америкѣ или Австраліи. Итакъ, заключаетъ Уокеръ, уплачиваетъ ли предприниматель

своимъ рабочимъ изъ капитала цѣликомъ или частью, или же совсѣмъ не уплачиваетъ изъ капитала, мѣриломъ платы служитъ цѣнность продукта; послѣдняя опредѣляетъ то, что можетъ быть потрачено на вознагражденіе рабочихъ. *Время* уплаты есть вопросъ сравнительно второстепенный, это скорѣе финансовый вопросъ. Истинно экономическій вопросъ, съ которымъ приходится имѣть дѣло при разсмотрѣніи ученія о рабочей платѣ, заключается въ томъ, *что* можетъ получать рабочій, а это опредѣляется производительностью труда.

Если въ Англіи низкая плата напередъ выплачивалась изъ капитала, а въ Америкѣ рабочіе получали гораздо больше, но принуждены были ждать до окончанія жатвы или до выручки, то это значитъ, что въ Англіи финансовыя условія больше благопріятствовали рабочимъ, а въ Америкѣ экономическія. Между тѣмъ размѣръ платы, т. е. количество необходимыхъ предметовъ, удобствъ и предметовъ роскоши, достающихся на долю рабочихъ, зависитъ отъ экономическихъ условій; финансовыя условія вліяютъ только на способъ и время уплаты, на то, выдается ли вознагражденіе сейчасъ или въ будущемъ, въ деньгахъ или натурой.

Сторонники фонда грѣшатъ еще въ томъ отношеніи, что не обращаютъ вниманія на *качество* труда, между тѣмъ какъ уровень образованія и развитія рабочаго, образъ жизни его вліяютъ на сумму, изъ которой получается плата.

Возраженія Уокера противъ теоріи фонда не покажутся, конечно, новыми для тѣхъ, кто знакомъ съ Родбертусомъ и Марксомъ, но, во первыхъ, въ аргументаціи американскаго экономиста нельзя не замѣтить оттѣнка, отличающаго его отъ другихъ противниковъ фонда; во вторыхъ, основныя воззрѣнія его на главнѣйшіе вопросы политической экономіи совершенно расходятся съ воззрѣніями нѣмецкихъ ученыхъ. У Родбертуса и Маркса трудно отдѣлить нападки на капитализмъ вообще отъ критики отдѣльныхъ ученій, между тѣмъ какъ Уокеръ стоитъ на почвѣ старой классической школы, признаетъ закономѣрность прибыли, необходимость существованія класса капиталистовъ. Вотъ почему опроверженіе ученія о фондѣ у Уокера получаетъ особенное значеніе. Преимущества изложенія его особенно бросаются въ глаза, если сравнить его съ другими противниками фонда, напримѣръ, съ Торнтономъ или Джевонсомъ. Вмѣсто отрывистыхъ замѣчаній мы находимъ цѣлую систему доказательствъ; основная идея подкрѣплена массою примѣровъ и разсужденій.

Мы подробно передали содержаніе этой части книги Уокера, такъ какъ она только заслуживаетъ особеннаго вниманія. Уокеръ часто полемизируетъ съ сторонниками государственнаго невмѣшательства, но соотвѣтствующія главы книги не представляютъ большаго интереса. Американскій экономистъ имѣетъ право на всеобщее признаніе только въ вопросѣ о фондѣ. Пріятно только видѣть защиту интересовъ рабочихъ со стороны экономиста, раздѣляющаго тѣ общія воззрѣнія, съ которыми часто связано представленіе о полной гармоніи интересовъ при господствѣ свободы. Гдѣ

только работаетъ много лицъ различнаго пола и возраста, особенно при машинномъ производствѣ, читаемъ мы у Уокера, является необходимость въ спеціальномъ законодательствѣ въ интересахъ здоровья. Фабричные законы, воспрещающіе работу, нарушающую силы и здоровье, ограничивающіе трудъ дѣтей и женщинъ, усиленный санитарный надзоръ являются необходимыми не только по соціальнымъ и нравственнымъ соображеніямъ, но и по экономическимъ. Нельзя упускать изъ виду, что въ подобныхъ случаяхъ съ экономической точки зрѣнія могутъ быть признаны лишь тѣ мѣры, которыя содѣйствуютъ въ общемъ болѣе широкому производству или при тѣхъ же размѣрахъ производства болѣе равномѣрному распредѣленію богатства.

Уокеръ стремится и къ тому и къ другому; онъ глубоко убѣжденъ, что хорошо вознагражденный рабочій создаетъ больше и получаетъ возможность увеличить свою плату безъ ущерба для капиталиста.

Идеи Уокера нашли отголосокъ и въ Западной Европѣ; ими обыкновенно пользуются для защиты фабричнаго законодательства. Въ послѣднее время возникли, однако, сомнѣнія, можно ли принять взглядъ Уокера относительно вліянія высокой платы на удешевленіе продукта въ полномъ объемѣ, но для рѣшенія этого вопроса необходимо обратиться къ статистикѣ, а не ограничиваться теоретическими построеніями. Въ полемикѣ съ Маквэномъ Уокеръ въ Апрѣльской книжкѣ Quarterly Journal of Economics за 1888 г. возвращается къ ученію о фондѣ и еще разъ повторяетъ то, что было высказано раньше.

А. П.

Иностранная критика.

Ernst Schuster. *Die bürgerliche Rechtspflege Englands*. Mit einem Vorworte von Dr. Rudolf Gneist. Berlin. 1887.

Всякій, кто лѣтъ 30 тому назадъ приступалъ къ изученію англійскаго гражданскаго процесса, будетъ всегда съ благодарностью вспоминать о драгоцѣнныхъ и поучительныхъ указаніяхъ, которыя давало ему появившееся въ 1851 года сочиненіе Риттиманна «Der englische Civilprocess». Въ самомъ дѣлѣ, это былъ первый опытъ дать интересующимся на континентѣ англійскимъ правомъ руководящую нить для прохода чрезъ сдѣлавшійся съ теченіемъ вѣковъ все болѣе запутаннымъ и темнымъ лабиринтъ оригинальнаго и въ высшей степени формалистическаго процесса. Кто бы теперь однако захотѣлъ по руководству Ритиманна изучить современный англійскій гражданскій процессъ, тотъ подвергся бы риску получить совсѣмъ невѣрную, а по большей части устарѣлую картину этого предмета. Дѣло въ томъ, что со времени появленія этой книги, вопреки характерной чертѣ англичанъ, цѣнко держащихся за устарѣвшія и потому пріобрѣвшія уваженіе народа формы и

правовыя нормы,—выдающіеся государственные люди и юристы обѣихъ господствующихъ партій въ Англіи стали все съ большей и большей энергіей выступать со своими реформами съ цѣлью очистки законодательства отъ кучи въ историческомъ отношеніи очень интересныхъ, но въ то же время совсѣмъ обветшавшихъ институтовъ. Слѣдствіемъ этихъ реформъ явились съ одной стороны, преобразованіе организаціи высшихъ судовъ королевства, а съ другой — и существенное упрощеніе судопроизводства.

О современной *организаціи* англійскихъ судебныхъ учрежденій и о находящемся съ ней въ связи вопросѣ о *судебномъ управленіи* существуетъ прекрасный очеркъ, написанный мастерской рукой Рудольфа Гнейста, въ его извѣстномъ сочиненіи «Англійское право управленія», но за то до сихъ поръ совсѣмъ не было изложенія дѣйствующаго въ настоящее время въ Англіи гражданскаго судопроизводства, и именно изложенія, разсчитаннаго на континентальнаго читателя. Изучить же это судопроизводство по англійскимъ источникамъ, по громадной кучѣ нагроможденныхъ другъ на друга законовъ, по рѣшеніямъ различныхъ судовъ, по объемистой литературѣ и по массѣ отчетовъ о различныхъ правовыхъ казусахъ — все это возможно было бы лишь съ громадными усиліями и при условіи, что это изученіе будетъ сопровождаться возможностью практическаго ознакомленія съ англійскимъ процессомъ на мѣстѣ. Систематически и научно изложенные учебники и руководства процессуальнаго права совсѣмъ неизвѣстны англичанамъ; писатели, трактующіе о вопросахъ процессуальнаго права, имѣютъ въ виду исключительно мѣстныхъ юристовъ-практиковъ и, по обилію казуистическихъ подробностей, совсѣмъ забываютъ о методахъ научнаго изложенія.

Этотъ-то пробѣлъ въ послѣднее время весьма удачно восполнилъ Эрнстъ Шустеръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ англійскихъ учрежденій, изданіемъ своего сочиненія «Die bürgerbiche Rechtspflege in England». Благодаря своему долголѣтнему пребыванію въ Англіи и усердному изученію англійскаго права и англійской практики, Шустеръ уже въ качествѣ сотрудника Law Quarterly Review пріобрѣлъ себѣ рядомъ прекрасныхъ работъ вполнѣ заслуженную извѣстность между англійскими юристами, а разбираемое теперь сочиненіе должно доставить ему такую же извѣстность и на континентѣ.

Умѣя прекрасно пользоваться источниками и вполнѣ овладѣвъ матеріаломъ, подлежащимъ разработкѣ, авторъ въ своемъ сжатомъ, но въ то же время ясномъ и въ высшей степени интересномъ очеркѣ ведетъ насъ своей опытной рукою постепенно чрезъ всѣ темные ходы этого лабиринтообразно воздвигнутаго строенія, какъ онъ весьма мѣтко называетъ англійское гражданское судопроизводство, даетъ намъ возможность точнѣйшимъ образомъ ознакомиться съ нимъ, не утомляя насъ излишними деталями, разрѣшаетъ безъ всякаго затрудненія самые спорные и запутанные вопросы по этому предмету и оставляетъ въ насъ

сознаніе, что этотъ англійскій процессъ, пользующійся такой дурной репутаціей, вовсе ужъ не такъ плохъ, какъ обыкновенно привыкли думать. Притомъ авторъ ограничивается лишь изложеніемъ дѣйствующихъ въ настоящее время законоположеній, вполнѣ похвально избѣгая болѣе подробнаго изученія историческаго ихъ развитія, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ такое историческое освѣщеніе кажется ему необходимымъ для пониманія современнаго положенія вещей.

О богатствѣ матеріала вышеназваннаго сочиненія свидѣтельствуетъ предлагаемый здѣсь краткій обзоръ содержанія его. Въ *первой* изъ 5 книгъ, на которыя распадается это сочиненіе, излагается организація суда, а именно организація высшихъ судовъ королевства, на которые издавна привыкли смотрѣть, какъ на представителей ординарной судебной власти. Существовавшая болѣе шести столѣтій организація ихъ подверглась радикальному преобразованію на основаніи такъ назыв. «Judicature acts», которые издавались въ короткіе промежутки одинъ за другимъ въ продолженіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій (1873, 1875, 1876, 1881 и т. д.). Стоявшія до того времени рядомъ, безъ всякой органической связи другъ съ другомъ, извѣстныя 3 судебныхъ учрежденія для общаго права (Common Law), а именно судъ королевской скамьи (Court of Queen's bench), королевскій судъ для разбирательства исковыхъ дѣлъ (Court of Common pleas) и судъ государственнаго казначейства (Court of Exchequer) совершенно слились на основаніи вышеупомянутыхъ актовъ съ канцлерскимъ судомъ Equity и съ созданными уже въ новѣйшее время спеціальными судами для адмиралтейскихъ, наслѣдственныхъ, брачныхъ и конкурсныхъ дѣлъ въ единое большое судебное учрежденіе подъ названіемъ High Court of Justice, и только имѣющіяся въ послѣднемъ три отдѣленія, а именно Chancery Division (отдѣленіе совѣстнаго суда), Queen's bench Division (отдѣл. королевской скамьи) и Probate, Divorce and Admiralty Division (отд. для завѣщательныхъ, разводныхъ и адмиралтейскихъ дѣлъ) способны еще напоминать о прежней организаціи, память же о старинныхъ Common pleas и Exchequer съ 1880 года затерлась до того, что не сохранились даже ихъ имена. Этотъ вновь учрежденный High Court of Justice вмѣстѣ съ новымъ Court of Appeal, функціонирующимъ въ качествѣ аппелляціоннаго суда, представляетъ собою, подъ общимъ названіемъ «The Supreme Court of Judicature», обыкновенный судъ первой и второй инстанціи для всей Англіи; рядомъ съ нимъ разсматриваются у автора въ качествѣ мѣстныхъ нисшихъ судовъ существующіе съ 1846 года графскіе суды (County courts). Наконецъ, судами послѣдней инстанціи являются верхняя палата въ качествѣ высшаго ревизіоннаго суда и, по мнѣнію автора, еще такъ наз. судебный комитетъ (Judicial Commitee) тайнаго совѣта, хотя, въ сущности говоря, послѣдній сюда не относится. Въ этой книгѣ подробно излагается внутренняя и внѣшняя организація каждаго изъ разбираемыхъ здѣсь судебныхъ учрежденій, за-

мѣщеніе должностей, подсудность каждаго изъ нихъ и, наконецъ, инстанціонное отношеніе ихъ другъ къ другу. Обрисовку картины судоустройства доканчиваютъ отдѣльныя главы, трактующія объ организаціи канцелярской части, объ опредѣленіи на должность судебнаго и т. н. вспомогательнаго персонала въ Supreme Court и о правахъ его, объ исполнительныхъ органахъ и, наконецъ, о Solicitors и Barristers, о лицахъ, пополняющихъ собою ряды повѣренныхъ и стряпчихъ.

Во *второй* книгѣ находимъ подробное описаніе формы процесса, господствующей въ отдѣленіяхъ Queen's bench и Chancery division и въ высшихъ инстанціяхъ. Это такъ наз. *обыкновенный* порядокъ судопроизводства въ противоположность, съ одной стороны, пропущенному у автора порядку судопроизводства, имѣющему мѣсто въ графскихъ судахъ, а съ другой—особому порядку (о немъ авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ), господствующему въ спеціальныхъ судахъ, образующихъ особое отдѣленіе High Court'а. Здѣсь авторъ систематически изображаетъ весь ходъ производства тяжебнаго дѣла во всѣхъ его стадіяхъ, начиная съ подачи исковаго прошенія и требованія въ судъ и оканчивая исполненіемъ въ принудительномъ порядкѣ, причемъ не упускаются изъ виду и обыкновенныя и чрезвычайныя частныя производства и различныя формы окончанія дѣла, такъ что читателю представляется возможность проникнуть своимъ взоромъ во многія детали производства. Путь къ упрощенію этой формы процесса проложили оба акта «Common Law Procedure acts» отъ 1852 и 1854 годахъ; вмѣстѣ съ позднѣйшими дополненіями и опубликованными высшими судами рѣшеніями и формулярами подъ назв. «Rules of the Supreme Court» они образуютъ—разумѣется не въ видѣ кодифицированнаго сборника уложенія—то, что на континентѣ принято называть уставомъ гражданскаго судопроизводства.

Въ этомъ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства нужно отмѣтить двѣ важныя черты, которыя являются результатомъ новѣйшихъ реформъ въ англійскомъ законодательствѣ. Это, во первыхъ, полное устраненіе формальной исковой системы, ведущей свое происхожденіе отъ древняго Common Law, съ ея разнообразными видами исковъ и отдѣльными формулами для каждаго изъ нихъ, аналогичными формуламъ римскаго формулярнаго процесса. Такъ что древнія обозначенія: action of assumpsit, debt, detinue, trover и т. д. совсѣмъ потеряли въ современномъ процессѣ свое техническое значеніе, уступивъ мѣсто простому доказыванію иска. Вторая важная особенность—это постепенное уравниваніе обѣихъ системъ—Common Law и Equity,—въ прежнее время составлявшихъ рѣзкую противоположность другъ съ другомъ, и притомъ уравниваніе въ пользу послѣдней системы. Въ то время, какъ прежде правовыя положенія, создававшіяся и развивавшіяся на почвѣ системы Equity, принимались во вниманіе только въ совѣстномъ судѣ, а въ судахъ общаго права совсѣмъ игнорировались — а это въ древнѣйшее время нерѣдко вызывало немаловажныя пререканія между судами обѣихъ ате-

кгорій—въ настоящее время во всѣхъ отдѣленіяхъ Supreme Court'а имѣютъ одинаковый вѣсъ правовыя нормы, обязанныя своимъ происхожденіемъ той или другой системѣ, такъ что на нихъ съ одинаковымъ успѣхомъ для дѣла можно ссылаться въ правовомъ спорѣ, подвѣдомственномъ отдѣленію Queens bench или Chancery division. Изъ сліянія судовъ вытекло, какъ простое слѣдствіе, сліяніе обоихъ видовъ процесса въ одинъ, представляющійся, по крайней мѣрѣ, единымъ по основнымъ своимъ чертамъ. Правда, для матеріальнаго права противоположеніе обѣихъ системъ—Common Law и Equity—еще не потерялъ вовсе своего значенія, и даже остатокъ древней Equity jurisdiction перешелъ исключительно къ преемнику прежняго совѣстнаго суда, а именно къ отдѣленію Chancery division; но рано или поздно процессъ развитія права въ Англіи долженъ будетъ привести къ тому шагу, который въ большинствѣ штатовъ Сѣверо-Американскаго Союза давно уже совершился вполнѣ обдуманно и который долженъ состоять въ томъ, чтобы, отказавшись отъ вышеупомянутаго различенія, вдвинуть всѣ правовые институты системы Equity въ рамки нормальной правовой системы. Конечно, совершеніе этого шага находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о кодификаціи матеріальнаго права, которая имѣетъ еще въ Англіи очень ярыхъ противниковъ.

Мы не можемъ въ тѣсныхъ рамкахъ этой замѣтки подробно говорить о деталяхъ судебнаго производства, поэтому ограничимся тѣмъ, что обратимъ вниманіе читателя на отдѣлы: о подготовительныхъ бумагахъ (§§ 57—66),—о производствѣ по пропуску сроковъ (§§ 86—88), объ *окончаніи производства дѣла* и о судебномъ разбирательствѣ въ судѣ присяжныхъ—trial by jury (§§ 94—99) и, наконецъ, о законныхъ средствахъ доказыванія иска (§§ 112—121), въ особенности же мы должны рекомендовать читателю прекрасныя замѣчанія автора во введеніи (стр. XXX и XXXI), гдѣ онъ проводитъ параллель между англійскимъ судопроизводствомъ и германскимъ.

3-ье отдѣленіе High Court'а, а именно Probate, Divorce and Admiralty Division представляетъ собою аггрегатъ прежнихъ спеціальныхъ судовъ, стоявшихъ рядомъ съ вестминстерскими судами королевства, а именно древняго High Court of Admiralty (высшій адмиралтейскій судъ) для разбирательства морскихъ дѣлъ, затѣмъ суда по разводнымъ и брачнымъ дѣламъ (Court of divorce and matrimonial causes), смѣнившаго въ 1857 г. прежніе духовные суды, и наконецъ, Court of Probate, вѣдавшаго завѣщательныя и наслѣдственныя дѣла. Не смотря на ихъ сліяніе въ одно отдѣленіе, ихъ нужно и теперь еще разсматривать, какъ совсѣмъ отличныя другъ отъ друга судебныя учрежденія, въ которыхъ дѣйствуютъ совсѣмъ отличные другъ отъ друга порядки судебнаго производства, во многомъ отступающіе отъ обыкновеннаго порядка судопроизводства, и это обстоятельство вполнѣ оправдываетъ автора, который излагаетъ въ *третьей* книгѣ своего сочиненія эти порядки производства отдѣльно другъ отъ друга.

Вѣдомству Court'a of Probate подлежатъ не только спорныя дѣла, но также извѣстнаго рода охранительныя дѣйствія по наслѣдственнымъ дѣламъ, въ особенности же дѣйствія по выбору и введенію въ должность душеприкащиковъ и лицъ, завѣдующихъ наслѣдственной массой, настоящимъ же органомъ по актамъ и дѣламъ, относящимся къ такъ назыв. «iurisdictio voluntaria», является Chancery division, которое завѣдуетъ опекунскими и фидеикоммисными дѣлами, а также множествомъ другихъ дѣлъ, затрогивающихъ общіе интересы. Этой отрасли судебной власти и вообще порядку производства по этимъ дѣламъ посвящена *четвертая* книга вышеупомянутаго сочиненія, *пятая* же содержитъ краткій очеркъ судопроизводства по конкурснымъ дѣламъ.

Такимъ образомъ авторъ оказывается вполнѣ надежнымъ и опытнымъ руководителемъ по довольно трудному пути къ изученію этого сложнаго предмета и вполнѣ заслуженно пріобрѣтетъ себѣ благодарность всякаго, кто не побоится подъ его руководствомъ пуститься въ запутанную, но при томъ очень интересную область англійскаго гражданскаго судопроизводства.

Prof. D-r Güterbock
въ журналѣ Гольдшмидта „Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht", 1889, Heft 3—4.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

По поводу замѣтки И. М. Волкова „О доказыванiи отрицательныхъ фактовъ“. Въ помѣщенной въ мартовской книжкѣ Юридическаго Вѣстника замѣтки «О доказываніи отрицательныхъ фактовъ» г. Волковымъ высказано нѣсколько небезъинтересныхъ общихъ положеній, по вопросу объ обязанности сторонъ процесса представлять въ нѣкоторыхъ случаяхъ доказательства отрицательныхъ фактовъ спора,—которыя вызываютъ, однакоже, на нѣкоторыя возраженія.

Во первыхъ, относительно обязанности истца доказывать отрицательные факты спора И. М. Волковымъ выставлено то общее положеніе, что обязанность доказывать существованіе такого рода фактовъ должна быть возлагаема на него лишь только въ тѣхъ случаяхъ, когда выставляемые имъ отрицательные факты, какъ факты производящіе, должны служить источникомъ активнаго основанія его иска, но не въ тѣхъ, когда отрицательные факты должны служить доказательствомъ только повода къ иску, какъ его пассивнаго основанія, вслѣдствіе того, что при доказанности истцомъ фактовъ первой категоріи за достаточное подкрѣпленіе послѣднихъ должно уже быть принимаемо одно простое предположеніе о ихъ существованіи, долженствующее сохранять силу до тѣхъ поръ, пока оно не разрушено доказаннымъ возраженіемъ отвѣтчика объ ихъ отсутствіи. Вслѣдъ за этимъ общимъ положеніемъ г. Волковъ приводитъ и тѣ примѣры, заимствованные имъ изъ «Курса судопроизводства» Малышева, которые послужили ему основаніемъ для вывода этого положенія и изъ которыхъ видно, что для установленія его г. Волковъ имѣлъ въ виду случаи исковъ вещныхъ и случаи исковъ о понужденіи къ исполненію обязательствъ по договорамъ. Установленіе какихъ бы то ни было общихъ положеній по соображеніи только немногихъ частныхъ случаевъ, выхваченныхъ изъ цѣлаго ряда другихъ возможныхъ случаевъ, вообще представляется очень рискованнымъ и врядъ ли могущимъ когда либо вести къ правильнымъ заключеніямъ. Такъ, и въ занимающемъ насъ случаѣ г. Волковымъ при установленіи общаго положенія были

приняты во вниманіе только двѣ категоріи исковъ; между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ возможны и многіе другіе, какъ, напр., иски о взысканіи убытковъ за неисполненіе обязательства по договору, иски объ освобожденіи отъ исполненія договора, или о видоизмѣненіи его исполненія, вслѣдствіе неисполненія или неправильнаго его исполненія другой стороной и другіе. Въ такого рода искахъ факты правонарушительные, долженствующіе служить поводомъ къ иску, какъ его пассивное основаніе, имѣютъ такое существенное значеніе для обоснованія исковаго требованія, что врядъ ли истецъ можетъ быть освобождаемъ отъ обязанности доказыванія ихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда бы факты эти по ихъ существу представлялись фактами отрицательными, единственно въ силу существованія въ пользу его предположенія о неисполненіи отвѣтчикомъ обязательства по договору, пока возраженіе о его исполненіи имъ не доказано. Въ самомъ дѣлѣ, въ такого рода искахъ правонарушительные факты, долженствующіе служить пассивнымъ основаніемъ исковаго требованія, нерѣдко именно то и представляются фактами отрицательными, какъ напр., фактъ непередачи имущества по договору найма, въ случаѣ предъявленія на этомъ основаніи иска объ уничтоженіи договора, фактъ непроизводства тѣхъ или другихъ работъ по договору подряда, въ случаѣ предъявленія на этомъ основаніи иска объ убыткахъ за неисполненіе договора и проч. Освобождать истца отъ доказательства этихъ фактовъ единственно въ силу существованія въ его пользу предположенія о неисполненіи обязательства отвѣтчикомъ врядъ ли, какъ я только что сказалъ, представляется возможнымъ, въ виду того, что въ случаяхъ такого рода исковъ истецъ заявляетъ не право его на исполненіе договора отвѣтчикомъ, подкрѣпляемое этимъ предположеніемъ, но право или на уничтоженіе, или на видоизмѣненіе договора, къ обоснованію каковаго права предположеніе это не имѣетъ уже никакого отношенія. Помимо этого, нельзя, кажется, далѣе, утверждать, чтобы принципъ освобожденія истца отъ обязанности доказывать отрицательные факты, дающіе поводъ къ иску, какъ его пассивное основаніе, могъ имѣть безусловное примѣненіе даже и во всѣхъ искахъ объ исполненіи обязательствъ по договорамъ. Напротивъ, по отношенію примѣненія этого принципа слѣдуетъ, кажется, различать случаи предъявленія исковъ объ исполненіи обязательствъ dare и facere, вслѣдствіе того, что то предположеніе въ пользу истца, которое должно служить основаніемъ къ освобожденію его отъ обязанности доказывать отрицательный фактъ неисполненія договора, не можетъ имѣть одинаковое значеніе по отношенію обоснованія иска въ искахъ объ исполненіи тѣхъ и другихъ обязательствъ. Въ самомъ дѣлѣ, если только принять во вниманіе различіе въ самомъ существѣ обязательствъ dare и facere, то безусловное значеніе за предположеніемъ о неисполненіи обязательства отвѣтчикомъ, пока возраженіе о его исполненіи имъ не доказано, въ виду чего предположеніе это собственно и можетъ быть принимаемо за основаніе къ освобожденію истца

отъ обязанности доказывать отрицательный фактъ его неисполненія, можетъ быть признаваемо только въ искахъ объ исполненіи обязательства о выдачѣ вещи, но не въ искахъ объ исполненіи обязательствъ о производствѣ какихъ либо дѣйствій или работъ, въ каковыхъ искахъ, напротивъ, одно голое возраженіе отвѣтчика о продолженіи имъ исполненія обязательствъ о производствѣ тѣхъ или другихъ дѣйствій или работъ, положимъ, по договору личнаго найма, или подряда, можетъ лишить требованіе истца объ исполненіи договора достаточнаго основанія, пока имъ не доказаны правонарушительные факты неисполненія договора, и устранить, такимъ образоиъ, самый поводъ къ предъявленію иска. Въ виду этого обстоятельства и не представляется возможнымъ утверждать, чтобы принципъ освобожденія истца отъ обязанности доказывать отрицательные факты, дающіе поводъ къ пассивному основанію иска, могъ имѣть безусловное примѣненіе даже и въ искахъ объ исполненіи обязательствъ по договорамъ, по крайней мѣрѣ, въ искахъ объ исполненіи обязательствъ если не dare, то facere.

Во вторыхъ, по отношенію обязанности отвѣтчика доказывать отрицательные факты, могущіе служить основаніемъ его возраженія противъ иска, г. Волковымъ выставлено то положеніе, что обязанность эта должна лежать на отвѣтчикѣ въ случаяхъ предъявленія имъ такого возраженія, которое заключается въ заявленіи о такихъ событіяхъ, служащихъ основаніемъ возраженію, которыя совершенно измѣняютъ въ пользу отвѣтчика юридическое значеніе событій, доказанныхъ истцомъ. Нельзя не пожалѣть, что г. Волковымъ не приведено ни одного примѣра такого рода возраженій, безъ чего представляется довольно затруднительнымъ уяснить себѣ, какія собственно возраженія имѣлъ въ виду г. Волковъ, какъ заявленія отвѣтчика о такихъ событіяхъ, которыя совершенно измѣняютъ въ его пользу юридическое значеніе событій, доказанныхъ истцомъ. Всѣ матеріальныя возраженія, какъ это указалъ, напр., и изъ нашихъ процессуалистовъ г. Гольмстенъ, черпаютъ ихъ основаніе въ условіяхъ возникновенія, бытія, измѣненія, охраненія и прекращенія какого либо отдѣльнаго матеріальнаго права и являются всегда въ видѣ указанія на то, что въ данномъ случаѣ отсутствуетъ какое либо изъ этихъ условій, чѣмъ собственно требованіе истца и должно быть парализовано въ цѣломъ или въ части (Учеб. гражд. суд., стр. 144). Въ основаніи всѣхъ такого рода возраженій отвѣтчика могутъ лежать какъ факты положительные, такъ и отрицательные, и послѣдніе въ случаяхъ предъявленія возраженій, напр., о недѣйствительности акта, положимъ, по неправоспособности отвѣтчика къ заключенію сдѣлки, о невозникновеніи для истца права на искъ по ненаступленію того или другаго условія, или вслѣдствіе неисполненія самимъ истцомъ его обязательства по отношенію отвѣтчика и проч. Если отвѣтчикъ вообще въ силу закона 366 ст. уст. гражд. суд. обязанъ доказывать его возраженія, то въ виду этого нельзя не признать, что на немъ одинаково должна лежать обязанность дока-

зывать всякаго рода факты, полагаемые имъ въ основаніе возраженія, безразлично—представляются ли эти факты положительными или отрицательными и, притомъ, одинаково во всѣхъ случаяхъ, какія бы изъ только что указанныхъ мотеріальныхъ возраженій, на основаніи этихъ фактовъ, имъ ни были предъявлены. Въ виду этого заключенія, и положеніе, высказанное г. Волковымъ объ обязанности отвѣтчика доказывать отрицательные факты, служащіе основаніемъ его возраженія тогда, когда факты измѣняютъ въ его пользу юридическое значеніе событій, доказанныхъ истцомъ, если и можетъ быть признано правильнымъ, то только при томъ условіи, если полагать, что, устанавливая это положеніе, г. Волковъ имѣлъ въ виду отнести къ категоріи такого рода возраженій вообще такія матеріальныя возраженія отвѣтчика, которыми могутъ быть парализованы требованія истца въ цѣломъ или въ части.

Замѣчанія эти не могутъ, кажется, не указать на то, что только что разсмотрѣнныя положенія, выставленныя г. Волковымъ въ видѣ общихъ руководящихъ правилъ въ отношеніи опредѣленія въ извѣстныхъ случаяхъ обязанностей сторонъ процесса доказывать отрицательные факты спора, не только не суть труизмы, какъ ихъ называетъ г. Волковъ, но, напротивъ, суть или слишкомъ поспѣшныя обобщенія, установленныя по соображеніи только немногихъ частныхъ случаевъ и потому представляющіяся неправильными, или же неопредѣлительныя положенія, не могущія, поэтому, имѣть значеніе руководящихъ правилъ.

Въ заключеніе настоящей замѣтки не могу я, наконецъ, не обратить вниманія и на то, что кто знакомъ съ моимъ Опытомъ Комментарія, тотъ пойметъ, какъ несправедливо утвержденіе г. Волкова о томъ, что я являюсь однимъ изъ настойчивыхъ проводниковъ въ нашей судебной практикѣ теоріи безусловной недопустимости возложенія на стороны процесса обязанности доказывать отрицательные факты спора. Несправедливымъ утвержденіе это не можетъ не показаться потому, что я въ защиту такой теоріи не только ничего не говорилъ въ моемъ Комментаріи, но, напротивъ, развивалъ въ немъ по вопросу объ обязанности сторонъ доказывать отрицательные факты спора взглядъ, прямо противоположный утвержденію г. Волкова, выразивъ его въ слѣдующемъ заключительномъ положеніи: «Окончательный выводъ изъ всего сказаннаго по поводу возможности доказывать отрицательные факты будетъ, конечно, тотъ, что стороны, основывающія свои взаимныя требованія и возраженія на такого рода фактахъ, не могутъ быть освобождены отъ обязанности доказывать ихъ, и что приведеніе одной изъ сторонъ процесса отрицательнаго факта въ основаніе требованія или возраженія не можетъ служить поводомъ къ перемѣщенію вслѣдствіе этого обязанности доказывать противное на другую сторону» (Опытъ, изд. 2, т. II, стр. 13). Если г. Волковъ, писавши его замѣтку, имѣлъ въ виду не второе, а первое изданіе моего Комментарія, то и это обстоятельство нисколько не измѣняетъ положенія дѣла, такъ какъ и въ первомъ изданіи мной былъ

проводимъ, по вопросу объ обязанности сторонъ доказывать отрицательные факты, тотъ же самый взглядъ, какъ и взглядъ, выраженный въ только что цитированномъ положеніи.

К. Анненковъ.

«О пьянствѣ въ связи съ вопросомъ о значеніи его при опредѣленіи уголовной кары». Подъ этимъ заглавіемъ г. М. Щ—й напечаталъ рядъ статей въ №№ 133—138, 143—145, 147—150 «Русскаго Курьера» за текущій 1889 годъ. Статьи эти представляютъ собою очень обстоятельную монографію спорнаго, чрезвычайно разносторонне рѣшаемаго дѣйствующими кодексами и крайне серьезнаго вопроса. Обращаемъ на эту работу вниманіе читателей въ виду того, что появилась она не тамъ, гдѣ ея надлежащее мѣсто — въ ежедневной газетѣ, съ юридическими вопросами ничего общаго не имѣющей; поэтому работа эта можетъ оказаться незамѣченною спеціалистами, или «неинтересною» для обычнаго контингента читателей ежедневнаго листка.

Взявъ эпиграфомъ изреченіе Форстера—«преступникъ чаще заслуживаетъ состраданія, чѣмъ осужденія»,—почтенный авторъ статьи разсматриваетъ вопросъ преимущественно съ этой гуманной, въ наше время рѣдкой и потому особенно симпатичной, точки зрѣнія; независимо отъ этого, онъ укрѣпляетъ свои безупречно-логическіе выводы очень богатыми ссылками на авторитеты, трактующіе вопросъ, какъ съ медицинской, такъ и съ юридической точки зрѣнія, и параллельно анализируетъ отношеніе къ нему дѣйствующихъ законодательствъ въ ихъ историческомъ развитіи. Отправляясь отъ общаго положенія, что извѣстная степень опьяненія парализуетъ свободу самоопредѣляемости поступка, совершаемаго такимъ субъектомъ, который въ трезвомъ состояніи никогда бы не рѣшился на него, авторъ совершенно справедливо видитъ непослѣдовательность въ нашемъ дѣйствующемъ уложеніи, въ общей части своей игнорирующемъ пьянство, какъ поводъ къ невмѣняемости, или къ смягченію наказанія, а въ особенной—допускающемъ это по отношенію *не ко всѣмъ*, а лишь къ нѣкоторымъ проступкамъ, совершаемымъ въ нетрезвомъ состояніи. Обращаясь затѣмъ къ военно судебной дѣятельности, г. М. Щ—й приводитъ рядъ ужасающихъ примѣровъ ссылки на каторгу нижнихъ чиновъ, провинившихся въ безсознательномъ, или полусознательномъ нарушеніи дисциплины противъ фельдфебеля, напр.,—нарушеніи, столь частомъ въ военномъ быту, благодаря отсутствію у насъ какихъ либо мѣръ къ ограниченію пьянства. Что касается послѣднихъ, статья представляетъ въ сжатомъ очеркѣ итоги государственныхъ и частныхъ начинаній въ этомъ направленіи, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, и такимъ образомъ освѣщаетъ вопросъ со всѣхъ присущихъ ему сторонъ. Приходя къ печальному выводу о несостоятельности большинства мѣропріятій въ борьбѣ «съ величайшимъ изъ народныхъ бѣдствій», авторъ разсматриваемой статьи видитъ возможность, если не

побѣды надъ зломъ, то хотя его ограниченія, гораздо глубже уровня подобной палліативы, — въ устраненіи неблагопріятныхъ соціальныхъ условій современнаго быта: «пока великое зло, т. е. пьянство, существуетъ, виновенъ не одинъ лишь тотъ, кого судятъ, а виновато также и государство тѣмъ, что не устранило въ жизни своихъ гражданъ, или по крайней мѣрѣ, не ослабило въ ней *причины алкогольнаго недуга*, который, подобно всякой заразѣ, распространяется на того или другого субъекта не рѣдко совсѣмъ помимо его воли и дѣлаетъ его жертвой неудовлетворительнаго состоянія страны: *въ экономическомъ, матеріальномъ и общеобразовательномъ отношеніи*... Вотъ объ этихъ то невольныхъ фатальныхъ жертвахъ не ими порожденнаго общечеловѣческаго недуга надлежитъ серьезно и всесторонне подумать юристамъ. Давно пора внести этотъ жгучій, неотложный вопросъ на обсужденіе въ законодательномъ порядкѣ для того, чтобы впредь суды могли не приговаривать къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы за такія дѣйствія, предусмотрѣнныя военно-карательнымъ закономъ, которыя хотя по *внѣшнему* виду и составляютъ нарушеніе воинской дисциплины, но при отсутствіи у подсудимаго намѣренія совершить какое либо преступленіе вообще, т. е. по *внутреннимъ мотивамъ*, суть не что иное, какъ пагубныя для человѣка психо-физіологическія проявленія отравы алкоголемъ».

Такими словами резюмируетъ цитируемый авторъ свое прекрасное изслѣдованіе.

П. Н. Обнинскій.

Вопросъ о реформѣ юридическаго образованія на съѣздѣ польскихъ юристовъ и экономистовъ въ 1887 г., въ Краковѣ. Въ числѣ вопросовъ, обсуждавшихся на краковскомъ съѣздѣ юристовъ, былъ вопросъ о преобразованіи юридическаго образованія. Докладъ по этому предмету принадлежитъ нынѣ покойному проф. Кашницѣ, который предлагалъ съѣзду выразиться: въ пользу переименованія юридическаго факультата въ «факультетъ общественныхъ наукъ», въ пользу расширенія объема и задачи преподаванія общихъ соціальныхъ наукъ въ австрійскихъ университетахъ, но въ то же время противъ чрезмѣрнаго увлеченія соціологіею и преувеличенія значенія ея [1]). Сущность содержанія доклада состоитъ въ слѣдующемъ. Преподаваніе права въ своемъ развитіи прошло три періода и соотвѣтственно этому исторически сложилось три типа юридической школы, которымъ проф. Кашница даетъ названіе римскаго, средневѣковаго и нововѣковаго. Школа древнѣйшаго типа—римскаго—есть учрежденіе вполнѣ самостоятельное, въ которомъ

[1]) Для нашей замѣтки мы пользуемся отчетомъ о занятіяхъ съѣзда, напечатаннымъ въ Gaz. Sąd. Warsz. 1887 г., №№ 38, 48, 49, 51 и 52; 1888 г. №№ 3—5, 8, 9, 11—18, 20—26.

собственно одинъ только предметъ преподаванія—римское право. Въ средніе вѣка юридическая школа лишается своего самостоятельнаго существованія и становится одною изъ частей одного сложнаго учрежденія, получающаго названіе universitas literarum, другими словами, юридическимъ факультетомъ университета, въ которомъ уже преподается utrumque jus—римское и церковное право. Новое время удерживаетъ факультетскую организацію, но, съ одной стороны, расширяетъ кругъ наукъ собственно юридическихъ, съ другой—даетъ доступъ наукамъ общественнымъ—политическимъ, экономическимъ, статистикѣ и проч. Въ каждомъ періодѣ преподаванію сообщается особый оттѣнокъ, составляющій отраженіе духа даннаго времени. Такую характерную особенность въ школѣ древнѣйшаго типа составляетъ преподаваніе римскаго права въ тѣсной связи съ греческою философіею (политика, какъ часть философіи); преподаваніе юриспруденціи въ связи съ философіею и богословіемъ характеризуетъ средніе вѣка; новое время сообщаетъ юридическому образованію свою окраску, присоединивъ къ наукамъ чисто юридическимъ науки соціальныя—государственныя, экономическія и пр. Такое объединеніе наукъ юридическихъ и общественныхъ происходитъ не вездѣ и не сразу. Оно принято нынѣ въ университетахъ австрійскихъ, русскихъ, итальянскихъ и изъ германскихъ въ новѣйшемъ—страсбургскомъ; во Франціи преподаваніе политической экономіи на юридическихъ факультетахъ введено только со времени Наполеона III и дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ при третьей республикѣ. Наиболѣе интереснымъ представляется положеніе дѣла въ Германіи, гдѣ, несмотря на національную любовь къ систематизаціи, замѣчается крайнее разнообразіе: одни изъ германскихъ университетовъ, сохраняя средневѣковой характеръ, допустили на юридическихъ факультетахъ нѣсколько новыхъ предметовъ, по преимуществу политико-юридическихъ, въ другихъ преподаваніе соціальныхъ наукъ отнесено на факультетъ философскій, т. е. историко-филологофизико-математическій, наконецъ, въ нѣкоторыхъ, напр., въ баварскихъ университетахъ учреждены особые политико-экономическіе факультеты (Staatswirthschaftliche Facultät). Такую спеціализацію проф. Кашница считаетъ явленіемъ ненормальнымъ и высказывается противъ нея, признавая сосредоточеніе всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ наукъ на юридическихъ факультетахъ научнымъ достояніемъ первостепенной важности, такъ какъ только при условіи такой общности мыслимо прогрессивное развитіе всѣхъ наукъ этой категоріи и въ особенности юридическихъ.—Но, приписывая такое важное значеніе объединенію преподаванія всѣхъ общественныхъ наукъ, докладчикъ предостерегаетъ противъ чрезмѣрнаго увлеченія соціологіею. Соціологія не есть новая наука, въ ней мы встрѣчаемъ результаты предшествующихъ изслѣдованій въ области другихъ наукъ. Соціологія имѣетъ безспорное достоинство, но заслуга ея состоитъ не въ новизнѣ, а въ томъ, что въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ сдѣлана попытка наиболѣе полнаго примѣненія индукціи къ явленіямъ

общественнымъ. Соціологія, такимъ образомъ, есть одно изъ научныхъ направленій, одна изъ системъ въ процессѣ научной эволюціи. Юристу весьма полезно знакомство съ соціологическими изслѣдованіями; общія науки, — какъ энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ, философія права и государства,—должны воспользоваться данными и результатами изслѣдованій этого рода; но отказываться отъ другихъ пріемовъ изученія въ пользу этого одного не слѣдуетъ. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время соціологія не можетъ замѣнить собою другихъ наукъ уже вслѣдствіе неустановившагося, разнообразнаго и неопредѣленнаго своего содержанія.

Этотъ докладъ проф. Кашницы возбудилъ оживленныя пренія, въ которыхъ приняли участіе проф. Цолль, проф. Клечинскій, гр. Цѣшковскій и др. Всѣ оппоненты, раздѣляя вполнѣ основную мысль референта о тѣсной взаимной связи наукъ юридическихъ и соціальныхъ, возражали лишь противъ частныхъ положеній доклада. Проф. римскаго права Цолль находилъ неудобнымъ и несвоевременнымъ предлагаемое проф. Кашницей переименованіе юридическихъ факультетовъ, такъ какъ понятіе общественныхъ наукъ еще не установилось,—и если нынѣшнее названіе узко, то предлагаемое названіе черезчуръ широко,—съ другой стороны, самое понятіе права развивается, и въ настоящее время, когда оно становится все болѣе и болѣе широкимъ, моментъ для переименованія факультетовъ былъ бы неудаченъ; наконецъ, много значитъ традиція: при современномъ состояніи наукъ юридическихъ, естественныхъ, общественныхъ и земледѣльческихъ, когда большая часть предметовъ, входящихъ въ составъ этихъ наукъ, въ университетахъ не преподается, правильно ли сохранять за университетомъ его историческое названіе, правильно ли сохранять названіе медицинскаго факультета, когда оно не обхватываетъ собою ни хирургіи, ни естественныхъ наукъ, составляющихъ основу медицины; названіе «юридическій факультетъ» сравнительно съ другими еще много удачнѣе. По этому поводу проф. Кашница замѣтилъ, что университетъ носитъ свое названіе не потому, что въ немъ преподаются всѣ науки, а потому что тутъ сосредоточено преподаваніе всѣхъ важнѣйшихъ основныхъ наукъ, которыя одинаково необходимы и юристу, и медику, и агроному и пр., и безъ которыхъ невозможны знанія прикладныя, профессіональныя (философія, чистая математика и пр.). Профессоръ статистики и административнаго права Клечинскій,—признавая вмѣстѣ съ докладчикомъ необходимость для юриста изученія обществовѣдѣнія въ извѣстныхъ предѣлахъ, именно такъ, чтобы за юридическими науками оставалось всетаки преобладающее мѣсто и чтобы общественныя науки преподавались только въ томъ объемѣ, какой необходимъ для пониманія права,—съ своей стороны полагаетъ, что къ читаемымъ нынѣ на юридическихъ факультетахъ предметамъ (политическая экономія, статистика) должна быть прибавлена соціологія, какъ наука, имѣющая выяснить общій законъ развитія общества—этого субстрата всякаго права, и что

соціологія должна быть читаема въ качествѣ предмета необязательнаго; наконецъ, что касается перемѣны названія юридическихъ факультетовъ, то онъ—противъ предложенія уже въ силу того, что въ числѣ соціальныхъ наукъ есть такія, которыя вовсе права не касаются (этнографія, исторія просвѣщенія и пр.). Другіе оппоненты (Боронскій, Липповскій, Каминскій), признавая важное значеніе соціологическихъ ученыхъ работъ, констатируютъ въ то же время, что въ обществѣ существуетъ запросъ на юристовъ двоякаго рода, и что этотъ двойственный взглядъ проглядываетъ въ требованіяхъ нынѣшнихъ экзаменаціонныхъ коммиссій; поэтому было бы желательно удовлетвореніе той и другой потребности путемъ учрежденія особыхъ школъ, которая бы давала чисто практическую подготовку, на ряду съ юридическими факультетами, дающими теоретическое юридическое образованіе. Нѣкоторые предлагали высказаться за необходимость учрежденія кафедры соціологіи, не предрѣшая вопроса о томъ, на какомъ факультетѣ она должна преподаваться, ибо соціологія болѣе или менѣе близко соприкасается не только съ юридическими, но и съ историческими и др. науками. Наконецъ, гр. Цѣшковскій, поставивши болѣе общій вопросъ о преобразованіи юридическаго образованія, высказалъ мысль, хотя не развилъ ея, о необходимости перемѣны метода преподаванія права, замѣны нынѣшняго, отживающаго свой вѣкъ, порядка чтеній—методомъ сократическимъ, семинаріями, какъ наиболѣе дѣйствительнымъ пріемомъ для оживленія занятій и возбужденія у молодежи интереса къ преподаваемымъ наукамъ. На баллотировку были поставлены вопросы: слѣдуетъ ли перемѣнить названіе юридическихъ факультетовъ и можно ли, при современномъ состояніи соціологіи, ввести ее въ кругъ университетскаго преподаванія. Съѣздъ большинствомъ голосовъ далъ на оба вопроса отрицательный отвѣтъ.

З.

Международный союзъ криминалистовъ. Съ 1 января 1889 г. вступило въ жизнь новое общество для разработки вопросовъ уголовнаго права—Union Internationale de Droit Pénal. Общество это, основанное профессорами: Листомъ (въ Марбургѣ), Принсомъ (въ Брюсселѣ) и Ванъ-Гамелемъ (въ Амстердамѣ), въ настоящее время насчитываетъ уже около ста членовъ, среди которыхъ мы встрѣчаемъ выдающихся юристовъ, теоретиковъ и практиковъ, почти всѣхъ странъ Европы: изъ нѣмецкихъ укажемъ на Ягемана, Зейферта, Олсгаузена, Фульда, Беннеке, изъ австрійскихъ—Валберга, Улимана, Ламмаша, французскихъ—проф. Гарро, русскихъ—Таганцева, Фойницкаго, итальянскихъ—Гарофало, Колаянни, швейцарскихъ—проф. Лиліенталя, Штооса и др. Приводя ниже программу союза, мы считаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не безъинтереснымъ для нашихъ читателей краткое ознакомленіе съ нѣкоторыми разъясненіями и обобщеніями къ этой программѣ, сдѣланными однимъ изъ основателей союза, проф. Листомъ, въ небольшой статьѣ, помѣщенной въ 3-й кн. Zeitschrift

f. d. ges. Strafrechtswissenschaft за 1889 г. Здѣсь содержатся мотивы, которыми руководились основатели союза при его учрежденіи.

Цѣль, преслѣдуемая союзомъ, исключительно *практическаго* свойства: постепенное преобразованіе дѣйствующаго права, для того чтобы сдѣлать наказаніе болѣе дѣйствительнымъ средствомъ въ борьбѣ съ преступностью; не занимаясь чисто теоретическими контроверзами, союзъ вовсе не ставитъ условіемъ своимъ членамъ защиту опредѣленной теоріи наказанія, онъ требуетъ лишь признанія того положенія, что «задачей наказанія должна быть цѣлесообразная (zielbewusste) борьба съ преступностью».

Союзъ носитъ международный характеръ не потому, чтобы онъ отрицалъ необходимость національнаго законодательства для каждаго народа, но потому, что наука, служащая базисомъ для законодательства, какъ и всякая наука, международна.

Союзъ исходитъ изъ того положенія, что для борьбы съ преступностью, нужно *знать* преступность. Поэтому, въ полную противоположность формально-юридическому направленію въ области уголовнаго права, онъ придаетъ высокую цѣну изученію преступленія, какъ явленія индивидуальной и общественной жизни,—уголовной біологіи (или антропологіи) и «уголовной соціологіи», не приписывая, впрочемъ, особаго значенія самымъ этимъ терминомъ.

Соціологическое и антропологическое изслѣдованіе преступленія едва начато, а потому союзъ не нашелъ возможнымъ включить ихъ въ свою программу. Онъ, вообще, не примыкаетъ всецѣло ни къ одному изъ существующихъ научныхъ направленій въ этой области, въ частности же желаетъ сохранить полную самостоятельность и свободу критической оцѣнки по отношенію къ такъ называемой «итальянской позитивной школѣ».

Программа союза намѣчена пока лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Ст. 2 заключаетъ лишь указаніе существеннѣйшихъ вопросовъ уголовной политики, которые составятъ предметъ ближайшихъ занятій союза. Сюда относятся: необходимость уничтоженія существующей рѣзкой обособленности между наказаніемъ преступленій и ихъ предупрежденіемъ, между установленіемъ наказанія и приведеніемъ его въ исполненіе; вообще, необходимость объединенія отдѣльныхъ дисциплинъ, составляющихъ науку уголовнаго права (sciences pénales) и покоющагося на этой наукѣ законодательства; далѣе необходимость различенія по наказуемости преступниковъ привычныхъ отъ случайныхъ; наконецъ, необходимость устраненія изъ системы наказаній краткосрочнаго лишенія свободы.

Программа международнаго криминалистическаго союза. Ст. 1. Международный криминалистическій союзъ исходитъ изъ того убѣжденія, что преступленіе и наказаніе должны быть изучаемы столько же съ соціологической, какъ и съ юридической точки зрѣнія. Онъ ставитъ себѣ задачей — содѣйствовать проведенію этого воззрѣнія и вытекающихъ изъ него послѣдствій въ наукѣ и законодательствѣ.

Ст. 2. Союзъ кладетъ въ основаніе своей дѣятельности слѣдующія положенія:

1) Цѣль наказанія — борьба съ преступностью, какъ явленіемъ соціальнымъ.

2) Въ виду этого, ни наука уголовнаго права, ни уголовное законодательство не должны игнорировать результатовъ антропологическихъ и соціологическихъ изслѣдованій.

3) Наказаніе является однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ въ борьбѣ съ преступностью, но отнюдь не единственнымъ. Поэтому, оно не должно разсматриваться изолированно отъ другихъ средствъ, въ особенности же отъ средствъ, служащихъ для предупрежденія преступленія.

4) Различеніе преступниковъ привычныхъ и случайныхъ—фактъ первостепенной важности; это различеніе должно лечь въ основу законодательныхъ постановленій.

5) Такъ какъ постановленіе судебныхъ приговоровъ и приведеніе этихъ приговоровъ въ исполненіе служатъ одной и той же цѣли, такъ какъ судебный приговоръ получаетъ свое содержаніе и значеніе лишь чрезъ приведеніе его въ исполненіе, то господствующее въ современномъ уголовномъ правѣ своеобразное отдѣленіе постановленія приговора отъ приведенія его въ исполненіе, раздѣленіе дѣятельности репрессивной и пенитенціарной является неправильнымъ и нецѣлесообразнымъ.

6) Такъ какъ лишеніе свободы справедливо занимаетъ въ нашей системѣ наказаній первое мѣсто, то союзъ съ особеннымъ вниманіемъ будетъ относиться къ стремленіямъ улучшить тюрьмы и другія заведенія этого рода.

7) Союзъ считаетъ, однако, замѣну краткосрочнаго лишенія свободы другаго рода наказаніями и возможной, и желательной.

8) При долгосрочномъ лишеніи свободы, срокъ заключенія опредѣляется не только сообразно съ тяжестью преступнаго дѣянія, но также и съ результатами, полученными при пенитенціарномъ режимѣ.

9) Неисправимыхъ привычныхъ преступниковъ уголовное законодательство должно, по мнѣнію союза, сдѣлать на возможно продолжительное время безвредными для общества даже въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ лишь о частомъ повтореніи менѣе значительныхъ нарушеній.

Ст. 3. Члены союза принимаютъ основныя положенія, выставленныя въ ст. 2. Принятіе новыхъ членовъ происходитъ по письменному предложенію одного изъ членовъ, вносимому въ бюро союза. Бюро рѣшаетъ вопросъ о принятіи большинствомъ голосовъ, безъ представленія основаній своего рѣшенія.

Ст. 4. Союзъ имѣетъ одно собраніе ежегодно; въ видѣ исключенія, собранія могутъ происходить и въ болѣе продолжительные промежутки времени. На каждомъ собраніи опредѣляется мѣсто и время слѣдующаго собранія. Опредѣленіе мѣста и времени перваго собранія, которое будетъ въ 1889 г., предоставляется бюро.

Ст. 5. Бюро установляетъ порядокъ дня при собраніяхъ и подготовляетъ доклады, которые служатъ предметомъ обсужденія собранія.

Оно представляетъ каждому собранію докладъ объ успѣхахъ уголовнаго законодательства разныхъ странъ со времени послѣдняго собранія и обнародываетъ этотъ докладъ вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ протоколовъ собранія.

Ст. 6. Собраніе избираетъ членовъ бюро и постановляетъ, какіе языки допускаются при преніяхъ, въ видахъ облегченія послѣднихъ.

Поставленные на очередь вопросы обыкновенно не подлежатъ голосованію. Однако, если предложенный тезисъ встрѣтитъ одобреніе со стороны не менѣе $^2/_3$ голосующихъ членовъ, то онъ присоединяется къ основнымъ положеніямъ ст. 2.

Ст. 7. Собраніе постановляетъ свое рѣшеніе большинствомъ голосовъ. Отсутствующіе члены могутъ голосовать письменно. Для измѣненія положеній программы нужно большинство $^2/_3$ всѣхъ голосующихъ членовъ.

Ст. 8. Бюро состоитъ изъ 3 членовъ, которые распредѣляютъ между собою обязанности предсѣдателя, дѣлопроизводителя и казначея. Оно уполномочено назначить и исправляющаго должность дѣлопроизводителя; бюро назначаетъ изъ своей среды предсѣдателя собранія.

Ст. 9. Каждый членъ взноситъ ежегодно казначею 5 фр.=4 марки. Собраніе можетъ установить постоянное или временное повышеніе этого взноса.

Ст. 10. До перваго собранія, бюро состоитъ изъ проф. Г. А. Ванъ-Гамель, въ Амстердамѣ, Ф. фонъ Листа, въ Марбургѣ и Ад. Принса, въ Брюсселѣ.

Изъ годичнаго отчета вспомогательной кассы присяжныхъ повѣренныхъ. Намъ доставлено извлеченіе изъ отчета вспомогательной кассы присяжныхъ повѣренныхъ московскаго округа за прошлый 1888 годъ. Изъ этого отчета видно, что членами кассы изъ общаго числа 334 прис. повѣренныхъ и 182 помощниковъ состояло только 35 человѣкъ. Приходу въ вспомогательный капиталъ было 7669 р. 27 к., израсходовано 4258 руб. Пенсіонный капиталъ къ концу года равнялся 28593 р. 16 к., пенсій назначено 14, на сумму 2531 руб. 64 к.; всѣ пенсіи назначены вдовамъ. Изъ книгъ кассы видно, что со времени учрежденія кассы, 5 января 1877 года, по 5 января 1889 года выдано было похоронныхъ 4905 р. и пенсіонныхъ 18959 р. 17 к., а всего 23864 р. 17 к., а если причислить къ этой суммѣ наличность кассы на 5-е января 1889 г. и разные расходы со дня учрежденія кассы, то окажется, что въ теченіе 12 лѣтъ поступило всего 60036 р. 41 к.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1889 ГОДУ

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки. . .	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. . . .	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города. .	9 р.
за-границей.	12 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената**, платятъ за журналъ и за рѣшенія:
съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города. 13 р. 50 к.

Рѣшенія кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 р., съ касс. рѣш. 8 р., и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. Въ случаѣ невысылки въ условленный срокъ подписной платы, дальнѣйшая доставка журнала пріостанавливается. **Гг. дѣйствительные члены Спб. юридическаго общества** *пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к. То же право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.*

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ Москвѣ: у *Анисимова*, на Никольской улицѣ, и *Папкова*, Тверская, Чернышевскій переулокъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1886 и 1887 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

Редакторъ **В. Володиміровъ.**

Содержаніе четвертой книги:

I. Узаконенія и распоряженія правительства.—II. Личный составъ.—III. Предѣлы устности на судѣ уголовномъ (окончаніе). *А. Бардзскаго.*—IV. О проектѣ уголовнаго уложеніе. *Д. Тальберга.*—V. Усмотрѣніе суда въ гражданскомъ процессѣ. *К. Анненкова.*—VI. О торгахъ на недвижимыя имѣнія, несостоявшихся за невнесеніемъ задаточныхъ денегъ. *С. Горяинова.*—VII. **Критика и библіографія.** *А. Гольмстена* и *П. Колумбуса.* VIII. За мѣсяцъ (юридическая хроника): *Z.*—**Замѣтки.** IX. Возможно ли при прежнемъ судопроизводствѣ предъявленіе спора противъ дѣйствительности по внѣшней формѣ духовнаго завѣщанія, въ установленномъ порядкѣ засвидѣтельствованнаго? *М. Шафира.* — X. Отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ за вредъ и убытки *Ф. Зейлигера.* — XI. По поводу предстоящаго въ 1889 году тюремнаго конгресса въ С.-Петербургъ. *А. Лихачева.* — XII. Еще къ вопросу о бродягахъ. *В. Волжина.*— XIII. Нѣсколько замѣчаній по поводу «устава судопроизводства торговаго» изданія 1887 года. *Z.*—XIV. О значеніи 281 ст. уст. уг. суд. въ практическомъ ея примѣненіи. *К. С-на.*—XV. Объявленія. **Приложенія.** XVI. Уголовное уложеніе. Проектъ редакціонной коммиссіи и замѣчанія редакціоннаго комитета с.-петербургскаго юридическаго общества. (Часть особенная. Преступленія имущественныя).

Сборъ пожертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памятника

Николаю Васильевичу Гоголю.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому геніальному писателю нашему—Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія, и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора, князя Владиміра Андреевича Долгорукова, въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и его Величество 1-го августа 1880 года Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю.

Къ первому февраля 1889 года къ казначею Общества поступило пожертвованій 31.895 руб. $17^{3}/_{4}$ коп.

Пожертвованія принимаются въ редакціи журнала **„Юридическій Вѣстникъ“**.

Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемѣсячно высылаться казначею Общества, которымъ и будутъ выдаваться росписки въ полученіи денегъ. О поступившихъ пожертвованіяхъ ежемѣсячно печатаются отчеты.

*

